МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УФИМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ОРДЕНА ЗНАК ПОЧЕТА
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

З.Я. Рахматуллина

Традиционные ценности башкир: история и современность

Монография

У ф а
ИИЯЛ УФИЦ РАН
2023

УДК 124.51:130.2:39(=512.141)
ББК 71.04:63.5(Рос=Баш)
Р27

Печатается по решению заседания Ученого совета Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (Протокол № 4 от 14.09.2023 г.)

***Научный редактор**:*
доктор философских наук, профессор Б.С. Галимов (г. Уфа)

Рецензенты:
д-р филос. наук, профессор Л.А. Иткулова (УУНиТ, г. Уфа);
д-р филос. наук, профессор Х.С. Вильданов (УГНТУ, г. Уфа)

Рахматуллина, З.Я.
Р27 Традиционные ценности башкир: история и современность : монография / З.Я. Рахматуллина. – Уфа : ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2023. – 216 с.
ISBN 978-5-91608-241-8

Монография представляет собой осмысление сущности и своеобразия башкирской аксиосферы, исторических особенностей ее формирования и современного состояния, роли традиционных ценностей башкирского народа в жизни человека и общества в современном глобализирующемся мире на основе привлечения обширного этико-философского, историко-культурологического, искусствоведческого, фольклорного, лингвистического, религиоведческого, социально-психологического и этнографического материала.

Книга предназначена для широкого круга читателей, интересующихся проблемами башкирской национальной духовности и башкироведения.

УДК 124.51:130.2:39(=512.141)
ББК 71.04:63.5(Рос=Баш)

ISBN 978-5-91608-241-8
DOI: 10.31833/241-8.2023.20

© Рахматуллина З.Я, 2023
© ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2023

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Традиционные ценности: духовная сущность, этнокультурное измерение и актуализация в современных условиях	6
Глава 2. Традиционные ценности башкир как социокультурное явление	27
Глава 3. Влияние ислама на ценностные ориентиры башкирского народа	73
Глава 4. Ритуально-церемониальный комплекс и «природное мировоззрение» башкир: ценностная составляющая и национальные особенности	88
Глава 5. Башкирская семья как ценность	114
Глава 6. Ценностные смыслы и культура семейной обрядности башкир	142
Глава 7. Аксиология башкирского гостеприимства: прошлое и настоящее	179
Глава 8. Башкирская народная песня как квинтэссенция традиционных ценностей	192
Заключение	202
Литература	204

Введение

В ноябре 2022 года Президент страны В.В. Путин подписал Указ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (1). Данный судьбоносный для надежного настоящего и уверенного будущего Российского государства документ – свидетельство тому, что поликультурная, многонациональная и поликонфессиональная Россия будет защищать свои исконные традиционные духовные ценности и будет жить в соответствии с ними.

«Крымская весна» 2014 года разрушила однополярный мир и доказала всем идеологическим оппонентам, что современная Россия – большая, сильная, многонациональная единая страна, которая отстаивает свои интересы, свой народ и культуру, свои родные, веками накопленные ее народами ценности добра, истины, красоты, дружбы, коллективизма, справедливости.

Время тотального «европейничанья» (Н. Данилевский) и поклонения перед «фаустовской» культурой проходит, но западнизация и американизация массового сознания вместе с либеральными лозунгами успели нанести серьезный урон отечественной духовности и нравственности, обесценили такие жизненно важные понятия, как любовь к Родине, государственность, общегражданская идентичность, семья и др. В 2020 году в Конституции страны даже был закреплен пункт, что брак – это не однополая категория, а союз мужчины и женщины, что семья – это отец и мать, а не родители № 1 и № 2, как на протяжении десятилетий пытались навязать российскому обществу как норму западная толерантность и «суперлибералы».

Целенаправленная идеологическая лжеценностная пропаганда «коллективного Запада», активное информационное и психологическое воздействие на ум, чувства, личностное и социальное поведение, разрушающие национальный дух и душу российского человека, были направлены прежде всего против молодых поколений, главного мобилизационного ресурса страны. Деструктивная информация активно культивировала в массовом отечественном сознании приоритет антиэтизма, антикультуры, эгоизма, вседозволенности, нивелировала значимость патриотиче-

ского начала, ценность межнационального мира и согласия, искажала роль России в мировой истории и др.

На протяжении веков отечественные и этнические традиционные ценности защищали человека от варварства, и теперь наступило время беречь и защищать их от варваризации во имя сохранения страны как самостоятельного, авторитетного государства на международной арене, во имя сбережения ее народов как основного государственного стратегического приоритета. Действительно, собственные ценности нужно защищать, и если есть необходимость, то и с оружием в руках, чтобы молодые поколения не поклонялись ложным идолам и символам, пели свои, а не чужие песни, гордились своими героями и национальной историей, выросли не интеллектуалами-грабителями, которые будут использовать свои силы и знания исключительно для грабежа Родины и личного обогащения, а настоящими духовными и образованными людьми, патриотами и гражданами своего Отечества.

Традиционный ценностный мир современной полиэтнической России соткан из гуманистических духовных и культурных смыслов (патриотизм, гражданственность, коллективизм, межнациональная дружба, подлинная вера, уважительное отношение к другому и др.), которые на протяжении веков выкристаллизовывались в исторической памяти и социокультуре ее народов (русских, башкир, татар, чувашей, мордвы и др.), выступая одним из консолидирующих факторов особенно в ответственные периоды в биографии единого государства. И сегодня, в условиях угрозы национальной безопасности страны, традиционные отечественные ценности являются действенным ответом на геополитические вызовы как духовная основа российской цивилизации, государственного и культурного суверенитета России.

Примечание

1. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Глава 1. Традиционные ценности: духовная сущность, этнокультурное измерение и актуализация в современных условиях

Духовное пространство современной России – это ценностное многообразие, представленное мозаикой как сохраняющих свою значимость непреходящих традиционных ценностей, так и навязанных десятилетиями «европейничанья» новых смыслов и жизненных ориентиров, которые сегодня, в период одного из ответственных этапов в отечественной новейшей истории, становятся актуальным предметом осмысления в научно-исследовательской мысли и массовом сознании. «Современное российское общество напоминает рассыпающийся песок, из которого не удается создать устойчивых социальных конструкций, – совсем недавно писали о сложившейся в стране на рубеже веков социокультурной ситуации отечественные исследователи, – а сами элементы общества, попадая в настоящее время или в перспективе в зону притяжения иных цивилизационных ядер, неизбежно теряют собственную идентичность» (1).

Россия успела остановиться у роковой черты и не переступить «точку невозврата». Знаковые события в социокультурной и политической жизни российского общества последних лет бесповоротно и кардинально изменили политическую картину мира. Возвращение Крыма на историческую Родину, результативные ответы последовавшим международным санкциям и информационным вызовам, укрепление геополитического авторитета страны, защита собственных границ и успешное противостояние «коллективному Западу» демонстрируют единение российских народов, направленное на сохранение государственной и культурной персональности, обеспечение национальной безопасности. Современное Российское государство – это не «большая автозаправка», как подчеркивал в свое время американский сенатор Дж. Маккейн, а действительно большая и сильная страна, главным богатством которой является дружный многонациональный народ.

Россия – страна со своей цивилизационной траекторией развития, с неотчуждаемым правом решать свою национальную судьбу, защищать собственные национальные интересы, неприкосновенность территории, настоящее и будущее своих граждан. Поправки, внесенные в главный закон – Конституцию Российской Федерации в 2020

году, стали убедительным доказательством того, что незыблемость основ государственности, священность национальной истории и ее символов, сбережение и развитие многонациональной отечественной культуры, материального и духовного наследия российских народов, родных языков, традиционных верований, сотворчество и мирное событие этносов, верность национальным идеалам являются главными принципами внешней и внутренней государственной политики Российской Федерации. Тематические (именные) годы последних лет в социокультурной жизни страны наглядно свидетельствуют о том, что и в государственном мышлении, и в сфере законодательства, и в массовом и личностном миропонимании, и в гуманитарном знании формируются совершенно иные подходы и дискурсы, показывающие значимость собственной социокультурной традиции и культуры, их базовых ценностей для обеспечения национальной безопасности в современных геополитических и внутренних условиях.

2014 год был объявлен Годом культуры в ее глубинном общефилософском понимании как состояние и уровень духа и души, мысли и чувств (индивидуальных и общественных), качество государственного управления, творчества и жизнедеятельности, мера национального и личного поведения, принцип межличностного и межнационального общения. 2015 год стал Годом литературы как квинтэссенции национального менталитета и ценностных приоритетов, 2016 год – Годом отечественного кино, призванного воспитывать патриотов и граждан, подвижников собственной национальной идеи, 2017 год – Годом экологии природного окружения, родной земли. Следующий 2018 год стал Годом добровольца и волонтера, 2019 год – Годом театра, 2020 год – Годом памяти и славы, 2021 год – Годом науки и технологий, 2022 год – Годом культурного наследия народов России. 2023 год объявлен Годом педагога и наставника – годом просветителей и воспитателей, формирующих гармоничную личность, духовного человека с высоким уровнем культурного, социального, эмоционального, этического интеллекта, который сегодня так нужен стране. Более того, были приняты многочисленные нормативные документы, законы, подзаконные акты, направленные против распространения в обществе деструктивной идеологии, антикультуры, лжеценностей, разрушающих духовный мир подрастающих поколений.

Очевидно, что в современных геополитических условиях национальная безопасность, надежное настоящее и гарантированное будущее государства и его граждан зависят не только от конкурентоспособной и сильной экономики, военной мощи и боеспособной армии, но и от наличия в общественном и личностном сознании «духовных скреп», собственных ценностей, а не вслепую, в угоду каким-либо идеологическим клише заимствованных чужих смыслов и жизненных ориентиров, которые исторически сформированы чужой социокультурой, верой и религией и обслуживают интересы и политические цели недругов. Нет сомнения в том, что у государства, в котором живут поклоняющиеся чужим богам, не знающие своих великих героев «иваны, не помнящие родства» и одномерные манкурты без исторических и этнических корней, практически нет будущего. К сожалению, многие молодые люди сегодня «помешаны» на ценностях и смыслах западной и американской культуры, идут на поводу деструктивной информационной пропаганды, зачастую целенаправленно извращающей святыни и многонациональную историю российских народов. Именно эта молодежь – удобная ниша для идеологических манипуляций зарубежных «конкурирующих фирм» в деле воспитания. Еще древние мудрецы предостерегали, что для завоевания народа не обязательно брать в руки смертоносное оружие: достаточно завладеть его духом, и тогда он сам станет перед тобой на колени. Общество, которое не бережет, не умножает и не дорожит своими культурными ценностями, будет «сидеть» на чужой, как правило, американской или западной «культурной игле» с ее гипертолерантностью, суперлиберализмом и нетрадиционными ценностями и отношениями.

Нынешняя ситуация в ценностной сфере – это масштабные «вызовы», которые стоят перед государственными органами, законодательной властью, социальными институтами, гражданским сообществом, учеными и всеми теми, кто имеет отношение к духовному формированию современного индивида. Просвещение и воспитание ценностного и культурного патриотизма начинается с простых вещей: со святости семейных традиций, национальных символов, уважительного отношения и любви к родному слову, родному языку, который нуждается сегодня в защите от ненормативной лексики, иностранных слов, безграмотности. К сожалению, почти четверть века реализации в новейшей отечественной истории

западноевропейской цивилизационной модели культуро- и жизнетворчества принесли свои негативные плоды. Бесконтрольное распространение эрзац-форм массовой культуры, ориентация системы отечественного образования на западные образцы, продиктованные совершенно другими историческими и социокультурными условиями, жертвенные попытки вписаться в международные правовые стандарты и идеологические клише и др. обусловили отчуждение молодых людей от культурного и ценностного наследия прошлых поколений, которые на протяжении веков культивировали «человеческое» в индивиде и обществе. Сегодня, когда Россия с оружием в руках защищает не только свои границы и национальные интересы, но и противостоит тотальной информационной войне за дух и души молодых граждан страны, собственные культурные смыслы, традиционные ценности могут стать ценностной основой и реальным духовным оружием в сегодняшнем противостоянии «коллективному Западу».

В контексте происходящих геополитических событий «ценность» («традиционная ценность») становится одним из востребованных исследовательских дискурсов в отечественной обществоведческой мысли. Ценности сегодня интересуют личностное и общественное сознание, идеологов, политиков, научную гуманитарную мысль.

Сегодня понятие «ценность» прочно вошло в литературный, политический, правовой, философско-научный и бытовой лексикон, употребляясь в широком семантическом диапазоне. Термин используется для обозначения значимости, полезности каких-либо предметов или явлений, их свойств и характеристик, которые играют определенную (как правило, конструктивную) роль в социальной и личностной жизни и которые оценивает человек. Ценности – это идеальные, должные ориентиры в жизнедеятельности индивида. Рассуждают об общечеловеческих и этнических, традиционных и новых, материальных и духовных, субъективных и объективных ценностях, изучаются производственные, семейные, политические, этические, эстетические, религиозные, научные, культурные, художественные и др. ценности.

Полисемантизм понятия нашел отражение во всех нормативно-справочных изданиях (словарях, энциклопедиях и т. д.). Например, в «Толковом словаре русского языка» выделяются следующие

значения: 1) то, что имеет большую цену, стоимость, ценный, дорогой; 2) важный, нужный, значимый, с большими достоинствами; 3) ценный предмет, явление (культурные ценности, духовные ценности, материальные ценности (2). В научных исследованиях представлен широкий спектр методологических и частно-научных подходов к осмыслению сущности данного феномена. Часто они ограничиваются обобщенными и абстрактными рассуждениями в рамках познавательных целей своей области или анализом отдельной какой-то ее «ипостаси».

Многомерность и содержательная расплывчатость «ценности» как предмета исследовательского дискурса, мозаичность концептуальных образов в науках, ее изучающих (философии, культурологии, социологии, политологии, педагогике, психологии, этике, религиоведении, искусствознании, лингвистике и др.), зачастую вызывают оживленные научные и общественные дискуссии.

Как известно, ключевые представления о ценностях как о духовной основе должного, осмысленного, гарантированного и достойного существования человека в ходе его антропо-, социо- и духогенеза уходят корнями в его мифологию, религию, философию. Впоследствии они заняли свою устойчивую нишу в мировой и отечественной научно-гуманитарной и обществоведческой мысли. В частности, философско-антропологическая традиция, в центре которой – проблема человека, его жизненных смыслов и ценностных ориентаций, берет свое начало еще в античных учениях Сократа, Платона, Аристотеля, Эпикура и их последователей. «…Все в этом мире приобретает значение, смысл и ценность лишь в соотнесении с человеком, как человеческое, – подчеркивал М.М. Бахтин. – Все возможное бытие и весь возможный смысл располагаются вокруг человека как центра и единственной ценности; всё… должно быть соотнесено с человеческим, стать человеческим» (3). Ценностная проблематика красной нитью проходила через средневековую философию, труды мыслителей эпохи Возрождения и Нового времени, активно обсуждалась в работах А. Августина, Д. Дидро, Н. Кузанского, Дж. Локка, М. Монтеня, была предметом размышлений представителей немецкой классической философии И. Канта, И.-Г. Фихте, Л. Фейербаха, марксистской философии.

Становление научной мысли, изучающей философские проблемы ценностей (аксиологии), приходится на вторую половину

XIX века и становится теоретической основой для оформления актуальной философско-культурологической дисциплины. Ее оформление не ограничилось рамками какого-либо отдельного направления, более того, обусловило возникновение многочисленных теорий ценностей и концептуальных подходов.

По сути, аксиология как теория ценностей и «ценность» как философская категория появились в 60-х годах XIX века во многом благодаря исследованиям немецкого философа-спиритуалиста, психолога и естествоиспытателя Рудольфа Германа Лотце (1817-1881), который поставил под сомнение исключительное господство натуралистической метафизики. В сочинении «Микрокосм: мысли о естественной и бытовой истории человечества, опыт антропологии, душа» Р.Г. Лотце определяет сверхчувственный (ненатуральный) мир идей как пространство ценностей и говорит о том, что окружающий человека мир делится на мир явлений и мир ценностей, которые относятся к сфере проявления идей. Тем самым ученый развел в разные стороны сферу ценностного определения должного и сферу явлений действительности и их познания, придал «ценности» статус самостоятельного философского понятия, категориальный смысл, имеющий значение как для бытия, так и для познания. Далее ценностная проблематика, общетеоретические основы аксиологии активно поднимались в исследованиях западных философов XX века, представляющих разные направления и концептуальные позиции: М. Бубера, М. Вебера, Э. Гуссерля, Ф. Ницше, Э. Фромма и др. Духовный мир человека, его душа, мировоззрение, идеалы, ценности нашли осмысление в русской религиозной философии в трудах Н.А. Бердяева, И.А. Ильина, Н.О. Лосского, В.С. Соловьева и др., писателя Ф.М. Достоевского. Ценностной проблематикой занимались башкирские просветители М. Акмулла, М. Уметбаев, Р. Фахретдинов, чьи труды стали глубокими философскими размышлениями о национальном духе башкир, об особенностях миропонимания и мироотношения, о ценностных ориентациях народа.

В отечественном обществоведении практически до начала 60-х гг. прошлого века аксиология была под официальным запретом как «ипостась» буржуазной лженауки. Интерес же к исследованию основных аксиологических понятий в контексте марксистской методологии был связан с появлением в 1960 году работы В.П. Тугаринова «О ценностях жизни и культуры», в которой автор

предложил дефиницию ценностей как предметов, явлений и их свойств, которые нужны членам определенного общества, класса или отдельной личности в качестве средств удовлетворения их потребностей и интересов, а также обозначил их как идеи и побуждения в качестве нормы, цели или идеала (4).

В связи с необходимостью разработки нравственных основ социалистического образа жизни и системы его ценностей идеи ученого «подхватила» гуманитарная и обществоведческая наука, аксиологическая тема стала активно разрабатываться, ее различные аспекты нашли отражение в исследованиях Г.П. Выжлецова, П.С. Гуревича, О.Г. Дробницкого, М.С. Кагана, М.К. Мамардашвили, Л.Н. Столовича и др. Советская аксиология разрабатывалась исключительно с методологической позиции марксизма-ленинизма, в соответствии с которой ценности определялись как характеристики, свойства или стороны явлений, имеющие классовую, конкретно-историческую значимость. Тем не менее работы данных авторов стали новым философским взглядом на актуальную проблему. Их начинания были продолжены современными исследователями О.П. Зубец, А.Е. Лукьяновым, Н.С. Розовым и др. Различные принципы (философские, этические, эстетические, культурологические и др.) легли в основу осмысления ценностной тематики, актуализировав ее важнейшие аспекты. Была оформлена некая систематизация в ее изучении и методологической интерпретации, определено содержательное поле ценностей как экзистенциальных и культурных смыслов, обусловливающих направленность гуманистически ориентированной деятельности, позитивного и конструктивного миропонимания и мироотношения индивидов. Как справедливо подчеркивал В.П. Гуревич, ценность выражает человеческое измерение культуры, человеческое измерение общественного сознания, воплощает в себе отношение к различным формам человеческого бытия, человеческого существования, представляя собой не только осознанное, но и жизненно, экзистенциально прочувствованное бытие (5). В последние годы теоретические наработки в данном направлении ведутся в самых различных дискурсах во всех областях гуманитарного знания в контексте осмысления диалектики традиционных и новых ценностей в условиях меняющегося мира, дополняясь конкретными эмпирическими данными и результатами социологических исследований.

Определенная сложность в исследовании ценностной тематики заключается в отсутствии научного и методологического единства в понимании философского образа данного феномена, в многообразии концептуальных подходов, в структурной многомерности явления, объективно существующего в жизни и субъективно осознаваемого индивидом как норма, идеалы, значимые цели. Ценность – это феномен с человеческим лицом, «человеческое, слишком человеческое» (Ф. Ницше), поскольку именно человек выстраивает свой особый жизненный мир, в котором пересекаются добро и зло, красота и безобразное, истина и заблуждения, добродетель и порок, справедливость и несправедливость, благо и вред, запретное и допустимое. Именно человек постоянно оценивает, определяет значимость этих феноменов и их влияние на его настоящее и будущее.

Ценностные приоритеты человека, общества, народов, государств в социокультурной истории менялись в зависимости от духа исторической эпохи, культурного контекста, конкретных социальных фактов, геополитической ситуации и др., но, безусловно, ценностное отношение к миру было и остается константой исключительно человеческого бытия и сознания, «визитной карточкой» рефлексирующего о смыслах и цели своей жизни индивида. Ценности, передаваясь от поколения к поколению, консолидируют общество, предлагают индивиду модели должного, социально одобряемого мироотношения и поведения. Особенно в условиях критического жизненного выбора человек опирается на проверенные историей механизмы обеспечения непрерывности ценностной эстафеты – семью, школу, искусство, фольклор, литературу и др.

В современной гуманитарной науке ценности имеют в основном этико-философское и социально-психологическое измерения как социальный феномен, как цель и результат жизнедеятельности общества, социальных и этнических групп, индивида. Ряд исследователей определяют ценности как обобщенные представления о наиболее значимых для качественной и одухотворенной жизни человека нормах и ориентирах поведения, которые формируют «жизненный стиль» общества (В.И. Пантин, В.В. Лапкин). Ценности понимаются как социально одобряемые и поддерживаемые общественным сознанием представления о добре, истине и красоте, патриотизме, дружбе, любви и др., существующие в социокультуре

(Р.М. Николаев), как определенные и значимые для человека ментальные конструкции, соответствующие не только его личным, но и общественным запросам в условиях конкретного социокультурного пространства (О.В. Савинова) и др. Ценность трактуется как представление о том, что имеет жизненно важное и судьбоносное значение, свято для индивида, класса, группы, общества, этноса. Ценность – это то, что не подвергается сомнению, служит эталоном, идеалом, воспринимается как предпочтения, объективированные в поведении и поступках человека.

Философские энциклопедические издания определяют ценность как одну из важнейших понятийных универсалий философии. В «Современном философском словаре» под ред. В.Е. Кемерова, например, ценностью называется «сложившаяся в условиях цивилизации и непосредственно переживаемая людьми форма их отношения к общезначимым образцам культуры и к тем предельным возможностям, от осознания которых зависит способность каждого индивида проектировать будущее, оценивать «иное» и сохранять в памяти прошлое» (6). Ценности в данном контексте указывают на личностное, общественное и культурное измерения объектов и явлений окружающей действительности, человеческих представлений, которые связываются со сферой должного, доброго, истинного, прекрасного и с миром гуманистических смыслов. Зачастую ценностям приписываются внеличностный либо надличностный, даже внеисторический характер, способный связывать воедино прошлое, настоящее и будущее, придавать существованию индивида аксиологическую значимость, определять его жизненно важные и судьбоносные приоритеты.

Ценности – это идеальные представления и специфические определения личностного и социального характера объектов, фактов и явлений окружающей действительности, выявляющие их положительные смыслы для жизни человека и общества. Они возникают как итог рефлексии индивида о значимости и полезности тех или иных объектов (материальных или духовных) для его качественного и одухотворённого бытия. Каждая сфера социокультурной деятельности имеет свойственное ей ценностное измерение (ценности материальной жизни, социального порядка, экономики, политики, морали, искусства, религии, науки и др.). Развитие культур, как правило, сопровождается переоценкой ценностей, есть и опреде-

ленная иерархия ценностей, все многообразие которых можно условно систематизировать на основании выделения тех жизненных сфер, в которых реализуются соответствующие потребности и разворачивается многогранная деятельность человека:

– ценности жизни, направленные на удовлетворение витальных нужд человека: пища, одежда, здоровье, безопасность и др.,

– социальные ценности: личная независимость, семья, социальный и профессиональный статус, трудолюбие, патриотизм, коллективизм, способность к достижениям,

– этические ценности: добро, благо, дружба, любовь, ответственность, долг, честь, бескорыстие, честность, совесть, верность, любовь, уважение к старшим, справедливость, порядочность, взаимопомощь,

– интеллектуальные ценности: мудрость, знания, наука, технологии и др.,

– эстетические ценности: красота, возвышенное, изящное, совершенство, мера, стиль, гармония,

– художественные ценности: произведения искусства, народных промыслов, предметы быта, религиозного культа, декоративно-прикладного творчества,

– религиозные ценности: бог, вера, спасение, милосердие и др.,

– политические ценности: солидарность, демократия, гражданская активность, гражданские свободы, гражданский мир,

– экономические ценности: единство экономической полезности блага и затрат на его производство, качество жизни, наличие равных условий для товаропроизводителей и благоприятных условий для развития производства товаров и услуг (7).

Как уже отмечалось, выделяются материальные и духовные, традиционные и новые (современные) ценности. Традиционными считаются те ценности, которые на протяжении длительного исторического времени определяют жизненный мир, отношения, чувства, привычки людей в контексте своих значимых императивов. Они охраняют, сохраняют, воспроизводят в настоящем сложившиеся нормы и образцы жизни, питали и питают своими духовными смыслами не только устоявшиеся, но и появившиеся в современных условиях церемониалы, ритуалы, обряды, обычаи, этикетные и поведенческие нормы. В них накоплен исторически важный социаль-

ный и культурный опыт, имеющий непреходящее значение для современности. Эти своеобразные духовные артефакты сохраняют свою актуальность и востребованность на протяжении веков или в продолжение долгого времени в жизни того или иного общества, являются основой этнокультурной (общенациональной, общегражданской) идентичности в полиэтническом пространстве, скрепляя общество и человека, и выполняют многочисленные социальные функции.

Современная геополитическая и социокультурная ситуация в России, актуализировавшая ценностную тематику и в политической сфере, и в научно-гуманитарной области, и в массовом сознании, вносит свои коррективы в понимание сущности традиционных ценностей, значимости их функциональных возможностей и роли в просветительской деятельности и воспитательной практике. Традиционные ценности – это то, что направляет позитивную и созидательную активность и деятельность людей на творчество красоты и добра. Это совокупность лучших творений человеческих рук, чувств, мыслей и духа со знаком «+», это то, что противостоит злу, безобразному, заблуждениям, варваризации духа и души общества и индивида, защищает от чуждых и разрушительных жизненных смыслов и антикультуры. Традиционные ценности – это то, что способствует качественному социальному и личностному развитию, духовному росту и возвышению человека и общества, умножению в жизни добра, истины и красоты (8).

В исследовательской литературе можно выделить несколько методологических позиций, раскрывающих сущность традиционных ценностей. Ряд исследователей определяют традиционные ценности как устоявшиеся нормы и смыслы, охраняющие социальные институты и незыблемые порядки, освященные социокультурной традицией. В данном контексте диалектика традиционных ценностей и новаций предполагает взвешенное отношение ко всем новшествам и соблюдение меры в их взаимосвязи (9). Другой подход к понятию традиционных ценностей – осмысление их через призму религиозных ценностей. Действительно, многие религиозные ценности как результат духовного освоения человеком окружающей действительности, как продиктованные и санкционированные высшими силами ориентиры для самосовершенствования индивида в земном бытии, имеют универсальную жизненную зна-

чимость для человека и сегодня активно противостоят бездуховности и антикультуре (10). Тем не менее идентификация традиционных ценностей в многонациональном обществе исключительно с этнокультурными и этнорелигиозными сужает семантическое поле данного понятия. Безусловно, у каждого этноса есть свои особенные ментальные (мировоззренческие и психологические) черты, духовные предпочтения, идеалы, обусловленные этнокультурной историей, образом жизни, верой, которые придают самобытное ценностное измерение национальному духу и определяют в нем ключевые ценностные характеристики и ориентиры (11). Однако в поликультурном пространстве, имеющем многовековые традиции многонационального со-бытия, этнические ценности взаимоперекликаются, взаимообогащаются, взаимодополняются и образуют единое ценностное пространство, вобравшее в себя созвучные духовные установки мирного, равновеликого со-бытия, диалога культур, языков, религий, поскольку ценности, направленные на созидание, единение, на культивирование в человеке и обществе добра, истины, красоты, мира, дружбы, справедливости, не знают национальных границ. Подобная ценностная мозаика-монолит выступает символом дружбы народов, духовной основой общегражданской, общенациональной идентичности, поступательного развития единого общества.

Традиционные ценности, как правило, противопоставляются нетрадиционным ценностям и новациям. Отнесение тех или иных ценностных ориентиров и норм к традиционным, нетрадиционным либо новациям должно соотноситься с определенными критериями. Самый главный – это то, что несет конкретная ценность для индивида, семьи, общества (цивилизации, человечества), культуры, моральных устоев. Добро и зло, развитие и духовное возвышение либо регресс и деградацию? Наметившееся сейчас в отечественной ценностной сфере противостояние нетрадиционным трактовкам связано именно с борьбой за сохранение и духовное возвышение индивида. Целенаправленно культивировавшиеся в России новации в аксиосфере (преимущественно духовные и культурные смыслы западного мира) встречали отторжение у большей части россиян, но имели, к сожалению, и значительное число сторонников (12). Жизнь не исключает изменений, появления нового, но выступает против слепого заимствования, копирования и механического перенесения на собст-

венную духовную почву чуждых, неприемлемых ценностей, тем более противостоит их насильственному насаждению.

Мы присоединяемся к высказанной в литературе точке зрения, что традиционные ценности:

« – это ценности, имеющие истоки в прошлом, результат исторического саморазвития ценностной системы этноса, нации, цивилизации;

– это ценности базовые, фундаментальные, стержневые, основополагающие, системообразующие;

– это ценности, обеспечивающие идентификацию личности, общества, цивилизации среди других личностей, обществ, цивилизаций;

– это национальное, цивилизационное своеобразие понимания, принятия, актуализации общечеловеческих ценностей;

– это национальное, цивилизационное своеобразие выстраивания иерархии и системы ценностей» (13).

В «Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» подчеркивается, что традиционные отечественные ценности имеют этическое наполнение и представляют собой «формирующие мировоззрение граждан России нравственные ориентиры, передающиеся от поколения к поколению, обеспечивающие гражданское единство, лежащие в основе российской цивилизационной идентичности и единого культурного пространства страны, нашедшие своё уникальное самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России» (14). Систему российских традиционных ценностей образуют:

1) жизнь (жизнь каждого человека бесценна независимо от его национальной, религиозной, культурной принадлежности, от его социального статуса и возраста);

2) достоинство как «внутреннее благородство», самоуважение человеческой личности, ее ценность и значимость как индивидуальности, имеющей право на достойную жизнь, на равновеликое и уважительное отношение со стороны других независимо от ее происхождения, положения в обществе, внешних характеристик и др.;

3) права и свободы человека как законодательно закрепленные и отстаиваемые государством правила и нормы, обеспечиваю-

щие защиту достоинства и свободы действий индивида (свобода вероисповедания, свобода слова и др.);

4) патриотизм как чувство ответственности и привязанности к родной земле, к своему народу, родной культуре, вере, языку, как любовь к единому Отечеству как историко-культурной цивилизационной данности;

5) гражданственность как этическая позиция, как ответственность и чувство долга индивида перед семьей, социальной общностью, государством;

6) служение Отечеству и ответственность за его судьбу, готовность его защищать от внешних и внутренних посягательств, творить его надежное настоящее и уверенное будущее;

7) высокие нравственные идеалы как «путеводные звезды» для качественной, должной и достойной организации жизнедеятельности индивида и общества;

8) крепкая семья, основанная на любви, взаимопонимании и доверительных отношениях, взаимоуважении, духовной близости;

9) созидательный труд, направленный на умножение социальных благ, на укрепление экономической силы и мощи государства, обеспечение его конкурентоспособности и экономического суверенитета, на повышение уровня и качества жизни человека;

10) приоритет духовного над материальным как нацеленность на духовное совершенствование и самосовершенствование человека, развитие его социального, эмоционального, культурного, этического интеллекта как основы его качественной, гармоничной, гарантированной жизни;

11) гуманизм как «человечность», как характеристика личности, ориентированной на творчество добра и уважительное отношение к «ты и они» в межличностных отношениях, как мировоззрение, в центре которого – человеческая жизнь как высшая ценность;

12) милосердие как ответственность за судьбу тех, кто нуждается в особом внимании, защите, поддержке;

13) справедливость как принцип равновеликости и равноправия в его конкретно-исторических формах, предполагающий взаимоуважение индивидов, а также соответствие действий и поступков человека воздаянию, труда – его должному вознаграждению, как равенство людей при распределении ограниченных ресурсов и др.;

14) коллективизм как умение жить вместе, сообща, совмещать личные и социальные интересы;

15) взаимопомощь и взаимоуважение как согласованные действия, направленные на взаимную поддержку, содействие, выручку, продиктованные искренним, уважительным, бескорыстным отношением к другому;

16) историческая память и преемственность поколений как механизмы передачи социокультурной эстафеты от прошлого к настоящему и будущему;

17) единство народов России как многонационального и поликонфессионального государства, имеющего вековые традиции мирного и дружного со-бытия и сотворчества различных культур.

В контексте данного документа в понятии традиционных ценностей фиксируется их уникальность, историческая самобытность и органичность для многонационального российского общества, веками создававшего свой неповторимый цивилизационный мир, общенациональную социокультурную традицию. Они вобрали в себя культурные приоритеты своих многочисленных народов, их ментальные особенности, базовые жизненные парадигмы-ориентиры, обусловленные собственной исторической памятью, национальными символами, своими духовными истоками, верой в своих, а не чужих богов.

Российское государство опирается и будет опираться на свои традиционные ценности как механизмы обеспечения собственной национальной и духовной безопасности в современных условиях, сохранения, защиты, укрепления своей силы, мощи, обороноспособности, автономности, культурного и ценностного суверенитета, консолидации и сбережения своих народов, качественного развития и умножения человеческого потенциала. Более того, современная геополитическая ситуация обусловливает необходимость выстраивания должной системы экологии отечественных духовно-нравственных ценностей. Сегодня духовному миру молодых поколений продолжают угрожать чуждые ценности, порожденные «фаустовской» культурой и заполонившие ценностную нишу общества в годы тотального европейничанья и насаждения в массовое сознание «ложных идолов» западного и американского миропонимания и образа жизни как идеальных образцов для обустройства собственной жизни. Распространение бездуховности, антикультуры, вседозво-

ленности и безнравственности, обесценивание патриотизма, значимости служения Родине и социальному благу, пропаганда идеологии нетрадиционных сексуальных отношений как нормы и др. – это итог длительного социального и личностного равнодушия к своим духовным истокам, к собственной национальной традиции.

Отрицание западными идеологами позитивного вклада отечественной культуры в мировую социокультурную историю, деструктивная идеологическая и пропагандистская деятельность недружественных иностранных государств, различных международных некоммерческих, экстремистских и террористических организаций, внутренней оппозиции, пытающихся дискредитировать образ России на международном уровне и перед собственным народом, представляют сегодня серьезную угрозу национальным интересам Российской Федерации. Активное наступление деструктивной идеологии влечет за собой многочисленные риски: это и опасность саморазрушения общества, дальнейшее распространение антиобщественных форм жизни, социальных недугов, наркомании, алкоголизма. Это и увлечение, особенно молодежью, психотропными веществами, варваризация культуры, рост преступности и противоправного поведения, разрушение традиционной веры и активизация различных форм новых религиозных движений и сектантства, разрыв межпоколенческой и социокультурной эстафеты, ослабление семейных связей, культивирование сознательного отказа от детей и др.

Организаторы деструктивных информационных атак на российское общество и сторонники внутренних протестных движений заинтересованы в искажении исторической истины, разрушении национальной памяти, в создании условий для подогрева межнациональных и межрелигиозных противостояний и конфликтов, размывания общегражданской идентичности и единства многонационального народа Российского государства. Очевидно, что острие западной пропаганды направлено сегодня на разрушение идеи Отечества, идеи служения и защиты Родины как священного долга в условиях, когда Россия не только защищает свои границы, но и противостоит коллективному Западу, его военной, духовной и информационной агрессии.

Участились попытки принижения роли русского этноса как государствообразующего народа и русского языка как языка межнационального общения и государственного языка Российской Федера-

ции в сохранении единства многонационального государства. Русская традиция – несущая конструкция государственности, консолидирующее многочисленные этнокультурные традиции народов России начало (15), через русский язык происходило и происходит знакомство мировой культуры с этническими культурами народов России. Благодаря русскому языку башкира Мифтахетдина Акмуллу и татарина Габдуллу Тукая, чувашина Константина Иванова и мордвина Авксентия Юртова, национальных поэтов Мустая Карима, Давида Кугультинова, Расула Гамзатова, Кайсына Кулиева и др. знает весь мир. Идеологические сценарии западных политиков пытаются сделать ставку на то, что разрушение самого крупного консолидирующего этнического ядра, стирание субъектности русского этноса неизбежно приведут к усилению в российском обществе центробежных тенденций, к расколу и распаду страны на «этнодворики».

В соответствии с Указом № 809, в целях экологии отечественных ценностей, противостояния деструктивной информации и попыткам навязывания извне российскому обществу чуждых ценностных ориентиров, вся духоформирующая просветительская и воспитательная работа в обществе должна проводиться с учетом накопленного отечественной многонациональной социокультурой позитивного и конструктивного исторического и духовно-нравственного опыта. Более того, государственная поддержка социальных проектов в сфере культуры, образования, науки должна учитывать их главную цель: направленность на культивирование в массовом и личностном сознании традиционных ценностей в интересах индивида, семьи, общества, государства в целом, на формирование внутренней позиции личности на основе духовно-нравственных ценностей народов многонациональной страны. Не следует забывать, что различные новации и реформы в образовании, культуре, науке, как правило, продиктованные западными образцами и не учитывающие особенностей отечественного менталитета и образа жизни, национальные культурные коды, только способствуют дальнейшему расширению противоречивой ценностной мозаичности.

Сохранение и укрепление традиционных ценностей напрямую связаны с совершенствованием действующих нормативных актов и документов стратегического планирования государства, с координацией всех уровней государственной власти в вопросах

экологии традиционных ценностей. Это и системная и целенаправленная государственная поддержка мероприятий, имеющих ценностное измерение, в культурно-образовательной сфере, совершенствование форм управления информационным пространством российского общества в целях противостояния распространению деструктивной идеологии.

В современной ситуации особо возрастает роль науки в укреплении общегражданской идентичности на основе традиционных ценностей, в приобщении человека к собственной социальной, исторической и культурной памяти, в развенчивании идеологических и политических неомифов о роли России в мировой истории и ревизионистских попыток переосмысления прошлого и настоящего ее народов. Формирование государственного заказа на проведение объективных социологических, социально-гуманитарных исследований, создание произведений подлинного искусства (литературных, кинематографических, театральных, музыкальных, хореографических и др.), проведение концертно-зрелищных мероприятий, культивирующих патриотизм и гражданственность, этизм и эстетизм, бережное отношение к культурному наследию и должный контроль за выполнением поставленных задач – это обозначенные в рамках Указа № 809 конкретные направления деятельности. Их реализация является ключевой целью государственных органов власти, социальных институтов и каждого человека, ответственных сегодня за сохранение единой, неделимой, сильной России, просвещение и воспитание патриотов, подвижников, подрастающих поколений с активной жизненной позицией.

В январе 2023 года Президентом страны подписан Указ «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808», который документально закрепил «культурный суверенитет» Российской Федерации. Культурный суверенитет – это «совокупность социально-культурных факторов, позволяющих народу и государству формировать свою идентичность, избегать социально-психологической и культурной зависимости от внешнего влияния, быть защищенными от деструктивного идеологического и информационного воздействия, сохранять свою историческую память, придерживаться российских традиционных ценностей» (16). Вместо положения, что «в силу своего географиче-

ского положения, многонациональности, многоконфессиональности Россия развивалась и развивается как страна, объединяющая два мира – Восток и Запад», в документе обозначено, что исторический путь Российского государства обусловил его самобытный культурный мир, своеобразие национального менталитета, собственные ценностные основы бытия как многонационального и поликонфессионального общества.

Базисом общегражданской идентичности выступает система российских духовно-нравственных ценностей, консолидирующая многочисленные этнокультуры России, а гражданин страны является носителем традиционных духовно-нравственных ценностей, которые охраняют, сохраняют и скрепляют общенациональное единство. В документе определены конкретные принципы реализации государственной политики в сфере культуры:

– создание условий для просвещения и воспитания подрастающих поколений на основе традиционных ценностей; защита института брака как союза мужчины и женщины;

– культивирование в общественном и личностном сознании традиционных семейных ценностей;

– приоритетная государственная поддержка культурной деятельности, нацеленной на сбережение традиционных ценностей;

– сохранение исторической памяти и защита исторической истины;

– использование потенциала отечественного культурного наследия в духовно-нравственном воспитания человека.

Очевидно, что переосмысление на государственном уровне и определение стратегий дальнейшего социокультурного, экономического, технологического развития российского общества и многонациональной отечественной культуры в соответствии с духовными смыслами и ценностными ориентирами собственной традиции – основа качественного поступательного, устойчивого развития в условиях современных вызовов. Это путь к сохранению цивилизационной идентичности России, ее культурного суверенитета, умножения накопленного в ходе тысячелетней истории культурно-исторического опыта, сохранения авторитета на международном уровне. Культурный и ценностный суверенитет выступает как культура духа современного общества и индивида, как мера человеческого в социальном мире и личностной душе.

Отечественные духовно-нравственные ценности уходят корнями в естественно-исторический, бережно «взращенный» добрыми и мирными помыслами волей исторических судеб оказавшихся в едином социокультурном пространстве многочисленных народов мультикультурализм. Эти ценности на протяжении веков оберегали добро, красоту, правду, дружбу и согласие в совместной жизни, защищали человека и его мир от варварства, и сегодня снова встали на защиту от варваризации на пути антикультуры, «ложных идолов», при помощи всех возможных средств и информационных каналов целенаправленно и агрессивно проецируемых на души и дух подрастающих поколений.

Многонациональный мир российской цивилизации – это самобытная историческая и социокультурная традиция с собственными социальными и нравственными идеалами, оберегающей и направляющей духовной силой которой являются не чужие, а собственные, не искусственные, а органичные, не навязанные извне, а исконные духовно-нравственные ценности многочисленных народов России: русских, чувашей, удмуртов, татар, башкир и др.

Примечания

1. Рябов А.В., Курбангалеева Е.Ш. Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2003. С.54.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – М.: Азбуковник, 1997. С. 873.
3. Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. – М.: Художественная литература, 1986. С. 509.
4. См. об этом подробнее: Тугаринов В.П. О ценностях жизни и культуры. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1960.
5. Гуревич П.С. Философия культуры. – М.: ИФРАН, 2007. С. 231.
6. Современный философский словарь / под общей ред. д.ф.н., профессора В.Е. Кемерова. – М.: Академический Проект, 2004. С. 788.
7. Рахматуллина З.Я. Мир держится на культуре: философское осмысление: монография. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. С. 19-20.

8. Дежнев В.Н., Новикова О.В. Традиционные ценности: к определению понятия // Вестник Шадринского государственного педагогического института. 2015. № 4 (28). С. 71-74.
9. См., например: Баева Л.В. Ценности изменяющегося мира: экзистенциальная аксиология истории. – Астрахань: Изд-во АГУ, 2004.
10. См.: Морозов Е.А., Уразаева Н.Р. Репрезентация религиозных ценностей современного общества [Электронный ресурс]. – Магнитогорск: МГТУ им. Г.И. Носова, 2017. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM), шифр хранения IER иэр 2018/1670; Религия в современной России: контексты и дискуссии: монография / М.М. Мчедлова [и др.]; отв. ред. М.М. Мчедлова; РУДН; ФНИСЦ РАН. – М.: РУДН, 2019 и др.
11. Рахматуллина З.Я. Башкирский национальный дух (социально-философский очерк). – Уфа: Изд-е Башкирск. ун-та, 2002. С. 30.
12. См. об этом подробнее: Лапкин В.В., Пантин В.И. Восприятие западных институтов и ценностей в постсоветском пространстве: опыт Украины и России // Полис. Политические исследования. 2004. № 1. С. 74-88.
13. Дежнев В.Н., Новикова О.В. Указ. соч. С.74.
14. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».
15. См. об этом подробнее: Андреев А.П., Селиванов А.И. Русская традиция. – М.: Алгоритм, 2004.
16. Указ Президента Российской Федерации от 25.01.2023 г. № 35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808».

Глава 2. Традиционные ценности башкир как социокультурное явление

С далеких исторических времен на обширных территориях Урало-Поволжского региона Евразийского континента, где встречаются крупнейшие части света Азия и Европа, жили и живут башкиры. Это древний тюркоязычный народ с уникальной этнокультурной биографией, с собственной социокультурой традицией и колоритной этнографией, национальным духом, верованиями, миропониманием и мироотношением, которые, передаваясь из поколения в поколение, сохранили и сегодня сохраняют неповторимый и самобытный образ этноса на многонациональной карте современной полиэтнической России и мира.

Как известно, в 1557 году башкирский народ добровольно вошел в состав Российского государства на основе ряда принципиальных для него условий (сохранение вотчинного права на землю, традиционных ценностей, обрядов, обычаев, религиозной веры, широкой местной автономии и др.). Сегодня башкиры – один из многочисленных этносов Российской Федерации (более 1,5 млн. в стране). Республика Башкортостан, которая находится в самом «сердце» Евразии, на стыке двух культурных миров, – многонациональный край, дружный, успешный и экономически развитый регион, в котором в мире и согласии проживают представители более 100 народов, последователи мировых и многих национальных религий. Башкортостан как территория культивирования традиционных ценностей своих многочисленных народов демонстрирует равновеликий диалог культур, языков, религий как основу своего поступательного развития, сохранения уникального культурного многообразия, выступает как площадка для проведения многочисленных культурных форумов федерального и международного уровней. В частности, в 2021 году республика приняла VI Всемирную фольклориаду и представила не только многонациональную отечественную культуру, но и многогранное фольклорное творчество башкирского этноса, ставшее квинтэссенцией его традиционных духовных ценностей.

Формирование башкирского этноса как исторического народа, имеющего самобытную многовековую социокультурную и духовную летопись, происходило в Урало-Поволжском регионе.

«Множество прилагательных речений, коими башкирцы большие и малые горы, все ручьи и малейшие протоки, долины, частные рощицы и все прочие урочища отличают, можно принять за доказательство о древности их в сих местах поселения» (1), – подчеркивал в своих записях П.С. Паллас, путешествуя по башкирскому краю.

В современной науке об этногенезе башкир представлены многочисленные исследования, содержащие конкретные историко-археологические, фольклорно-культурологические, социально-психологические, антропологические, этнографические данные, богатый эмпирический материал. Они с различных позиций объективно обосновывают и иллюстрируют этапы, особенности, участие различных этногрупп в формировании башкирского народа, географию расселения, специфику его национального характера (2). Научные разногласия по ряду вопросов, в частности, по этнической принадлежности племен, идентифицируемых с башкирами средневековыми авторами IX-X вв., по времени оформления башкирской народности и др., отражают различные концептуальные подходы к осмыслению темы.

По мнению исследователей, начальные этапы этногенеза башкир приходятся на середину I тыс. н.э. и продолжаются до рубежа VIII-IX вв. В это время из раннесредневековых племенных образований постепенно формировались и смешивались основные компоненты древнебашкирской общности, которую составляли преимущественно тюркские племена центральноазиатского происхождения. До прихода на Южный Урал предки башкир кочевали в присырдарьинских и приаральских степях (показательны в этом плане фольклорные материалы, в которых часто встречается упоминание о некоем животном-покровителе (волке, коне и др.), помогающем найти путь из Приаралья на ставший родным Урал). Предки башкир контактировали с местным населением, перенимая определенные ценностно-мировоззренческие установки и языковые особенности, что нашло отражение, в частности, в созвучии их многих языковых форм родоплеменным названиям каракалпаков, казахов, узбеков.

Древние башкиры представляли собой многосоставное и многоплеменное образование, которое (помимо основного тюркского компонента) включало также монгольский и сармато-иранский субстраты. В составе хазарских печенежских племен по традиционным

кочевническим путям они двигались на север и вливались в обширные пространства Бугульминской возвышенности (левобережье р. Белой на востоке и до левых притоков Волги на западе с прилегающими с юга степями), которые стали основной территорией их расселения – центром древней Башкирии. Активное этнокультурное взаимодействие и смешение древнебашкирских племен с булгаромадьярскими и с местными финно-угорскими группами, испытавшими сильное ирано-сарматское влияние, стали ключевыми моментами в процессах башкирского этногенеза (3).

Этноним «башкорт» имеет многочисленные варианты, основанные на различных концепциях (4). Одной из наиболее распространенных научных гипотез считается образование этнонима путем сложения двух слов «баш» (голова, вождь, ведущий, главный) и «корт» (волк). Фольклорная память народа сохранила ряд преданий о том, что именно вожак-волк (прародитель, спаситель, проводник) привел башкир на Урал. Более того, волк у башкир был одним из священных тотемных животных, покровительствующим, как и у многих монгольских и тюркских племен, охоте, оберегающим семейный очаг и наделенным магической силой. Главными племенными атрибутами башкир были тамга (клеймо), оран (клич), дерево и птица.

В вопросе о времени сложения башкирского этноса также нет общепринятой позиции. Ряд исследователей (Р.Г. Кузеев и др.) считают, что башкиры как этнос сформировались к моменту присоединения Башкирии к Русскому государству. Более соответствующей исторической действительности и характеру сложнейших этногенетических процессов, происходивших на Южном Урале с VIII-IX веков, является, по мнению современных специалистов, точка зрения, представленная Д.Ж. Валеевым, Н.А. Мажитовым, Р.З. Янгузиным и др., в соответствии с которой башкирский этнос сформировался еще до эпохи татаро-монгольского нашествия (1-я половина XIII в.). Ученые подчеркивали, что именно достигнутый в домонгольский период социокультурной истории достаточно высокий уровень этнической и духовной консолидации, складывающаяся система жизненно важных духовных ценностей (свободолюбие, патриотизм, верность собственным идеалам, справедливость, уважение к предкам и культ священной природы и др.), о чем свидетельствуют сохранившиеся памятники устного народного творчест-

ва, обеспечили башкирскому народу возможность самосохраниться во времена золотоордынского ига, более того, оказывать яростное сопротивление монгольскому завоеванию (5). В частности, историческое предание «Последний из Сартаева рода» сохранило воспоминания о драматической судьбе башкир во времена борьбы Тамерлана с золотоордынским ханом Тохтамышем на примере бесстрашного Сартаева рода, погибшего в битве с захватчиками. Оставшиеся в живых батыры этого рода жестоко отомстили врагу за смерть своих сородичей. Мститель-отец, как гласит предание, назвал именами двух своих погибших сыновей – Кармасана и Сермасана – два левых притока реки Белой (6).

О далеком прошлом башкир, их образе жизни, ментальных особенностях, формирующихся ценностях сохранились редкие свидетельства средневековых (западноевропейских, арабских, тюркских, персидских, монгольских, русских) авторов. Башкирские источники в основном представлены памятниками фольклорного наследия: мифопоэтическим творчеством, шежере, преданиями и легендами, историческим эпосом (7). Европейские и восточные путешественники, посетившие земли башкир в средние века, говорили о них как о народе храбром, воинственном, живом и гостеприимном и оставили подробные воспоминания об их образе жизни.

Древнейшей и традиционной для башкир формой хозяйствования было полукочевое скотоводство с круглогодичным пастбищным содержанием скота, главным образом неприхотливых лошадей и овец, приспособленных к суровым снежным зимам и долгим скоростным перекочевкам. В меньшем количестве держали крупный рогатый скот, а в южных районах некоторые семьи разводили верблюдов (8). Скотоводство также сочеталось с охотой, рыболовством, сбором плодов и ягод, бортничеством (9).

В X – начале XIII вв. башкиры оказались под влиянием Волжской Булгарии, в конце 30-х гг. пережили монгольское нашествие, но даже долгая и тяжелая жизнь «под Золотой Ордой» не смогла нанести существенный урон консолидирующемуся башкирскому обществу и его духовным скрепам. Как подчеркивают исследователи, башкиры подчинялись монголам 200 лет, но не стали монголами и сохранились под своим самоназванием (10). Последующие (XV-XVI) века в этнокультурной истории народа также полны драматических событий. Память о распаде Золотой Орды и последующем

разделении башкирской ойкумены между Сибирским и Казанским ханствами, Ногайской Ордой с их бесконечными изнуряющими и междоусобными войнами, жестокими порядками, насилием и налоговым гнетом сохранилась в фольклорных источниках, преданиях и шежере (родословных) некоторых башкирских племен. Долгое и тяжелое противостояние башкир и Ногайской Орды, в частности, во многом способствовало добровольному вхождению башкирских племен в состав Российского государства.

После присоединения к Российскому государству неизведанный и загадочный башкирский край стал объектом пристального исследовательского внимания зарубежных и отечественных ученых, общественников и путешественников. Многочисленные экспедиции («Башкирская экспедиция» в 1734 году под руководством И.К. Кирилова, академические экспедиции во второй половине XVIII в. И.Г. Георги, И.И. Лепехина, П.С. Палласа, Н.П. Рычкова, И.П. Фалька) собрали обширные сведения не только о природе Башкирии, образе жизни, хозяйственном укладе, устном поэтическом творчестве и этнографии башкир, но и наблюдения об особенностях «племенного характера», национального духа и души, о миропонимании и мироотношении, ценностных смыслах и приоритетах коренного населения (11).

В XIX в. диапазон исследований расширился: тема национальной культуры и менталитета, духовного наследия, аксиосферы башкир становится одним из ключевых направлений в работах В.А. Арнольдова, И. Казанцева, М.В. Малахова, Н. Малиева, П. Назарова, Д.П. Никольского, С.Г. Рыбакова, В.М. Черемшанского, П.Л. Юдина и др. (12). Более того, этот период – время художественного осмысления русскими писателями и публицистами «далекой восточной окраины» и жизни башкир, которые, после отмены крепостного права, в пореформенную эпоху тотальной колонизации края и расхищения их земель, вместе со многими крестьянами-переселенцами оказались в бедственном (и материальном, и духовном) положении. В сложившейся ситуации ученые-исследователи, общественные деятели, творческая интеллигенция, прогрессивные русские мыслители и писатели, уфимские краеведы, публицисты, представители национальной элиты и др. встали на защиту башкир. П.И. Добротворский, Н.А. Крашенинников, Д.Н. Мамин-Сибиряк, Ф.Д. Нефедов, Н.В. Ремезов, М.Е. Салтыков-Щедрин, Л.Н. Толстой,

Г.И. Успенский и др. на основе непосредственного живого общения с коренным населением и длительных личных наблюдений за поведением башкир в быту, в общении между собой и с другими, за их отношением к природе воспроизвели духовный портрет современного им башкира, его ценностный мир. Яркие художественные образы, рисующие «типические характеры в типических обстоятельствах», научные описания и этнографические наблюдения, публицистические очерки и документальные сведения о башкирах, собранные фольклорные материалы и аналитическая информация к ним, в которых разными авторами в разное время подчеркиваются некие неизменные константы башкирской национальной души, ценностные предпочтения и смыслы, позволяют выделять эти характеристики в качестве наиболее типичных, существенных и основных в выстраивании иерархии традиционных духовных ценностей башкирского народа (13).

Интересные сведения об этнической истории, культуре, специфике национального менталитета, мировоззренческих и ценностных установках башкир содержат публикации исследователей и писателей начала XX в. М.А. Круковского, Н.В. Никольского, М. Плисецкого, С.И. Руденко, Д.Н. Соколова и др. (14). Обращение к богатейшему фольклорному наследию народа (поэтическому и песенному творчеству, мифологии, эпическим произведениям и сказкам, историческим легендам и преданиям, паремическому творчеству) А.Г. Бессонова, В.А. Даля, Р.Г. Игнатьева, М.В. Лоссиевского, М.А. Михайлова, Г.И. Потанина, С.Г. Рыбакова, С.И. Руденко, В.И. Филоненко, М. Черемшанского и др.) внесло существенный вклад во введение в научный оборот, в исследование и систематизацию башкирского фольклора как квинтэссенции традиционных духовных ценностей (15).

Как известно, фольклор, уходящий корнями в глубины этнической истории башкир и активно развивающийся в современной жизни, стал антологией ценностных установок, смысложизненных ориентиров и императивов, направляющих мироотношение и поведение человека. В соответствии с определением, принятым ЮНЕСКО (Париж, 1 марта 1985 года), суть фольклора (в более широком смысле как части традиционной народной культуры, имеющей ценностное измерение) «выражается в коллективном, основанном на традициях, творчестве групп и индивидуумов, определяемом

надеждами и чаяниями общества, являющемся адекватным выражением их культурной и социальной самобытности; фольклорные образцы и ценности передаются устно, путем имитации и другими способами. Формы бытования фольклора включают язык, народную устную литературу, музыку, танцы, игры, мифологию, обряды, обычаи, ремесла, архитектуру и др. виды художественного творчества» (16).

После Октябрьской революции башкирский фольклор становится предметом исследования активно развивающейся в республике научной мысли, опирающейся на теоретический и практический материал. В сентябре 1922 года Коллегия Башкирского наркомата просвещения создает в своей структуре Академический центр, в рамках которого начинает функционировать Общество по изучению Башкирии с научно-филологическим и историческим отделами, с отделом этнологической географии и собственным печатным органом. «Башкирский краеведческий сборник» и «Башкорт аймагы», издававшиеся на двух языках, стали «открытой книгой» не только по истории, этнографии, культуре, языку, но и по богатейшему фольклорному наследию башкир. За короткое время центр сплотил вокруг себя известных мыслителей, педагогов-просветителей, творческую элиту, писателей, поэтов (М.А. Бурангулов, Г.В. Вахрушев, Г.Ф. Вильданов, Мажит Гафури, П.Ф. Ищериков, С.Х. Сюнчелей, Ш.Х. Сюнчелей, М.Ф. Чурко, З.Ш. Шакиров, Даут Юлтый и др.), издаются фольклорные сборники. С открытием Башкирского НИИ национальной культуры башкирская фольклористика становится самостоятельным исследовательским направлением, в научную историю которого вписаны имена известных исследователей прошлого и современности: Г. Амантай, Г. Салям, М. Хай, Г. Амири, М.А. Бурангулов, Х.Х. Хамматов, Г.Г. Амиров, А.И. Харисов, А.Н. Киреев, Л.П. Атанова, С.А. Галин, М.М. Сагитов, Н.Д. Шункаров, Н.Т. Зарипов, Б.С. Баимов, А.М. Сулейманов, Ф.А. Надршина, Г.Р. Хусаинова, Р.А. Султангареева, Г.В. Юлдыбаева, А.М. Хакимьянова, Ф.Г. Гайсина, Р.Р. Зинурова и др. (17).

Башкирский фольклор как сосредоточие традиционных ценностей народа, уникальность его духовных смыслов, исторический и социокультурный фон бытования произведений народного творчества, их роль в сохранении исторической и культурной памяти, в духовном просвещении и воспитании подрастающих поколений и

др. являлись и являются одними из актуальных исследовательских дискурсов в фольклористике прошлого и современности. В литературе представлены различные подходы к изучению древних форм устного поэтического творчества и их современных вариантов, систематизация и характеристика традиционных для башкирского народного творчества жанров: обрядовой поэзии, сказок, легенд, преданий, кулямасов (анекдоты), героического эпоса, иртяков (разновидность башкирского эпоса), кубаиров (героические песни-прославления), народных песен. Особый интерес представляют такмаки (речитативно-припевный жанр, плясовая песня часто шуточного или сатирического характера), баиты (лиро-эпический поэтический жанр с драматическим или сатирическим содержанием), мунажаты (музыкально-поэтическое творчество, основанное на мелодекламации или вокальном интонировании поэтических слов), пословицы и загадки. Изучению жанрового своеобразия фольклора посвящены многочисленные теоретические исследования и практические руководства (18). «В жанрах, – подчеркивает Р.А. Султангареева, – аккуммулированы прикладные, психоментальные, художественно-эстетические, духовно-образовательные ценности, в каждом новом витке истории обнаруживающие, согласно вызовам времени, механизмы их пользования» (19).

Духоформирующий ценностный потенциал фольклорного творчества народа приобретает сегодня особую значимость в условиях поиска современным человеком собственной социокультурной идентичности, теряющихся связей с этноисторическими истоками, национальной памятью, духовными корнями. В частности, народные пословицы, меткие, экспрессивно-образные изречения, вобравшие в себя вековую мудрость народа, уместно дополняют речь современников и сегодня (*«Есть ум – за умным следуй, нет ума – за пословицей следуй», «Слово без пословицы – что пища без соли», «Украшение лица – борода, украшение слова – пословица», «Увидишь шкуру выдры – купи, услышишь речь с пословицей – запомни»*) (20).

Тема поиска жизненных смыслов и базовых ориентиров подлинного национального существования, сохранения своего этнического «я», родного языка, культуры, веры, исторической социокультурной традиции в условиях глобализирующегося мира и разрушения традиционных ценностей народа как собственной «опоры, надежды, утешения» (К. Ясперс), изучение особенностей

мировоззрения, менталитета, национального духа, культуры, аксиосферы башкир и т. д. стали предметом осмысления в историко-этнографической, культурологической и социально-философской литературе последних десятилетий (21).

Традиционные духовные ценности башкир как система смысложизненных ориентиров должного индивидуального и социального бытия формировались и наполнялись новыми смыслами и приоритетами в ходе многовековой социокультурной истории народа. На их становление и закрепление в исторической и социальной памяти, жизненной практике, народном творчестве огромное влияние оказали ментальные особенности племен и народностей, участвовавших в этногенезе башкир, культурно-исторические заимствования, природно-географические условия и образ жизни народа, ранние мифологические представления и ислам, который начинает проникать в башкирский край в X в., а в конце XIV в. становится господствующим религиозным сознанием (22).

Кочевничество – особая «степная культура», жизненная философия, обусловившие специфические формы общения с окружающим миром, согласованного с природой со-бытия и адаптации к ее канонам и законам. Дух кочевой жизни, жизнь в природном окружении, органичной частью которого осознавали себя башкиры, родившиеся в свободной стихии степных просторов и выросшие в крае первозданной природной красоты, определили специфику их миропонимания и мироотношения. Мировоззрение башкир «представляет собой гармоничное образование, которое основывается на самобытной исторической иерархии ценностей, обусловленной обычаями, традициями, укладом жизни» (23). В поисках истинных смыслов бытия, во взаимодействиях со средой обитания формировалось мировоззрение, в противостоянии природным катаклизмам и внешним врагам, в борьбе с собственными пороками и недостатками, в труде, кочевнических буднях и круговороте и испытаниях обыденной жизни складывался физический облик, воспитывался национальный характер, формировались ценностные приоритеты-требования, определяющие мысли, чувства, поведение народа.

В башкирском мировоззрении и аксиосфере, сформировавшихся на природной основе (в отличие от западного «фаустовского» духа, выросшего на рационализме, культе разума, обожествлении могущества аналитической мысли и отвлеченного

волеизъявления), доминируют «сердечное умозрение», созерцание, одухотворенное, эмоционально-чувственное осмысление мира и своего места в нем. Более того, башкиры осознавали себя образом и подобием космоса-природы, считали, что красота важнее пользы, даже рациональной истины, имеет не только эстетическое, но и этическое измерение, является антиподом безобразного и зла.

В глазах башкира природа является безусловной ценностью, она прекрасна как божественное творение, а не как источник производства вещей-товаров. Данная мировоззренческая позиция и определяет один из ключевых формирующихся ценностных приоритетов в мироотношении народа, запечатленный еще в древней башкирской легенде «Ушкуль»: «Смотри: перед тобою, прямо – необозримые волнующиеся ковылем степи; словно бархатные ковры, стелются без конца зеленые луга…; точно расплавленное серебро и золото, сверкают воды рек… Там лежат каменные великаны, тянутся и наступают друг на друга горные хребты… И всею этой благодатною страной владеют свободные башкиры. Они знают, что в горах и речных долинах лежат сокровища: много золота, серебра и драгоценных камней в земле сокрыто… из озер никогда не выловишь рыбы; выпусти башкир из колчана все до одной стрелы, – звери и птицы не переведутся в лесах, а борти всегда будут полны душистым липовым медом. Мать-земля дает людям все, что им надо. Зачем же башкурт станет железом терзать ее грудь, кайлами и оленьим рогом пробивать горы?» (24).

Образ жизни кочевника-скотовода обусловил и то, что в его сознании безграничная воля и свобода преобладают над принуждением, созерцание сердцем, наглядно-образное, наглядно-действенное мировосприятие и эмоции – над разумом, совесть – над рассудком со всей его практической расчетливостью и стремлением к выгоде, справедливость – над злом. Для башкира больше всего был характерен философско-созерцательный образ мышления. С.Г. Рыбаков отмечал: «Не раз можно слышать рассказы о том, как башкир останавливается и подолгу смотрит в даль; когда его спрашивают, к чему он присматривается, он указывает на красивую гору или красивый вид…, затем опять предается созерцанию, выражая восклицаниями свое восхищение» (25).

Башкирское мировоззрение, определяющее ценностные приоритеты народа, изначально основывается на духовном видении, на

умении прогнозировать свое будущее. Исследователи края подчеркивали, что башкирам нельзя отказать «в природном смысле, находчивости и понятливости. Это проявляется у них при разнообразных препятствиях и случайностях, тоже заметно и всюду на работах, особенно тех, к которым они чувствуют влечение. Здесь в приемах башкир виден не только здравый смысл, но даже некоторый род изобретательности. Вообще ум их отличается живостью и подвижностью, как и вообще весь характер; оттого они чувствуют большую склонность к такого рода занятиям, где требуется не одна механическая привычка, а разнообразие приемов и личное соображение» (26). Для башкира интуиция – это миросозерцание, основанное на собственных жизненных ощущениях, на способности прогнозировать важные и «судьбоносные» для надежного гарантированного настоящего и уверенного будущего ценностные приоритеты и опираться в своей жизнедеятельности на те духовные смыслы, что обеспечивают человеку личностное и социальное благо. Философские идеи бытия и ценностные представления башкир облекались в мифологические, ритуально-обрядовые, художественные и др. формы, объективировались в многогранном народном творчестве. Именно фольклор стал исторической антологией ценностей как интуитивных ответов на судьбоносные мировоззренческие вопросы бытия: для чего и как жить, чтобы у твоих потомков было уверенное будущее, чтобы сохранить свое «я», культуру, язык, память, веру, родную землю, природу?

Одной из традиционных духовных ценностей башкир является приверженность к духовному коллективизму. Для «степной культуры» более органичны единение, приоритет родового над личным: «кочевое и полукочевое экстенсивное скотоводство, основанное на подвижном образе жизни людей и передвижении скота, занятия охотой, рыболовством, собирательством требовали постоянных коллективных усилий» (27). Неограниченная индивидуальная свобода, верховенство личного блага над коллективным, защита частного интереса не находят себе главенствующего места в башкирской системе ценностей, потому что жить и выжить в природе можно только рядом, плечом к плечу, вместе, сообща. *«Благодаря одной лошади тысячи других жажду утолили», «В единстве – благополучие, в разобщенности – гибель», «В косяке лошадей хромота одной не заметна», «Отбившийся гусь для вороньей стаи кормом*

становится», «Из одного волоса аркан не совьешь», «Люди сплотятся – озеро перенесут», «Один батыр не войско», «Слившаяся вместе вода Иделью стала, разлившаяся – каплями стала», «У одинокого и лук может потеряться, а в обществе не потеряется даже стрела» – эти пословицы стали ценностными императивами для башкир. В то же время ценность коллективизма не умаляет значимости каждого отдельного человека: подлинная суть самобытного башкирского духовного коллективизма, «мы-философии», не враждебна понятию личной свободы, более того, принцип общности, братства предполагает общий, единый порядок и совместное пользование всеми благами для обеспечения достойной, надежной жизни каждого.

Сильно развитое среди башкир чувство взаимопомощи и взаимоподдержки является закономерным следствием их общинной жизни, уходящей корнями в суровый кочевнический быт. Только единство и сплоченность могли обеспечить башкирам историческое выживание в последующем как этноса в сложнейших катаклизмах их исторической судьбы. Как известно, традиционной формой коллективной взаимопомощи в башкирском обществе были «помочи» – бескорыстное участие в совместном труде по очистке и обустройству аулов, водных источников, кладбищ, огораживанию поселений, выгонов и пастбищных угодий, ремонту мостов и дорог и т. д. Решение по их проведению принималось на сельском собрании или совете старейшин. При необходимости община собиралась и для помощи отдельным своим членам для срочного завершения трудоемких и сложных работ. Помочи включали в себя сбор участников, трудовую деятельность, сопровождающуюся песнями, шутками, играми, совместную трапезу. Состоятельные башкиры использовали их, привлекая людей обильным угощением, и зачастую помочи превращались в яркие многолюдные зрелища с массовым гуляньем, джигитовкой, спортивными состязаниями. В рассказе «Юммя» Д.Н. Мамин-Сибиряк описал сенокос на лугах башкирского бая Бузыкая, на который пришли около 700 косарей (28).

Представляя собой законченный и цельный обычай, состоящий из хозяйственно-трудовых, бытовых, фольклорных, ритуальных элементов, помочи отражают основополагающие ценностные установки: мы-мировоззрение, коллективизм, значимость совместного труда как основы благополучного бытия, этические ценности,

существовавшие в башкирском обществе (нормы милосердия, безвозмездной помощи нуждающимся, нормы равенства, проявляющиеся в праве каждого на участие в подобных мероприятиях и на ответную поддержку, и др.). Бесплатная помощь в строительстве жилища, при заготовке сена, забое скота, перевозке леса и т. д., коллективная взаимопомощь женщин и девушек (ощипывание домашней птицы, стрижка овец, обмазывание и уборка жилища, изготовление сукна, войлока, национальных украшений и одежды (29), сопровождающиеся угощением, играми, мастер-классами), продолжают жить в башкирском быту и сегодня.

Бытие башкир в самом центре природы стало также основой формирования экологизма как одной из базовых духовных ценностей, обусловливающих зарождение в их мировоззрении особых этических и эстетических принципов, признающих значимость мира природы не только как источника материального благополучия, но и духовной состоятельности людей. Уже в древнейшем фольклорном артефакте башкир эпосе «Урал-батыр» заложена идея о нерасторжимом единстве природы и человека, о необходимости беречь среду своего обитания. Урал-батыр окропляет живой водой из Родника Бессмертия окружающую природу:

«Пусть зеленеют голые чащи,
Пусть цвет бессмертия обретут,
Пусть птицы щебечут звонче и слаще,
Пусть люди веселые песни поют! …
Пусть эту землю любит народ,
Пусть садом прекрасным она расцветет…» (30).

Бессмертная живая природа – источник жизненных благ, физического и духовного здоровья людей, залог бессмертия человеческого рода. Родная природа, родная земля – вечные ценности, которые нуждаются в защите и любви, и эти духовные смыслы башкирский народ усвоил еще на заре своей биографии и передал последующим поколениям. Более того, природа как ценность обусловливала не только нравственно-эстетическое отношение к ней, художественное осмысление ее объектов и явлений, но и диктовала практические императивы поведения и жизнедеятельности, требовала от башкира с его бесчисленными стадами соблюдать меру в воздействиях на нее, не выходить за пределы экологически дозво-

ленного, давать ей время для восстановления, избегать нарушения баланса природных сил. Экологические действия башкир, которые современному человеку, возможно, представляются мистикой и ограниченностью древнего мышления, были священной практикой следования собственным ценностным ориентирам, обусловленным любовью и уважительным отношением к природе, житейской мудростью, созерцательностью, нестяжательной умеренностью, бережливостью. Башкиры не охотились на непромысловых и тотемных зверей и птиц, строго регулировали добычу, исходя из разумных потребностей, объективно необходимых и достаточных для поддержания нормальной жизни, не трогали животных в период размножения и вскармливания потомства, во время нереста избегали шумных работ вблизи водоемов. Строго следили за восстановлением травяного покрова на пастбищах, не рубили и не ломали деревья и кустарники во время сбора плодов, без особой нужды и т. д., потому что только подобное поведение могло сохранить ось их коллективного бытия. Природа – непосредственная основа возникновения и сохранения у башкирского народа ценностных установок, свято оберегаемых пантеоном мифологических божеств и системой языческих ритуалов, связанных с культом природы, а впоследствии и исламом, наложившим строжайший запрет на причинение природе бессмысленного вреда. Природу, землю охраняли от загрязнений, в каждом ауле или в местах кочевок отводили специальные места для мусора, с осторожностью сжигали все то, что можно было сжечь, периодически устраивали коллективные мероприятия по очистке поселений и т. д.

«Трава и вода» – извечная формула, определяющая условия бытия любого кочевого общества. Вода для башкир – источник жизни и благополучия, здоровья и силы. С малых лет детей приучали к бережному, заботливому и осторожному обращению с водой, строго следили за тем, чтобы не загрязнялись водные источники. Аксакалы запрещали пасти скот, купаться, стирать и полоскать белье у истоков воды, родники и колодцы были под особым присмотром, их огораживали и содержали в чистоте. Навоз и хлам вывозили далеко от водных источников, берегли реки от обмеления: существовал запрет вырубать деревья и кустарники по берегам водоемов, выкапывать песок и глину с берегов и т. д. (31). С особым благоговением башкиры относились к родникам, упоминания о которых

сохранились в многочисленных народных преданиях и легендах: их огораживали, обустраивали подходы, следили за чистотой. Сегодня народная традиция возрождается, в республике в 2020 году стартовал уникальный в стране экологический проект «Родники Башкортостана», в рамках которого началось благоустройство водных источников, прошедших строгий контроль санитарно-эпидемиологических служб. Ценность начинания не только в возвращении к исторической памяти, формировании в современном человеке культуры отношения к среде своего обитания, но и в творчестве добрых дел, в воспитании патриотического начала, в определении привлекательных точек для развития в муниципалитетах экологического и фольклорного туризма. На территории республики местами массового паломничества уже стали такие легендарные родники, как «Красный ключ» (Нуримановский район), «Кургазак» (Салаватский район), «Источник Аулия» (Учалинский район), «Изге Гали» (Миякинский район) и др.

Экологизм как традиционная духовная ценность находит свое отражение и в отношении к домашним животным, которые сопровождают жизнь башкир. Особое место в хозяйстве принадлежало лошади (коню), которая в условиях кочевого быта была незаменимой в силу мобильности и выносливости, являлась символом богатства, критерием благосостояния и основой благополучного, обеспеченного бытия. Башкиры свободно кочевали на обширных пространствах и совершали продолжительные и утомительные передислокации, успешно защищались от врагов и совершали набеги на соседние племена, и всегда рядом был конь. Лошадь, в частности, является одной из распространённых фигур в ритуально-мифологической практике башкир (32).

Одно из ключевых мест в пищевом рационе башкир занимали конина и кумыс (напиток из кобыльего молока). Во многих исторических сведениях можно встретить упоминания о многочисленных табунах неприхотливых башкирских лошадей, которые составляли наиболее ценную и престижную часть их стад. П.С. Паллас, в частности, отмечал, что «не редко здесь сыскать владельцев, кои по нескольку сот лошадей имеют, а есть и такие, коих богатство в сём от двух до четырех тысяч лошадей простирается» (33). В многочисленных фольклорных произведениях, практически во всех его жанрах и в различных ипостасях фигурирует конь (лошадь) как вол-

шебный помощник, преданный друг, боевой соратник, бессменная опора в быту. Особо примечательны в этом плане эпосы «Урал-батыр», «Акбузат», «Акхак-кола» (Хромая кобыла), «Кара-юрга» (Вороной иноходец) и др. Башкиры берегли своего коня, случаи издевательства в обращении с животным были крайне редки. В частности, в эпосе-иртяке «Акхак-кола» (Хромая кобыла) подчеркивается безусловная ценность бережного отношения к животному миру: башкиры осуждают неблагодарное поведение человека, безответственность и жестокое обращение с лошадью, которой он обязан своим благополучием.

«И весною ты ездишь на мне,
Осенью ты тоже ездишь на мне,
К колу привязываешь меня,
Плетью хлещешь вовсю, браня.
И весною спину я гну,
Черный пот свой на землю лью;
От кола голого проку нет,
На ребрах моих мяса нет» (34), –

в слова уставшего от человеческих обид беззащитного существа народное сознание вложило непреходящую истину: гуманизм в отношении к доверчивым, беззащитным созданиям облагораживает человека, а жестокость и зло калечат человеческие души, несут смерть. Очевидно, что клятва хозяина сбежавшей Акхак-колы впредь не издеваться над животными, скрепленная поеданием земли, есть не что иное, как установление «экологического табу» на неправильное, жестокое обращение с животными, всецело находящимися во власти человека. Гибель хозяина, переступившего через собственную священную клятву и убившего лошадь, от копыта Акхак-колы, которая все же успела его лягнуть, есть предостережение для последующих поколений.

Начавшаяся индустриализация башкирского края, освоение природных богатств, изъятие земель под крепости и укрепления, строительство горных заводов на вотчинных землях башкир, арендованных или скупленных за бесценок (35), промышленная рубка лесных массивов, сокращение пастбищных угодий, загрязнение вод и воздуха нанесли колоссальный вред его экологии. В частности, в конце XVIII в. на Южном Урале действовало 38 чугуноплавильных,

железоделательных и медеплавильных заводов. В своем известном «Послании в деревню» С.Т. Аксаков с сожалением и грустью писал о земле, на которой он родился:

«Обильный край благословенный!
Хранилище земных богатств!
…
И люди набегут толпами, твое приволье полюбя…
И не узнаешь ты себя под их нечистыми руками! …
Сомнут луга, порубят лес,
Взмутят и воды – лик небес!
И горы соляных кристаллов по тузлукам твоим найдут.
И руды дорогих металлов из недр глубоких извлекут…» (36).

Это время перехода от органического типа отношения человека к природе к «механическому и машинному складу жизни» (37) стало началом отчуждения башкир от природы и постепенного разрушения экологизма как традиционной ценности. Сегодня в массовом сознании кардинально меняется отношение к среде своего обитания в сторону его экологизации, о чем свидетельствуют экологические выступления последних лет против бесхозяйственности и разрушения природных памятников ради сиюминутной выгоды (это народные акции против промышленной разработки шихана Куштау, карьера у озера «Большой Толпак», развертывания геологоразведочных работ у «Ирендыкского хребта» и др.).

Природа – это и географическая основа этногенеза башкир, и важный духоформирующий фактор. Размеренное и умиротворенное бытие в самом центре природы, вдали от торговых караванных путей, от той суетной городской культуры, в которой конкуренция и погоня за прибылью требуют изощренного искусства торгашества, изворотливости и рационализма, обусловили не только становление духовного коллективизма и экологизма как ключевых жизненных ценностей башкир, но и своеобразие национальной психологии, обусловившей зарождение тех традиционных ценностей, которые придают аксиосфере башкир особый колорит и самобытность.

Многие исследователи башкирского края отмечали необыкновенную поэтичность, музыкальность, эстетизм и художественную одаренность башкир, искусство всадничества, требовавшие от башкира подвижности и гибкости тела, развитых до виртуозности воен-

ных навыков. О башкирах середины XIX века В.М. Черемшанский писал, что «…башкирцы весьма склонны к воинским упражнениям – все они вообще весьма искусно ездят верхом, мастерски владеют пикой и метко стреляют из ружей и луков, – последними действуют с такой силой, что пущенная стрела, на недальнем расстоянии, как на примере – саженях на 15, пронзает насквозь не только человека, но даже и лошадь» (38). «Степные законы», жестоко карающие воровство и прелюбодеяние, сделали целомудрие, честность и порядочность особо чтимыми башкирами ценностями. Культ предков обусловил гуманизм его душевных порывов, «степная философия» привила любовь к свободе, суровый кочевнический быт приучил к неприхотливости и простоте. Удаль воина-всадника, «легкого как барс, скромного в быту, жадного в войнах» (39) и романтическая созерцательность погруженного в мирную идиллию своего уединения пастуха-скотовода, мечтательность поэта, очарованного красотой природы, и подвижность сроднившейся с пространством кочевой натуры причудливо переплелись в духовном мире башкира. Суровый уральский климат закалил башкир, придал им выдержку, упорство, выносливость. А каждой весной, после долгой и холодной зимы, просыпалась величественная природа, принимала в свое лоно выехавших на кочевку башкир, окунала их в блаженный мир яркого многоцветья, звонкого многоголосья, окутывала их теплом и уютом оживающей земли, год от года, век от века отшлифовывала в их душах самые сокровенные, нежные и хрупкие поэтические грани (40).

Одной из традиционных ценностей башкир является свободолюбие, страстное, загадочно-непонятное, почти фатальное стремление к ней. Свободолюбие присуще башкиру от природы – величественной, безмерной, необъятной. «Широко раскинулась ровная, гладкая степь. Нет ни пригорка, ни кочки... Деревьев нет; даже на горизонте не видно лесов; лишь кое-где видны рощицы кустов. В степи широкий простор; здесь масса воздуха и света, и так легко, свободно дышится, – писал М.А. Круковский. – Ничто здесь не теснит. Неудивительно, что башкир сроднился с этим простором, полюбил его и от него получил свою любовь к свободе. Он знает степь как свою пасеку, и в неясной дали степи за несколько вёрст может различить и заметить человека. В степи он замечательно развил свой глаз и видит, подмечает то, чего другой и не подозревает. Ров-

ная степь приучила его к быстрой верховой езде: на своей крепкой лошаденке особой породы он скачет как вихрь, и в этой быстрой езде развил стройную, легкую фигуру, ловкость и юркость» (41). Яркие образцы песенного фольклора, народные песни, рожденные созерцательностью, глубоко лиричные и удивительно мелодичные, которые любили петь на всю ширь бескрайней степи, – это и восторг свободолюбивого башкира перед безграничностью мироздания, и любовь к родной земле, и тоска по вольной душе. Ненависть к рабству, неприятие любого внешнего насилия на протяжении веков питали свободолюбивый дух, патриотизм и гражданственность башкирского народа. *«Когда есть Отчизна, мужчина не знает позора, когда есть мужи, Отчизна не знает позора», «На Родине и полынь благоуханна», «Не покидай свою родину – кровь зальет твою дорогу», «Кто Отчизну бережет, тот ей и отец, тот, кто ей горе лишь несет, тот в стране подлец», «Конь – там, где сытно, мужчина – где с народом слитно», «Нет дороже земли, где отцы и деды мои жили, где текла кровь из моей пуповины», «Нет мужчины, что не печется о стране своей, нет коня, что не рвется к своему табуну»* – говорили башкиры.

Башкирский народ в процессе социогенеза прошел через все «круги исторического ада»: противостояние враждебным племенам и их набегам, татаро-монгольское нашествие, вассальную зависимость от Волжской Булгарии, Ногайского, Сибирского, Казанского ханств после распада Золотой Орды, издержки самодержавия в царской России и жестокие подавления народных восстаний, нанесших огромный урон национальному генофонду. Это и последующая политика унификации в советском обществе, «цивилизационная смута» и ценностная дезориентация в новейшей истории России. Тем не менее башкиры сумели сохранить свою национальную идентичность, язык, культуру, что стало отражением их мужественного и свободолюбивого духа. *«Плох ветер, пронизывающий до костей, плох человек, предающий свою страну», «Чем жить под гнетом, лучше вырви свободу ценой своей жизни», «Чем быть рабом, лучше будь хвостатым псом»* – внушали подрастающему поколению с детства. Судьба башкирского народа и его харизматичных лидеров (Карасакала, Кинзи Арсланова, Салавата Юлаева, Ахмет-Заки Валиди, Героя России генерала Минигали Шаймуратова и др.) – это пример подвижничества, героического принятия лишений и готов-

ности принесения в жертву своих жизней, судеб, благополучия во имя национальной свободы. *«Настоящий человек умрет не со словом «золото», а со словом «народ мой»* – так воспитывали будущих защитников Родины.

Символом нации, ее непобедимого и вольнолюбивого духа стал Салават Юлаев (1754-1800), национальный герой башкирского народа, поэт, певец-импровизатор, сподвижник Емельяна Пугачева, который первым из предводителей башкирских восстаний осознал, что свободу и независимость можно завоевать только вместе со всеми угнетенными народами Российской империи. Народ сохранил память о своем национальном герое: о нем слагали песни, пересказывали легенды и предания, сэсэнами-сказителями XIX в. была сложена историческая поэма «Юлай и Салават».

Башкир «не слишком поглощен жаждой земной прибыли и земного благоустройства» (Н.А. Бердяев). «Мы – жители степи, – читаем самосвидетельства вольных кочевников, – у нас нет ни редких, ни дорогих вещей, ни товаров, главное наше богатство состоит в лошадях: мясо и кожа их служит нам лучшей пищей и одеждою…, в земле нашей нет ни садов, ни зданий: места наших развлечений – пастбища скота и табуны коней, и мы ходим к табунам любоваться зрелищами коней» (42). Дух нестяжательства, отсутствие стремления к накопительству и безмерной роскоши в быту господствуют в душе башкир. *«Чем копить скотину, точно скряга, лучше оставь после себя доброе имя», «Что станешь делать с накопленным добром? – однажды уйдешь, все оставив», «Что есть – тем и доволен, вот смысл жизни»* – рассуждал народ. Национальное сознание выдвинуло ценность скромного, умеренного достатка, обеспечивающего достойную жизнь без нужды и удовлетворяющего разумные и необходимые потребности.

Благополучие и достаток в народном сознании связывались с честным и свободным трудом. Трудолюбие провозглашается одной из жизненно важных ценностей. *«Трудись как раб, будешь жить как хан»*, *«У работы горек пот, да сладок плод»*, *«Ищущая пчела с медом будет, работающий человек добро добудет»*, *«Ленивый бык годится на мясо, ленивый человек – ни на что»*, *«Благо – в руках трудолюбивого»* – утверждала народная педагогика. В сказке «Человек и его дело» каменобоец, по воле Всевышнего побывавший и

баем, и царем, и солнцем, и тучей, и скалистой горой, смысл жизни и счастье увидел в труде:

«Работа – вот начало всех начал,
Трудиться должен всяк – и стар и мал.
Не пропадет работник никогда,
А многого ль добьешься без труда?
Усердному работнику – хвала!
Отрадны для страны его дела.
Трудись до пота, не теряй ни дня!
Жизнь без труда – что угли без огня» (43).

В сказках «Секрет счастья», «Золотая капля», «Воспитание бережливости» герои приходят к выводу, что упорный, кропотливый труд является основой счастья и благополучия (44). Глупый Ялбыр, промотавший наследство отца, понимает, что самое большое богатство на свете – это трудовой пот, и «каждая его капля стоит тысячу золотых» (45). В сказке «Бай и батрак» на вопрос, как он не мерзнет в своей дырявой одежде на морозе, батрак отвечает: «Пока есть на свете одежда по названию «труд», человека ни холод, ни голод не возьмет, в том и счастье наше. Даже самый искусный портной не может ее сшить. Трудолюбивые люди в нее от рождения одеты» (46). Не поверивший в его слова бай заключает с ним пари. В холодном лесу бездействующий бай, натянув на себя две шубы и валенки, замерзает, а батрак, ни минуты не просидевший без дела, выигрывает спор. В бытовых сказках, высмеивающих леность и тунеядство, глупость и невежество, звучат оптимизм трудового народа, вера в достойную жизнь, торжество справедливости.

С трудолюбием, с душевной щедростью, жизненной мудростью народ связывал также понимание счастья как ценности. Доброе имя (*«Доброе имя лучше богатства»*), хорошие дети (*«Богат не тот, кто имеет скотину, богат тот, кто имеет сыновей»*), крепкое здоровье (*«Богатство – не богатство, а здоровье – богатство»*), отвага (*«Богатство – на месяц, а батырство – на всю жизнь»*), достойное ремесло (*«Лучше иметь ремесло, чем драгоценности»*), знания (*«Богатство на льду пишется, а знание на камне высекается», «Учившийся слепой победил зрячего неучившегося», «Умом золото добывается, золотом ум не добывается»*) и др. были эквивалентами подлинного человеческого счастья. Более того, истинное бытие – не в

богатстве, а в правдивой душе: «правда» же для башкира – это единство справедливости, благородной жизни и разумной истины. *«Справедливость и мертвого оживила»*, *«Правда душу бережет»*, *«Справедливость украшает человека»*, *«Человеческое дело точно камень, который катят в гору: хорошо ли, плохо ли поступаешь, все возвращается обратно к человеку»* – говорили в народе.

Стремление к социальной справедливости, нестяжательство души – это также один из ценностных приоритетов башкир. Характер «немещанской» ментальности обусловливал готовность башкир в любое время прийти на помощь к тому, кто оказался в беде, не требуя вознаграждения. «Корыстолюбия… они почти не знают» (47), – писал С.Г. Рыбаков. Даже в тяжелых условиях буржуазно-помещичьей эксплуатации края башкиры знали цену бескорыстной помощи тем, кто в ней особо нуждается, и поддерживали немощное взрослое поколение, больных и сородичей с ограниченными возможностями, неимущих. Отсутствие у башкир социального сиротства, бродяжничества, попрошайничества и нищенства отмечали многие исследователи и ученые-краеведы.

Одной из особо ценимых нравственных добродетелей в башкирском обществе считалась честность. *«Честно нажитый петух лучше нечестно нажитого жеребца»*, *«От украденного скота не жди блага»*, *«Честный воровать не станет, бесчестный воровать не перестанет»*, *«Человеку чужое добро и свой ум большими кажутся»*, *«Укравший у народа попадет в беду, попавший в беду понесет наказание»* – эти пословицы стали отражением осуждения народным сознанием воровства как постыдного личностного и социального порока. Презрение, общественное порицание ждали того, кто посягал на добро и собственность других: *«У вора и дела, и еда преступные»*, *«У вора душа пустая»*, *«С вором не водись, со сплетником тайной не делись»*, *«Говорят, если вор не находит, что украсть, он собственную шапку крадет»*. Народное сознание было категорично по отношению к тем, кто совершал подобные преступления, и предупреждало: *«И пуговицу возьмешь – воровство, и верблюда возьмешь – воровство»*. Вор, как считали башкиры, лишает себя уважения и доверия окружающих, жертвует не только собственным достоинством, честью, личной свободой, но и авторитетом своих родных и близких. *«Если ты вор – обретешь позор»*, *«Раз украдешь – на всю жизнь вором останешься, раз солжешь –*

на всю жизнь лжецом останешься», «В доме воров и невестка – воровка», «Нечестно нажитый скот не плодится», «Укравший иглу и верблюда не оставит», «Вороватый человек или коня умыкнет, или жену твою приберет» – предостерегали в обществе. Более того, народная педагогика особо подчеркивала значимость семейного воспитания в культивировании в подрастающем поколении честности и порядочности, требовала показывать положительный пример (*«В плохом доме дурное дитя родится», «Вина ребенка – вина родителей», «Каково семя, таков и плод», «Ребенка – с рожденья, иву – саженцем гни», «То, что не вошло с молоком матери, с молоком кобылы не войдет», «У отца, который не стреляет в оленя, сын и в кулана стрелять не будет» и др.*), призывала родителей быть внимательными к поведению своих детей и пресекать подобные поступки: *«Иглу украл – не остановил, пуговицу украл – не запретил».* На страже общественного мнения стояли и религиозные нормы: часто в башкирских деревнях встречались случаи самосуда. Барон де Бай писал в своих заметках: «Если башкир украл и пойман своими же, то эти последние бросают его в воду, привязавши ему камень на шею» (48). Н. Малиев подчеркивал, что «с нравственной стороны башкиры заслуживают полного сочувствия. Нравственная статистика, статистика преступлений, говорит в их пользу. Между ними сохранились многие симпатические черты, свойственные первобытному народу: честность, трезвость, отсутствие преступления против личности» (49). О башкирах в начале XX века также сообщалось, что они могут похвалиться перед другими инородцами честностью и добротой, «скот свободно бродит ночью в урман» (50).

Творчество добра, милосердие, душевность, порядочность, справедливость на протяжении веков являлись ценностными ориентирами башкир. Формирующееся сознание определило свои ключевые базовые понятия «добро» и «благодеяние» еще на заре национальной истории. В древнейших эпических сказаниях эпохи разложения родового строя и перехода к классовому обществу «Урал-батыр», «Акбузат», «Кузыйкурпяс и Маянхылыу» прослеживаются идеи о диалектике добра и зла, о бессмертии, о смысле жизни человека. Вера в вечность добра, представления о социальной справедливости и ценности человека, негативная оценка человеческих жертвоприношений богам, осуждение умерщвления новорожденных девочек, травли и осмеяния женщин, которые не рожают

мальчиков, утверждение права каждого на личное счастье, уважительное отношение к родителям и старшим, помощь тем, кто нуждается, и др. – все эти позиции стали жизненно важными ценностными установками предков башкир. *«Доброта всегда в цене», «То, что делаешь для людей, в людях же останется», «От доброго дела – добрый след», «Золото в земле не забудется, доброта в пути не заблудится», «Когда говоришь с хорошим, будто мед-сахар обретаешь, когда говоришь с плохим, будто собакам кость бросаешь», «Даже тому, кто враждебно к тебе настроен, делай добро», «Если не можешь сотворить добро, пусть хоть в душе живут добрые помыслы»* – это многовековая жизненная философия народа, отложившаяся в его исторической памяти и фольклоре, прошедшая испытание временем и лишениями, сохранившая свои императивы и в современности. В частности, башкирские народные сказки, древнейший фольклорный жанр, особенно изобилуют специфическими этнонациональными мотивами борьбы добра со злом, утверждающими ценность добродетельности (51), которые активно используются в современной педагогической практике.

В эпосе «Урал-Батыр» зарождающееся сознание определило «добро» и «благодеяние» как высшую духовную ценность и священный долг каждого башкира, как завет предков своим потомкам:

«То, что на земле остается,
Чем все лучшее создается,
Сада краса и благоухание –
Это добро и благодеяние.
В огне не сгорит – благодеяние,
В воде не утонет – благодеяние,
До неба возвысится – благодеяние,
Оно – голова всех дел,
Для всех живущих на свете людей
Пребудет как мира высший удел» (52).

Устами мудреца в эпосе утверждается непреклонная жизненная аксиома: жизнь любого живого существа конечна; старое, отжив отмеренный ему природой срок, уходит, уступая место новому. Смертен человек, но он не уходит безвозвратно: остаются его добрые дела, остается память о нем, будет вечно жить в памяти потомков его доброе имя. По словам мудреца, все материальное тленно,

вечны лишь благородные деяния человека и творчество добра. Предсмертная заповедь Урал-батыра людям и своим детям содержит ценностные ориентиры башкирского народа, являющиеся для всех последующих поколений смысложизненными установками:

«На земле, очищенной мною,
Людям добудьте счастье земное;
… Сами стремитесь батырами стать;
Старших умейте почитать,
Их советом не пренебрегайте.
Но и тех, кто младше, не забывайте, –
Вам растить их и поднимать» (53).

Отход от духовных ценностей есть неистребимый корень многих бед, считали древние башкиры и верили в то, что уважение и соблюдение обычаев и традиций, гуманных законов совместной жизни, бескорыстная помощь нуждающимся и защита больных и слабых, а также жизнь по принципам чести и совести резко ограничивают возможности зла, затаившегося среди людей. Данная ценностная максима была заложена еще в родовом обществе башкир и до сих пор остается актуальной и требующей реализации в современном мире. Напутственные слова Урал-батыра, призывающего к жизни по пути добра как возможности сохранить человеческий облик, указывают людям на тот единственный правильный путь, следование по которому сможет сохранить жизнь не только отдельных людей, но и всего человеческого рода:

«Пусть имя ваше будет Добро,
Предназначение – Человек,
Злу не давайте дорогу вовек,
Пусть мир и добро пребудут вовек!» (54).

Значимость добра, творчество добра как абсолютной ценности нашли свое отражение в сказочном, песенном и паремическом творчестве, в антропонимах башкир (Якшибаев, Якшигулов и др.). Гуманизм для башкир – это человеколюбие, провозглашение человека высшей ценностью, целью, а не средством для достижения каких-либо целей. Утверждение достоинства каждой личности, признание права человека на счастье, творчество добра на протяжении

веков являлись и сегодня являются одними из фундаментальных приоритетов, обусловливающих ценностную наполненность жизни башкир. «*Мечут в тебя камнем, метни в ответ едой*» – это моральная философия народа, который прошел через многие лишения, перенес немало социальных обид и моральных унижений, но не изменил своим гуманистическим ориентирам.

Уважительное отношение к другому независимо от его сословной или половой принадлежности, от возрастных критериев, этнических и расовых признаков, от уровня интеллекта и культурного развития, независимо от того, свой или чужой, богатый или бедный, какой придерживается веры и на каком языке разговаривает, – традиционная ценностная установка башкир. С.Г. Рыбаков подчеркивал, что «равенство во взаимных отношениях башкир сказывается всюду: каждый, без различия, одинаково бывает у другого, пользуясь одинаковым угощением, правом голоса и мнения, поэтому в обращении их между собою нет принужденности и условности» (55). То же самое сообщает и П. Назаров: «Кто бы ни приходил к нему, он угощает всех, не разбирая, богат ли, беден, простой ли башкирец или чиновник: в этом случае все равны. Поэтому он, приходя к кантонному, или к помощнику его, или к старшине, не снимает перед ним шапку, не целует их руки; а здоровается, как с равным себе. Башкирец добр, снисходителен к другим и не помнит нанесенной ему обиды» (56). Более того, равновеликое отношение башкир к «чужеродным» племенам, отношение по-доброму, по-человечески ко всему чуждому и чужому, даже если оно было иной культурой и чужой верой, самоценность каждого, всечеловечность, открытость башкир стали ключевыми принципами в их со-бытии и сотворчестве с теми народами, которые волею исторических судеб оказались на башкирской земле. В башкирах нет самодовольства и чванства, ценность согласия, дружбы, мира, единства в «общем доме» стала их смысложизненной максимой. В башкирском крае обрели Родину тысячи и тысячи людей, искавших на бескрайних российских просторах свободную землю, хлеб, покой и счастье. Одной из форм объективации данного ценностного ориентира стало и гостеприимство башкир как отличительная характеристика национальной психологии народа, которая сегодня широко известна далеко за пределами Башкортостана.

Гуманизм, открытость и интерес к другим были проявлением того, что в условиях однообразной жизни, когда круг общения сравнительно узок и ограничен, появление незнакомого человека и нового собеседника вносило оживление и разнообразие в монотонный и устоявшийся быт. Беседа была источником новой информации, средством общения, приносила моральное удовлетворение. Собеседование всегда носило неторопливый, степенный характер, в каждое высказывание башкир вкладывал определенное значение, образность и иносказательность, насыщенность пословицами и поговорками характерны и для современной башкирской речи. Кочевники-башкиры с глубоким почтением относились к человеку, который умеет говорить разумно, последовательно и убедительно, шумными и восторженными возгласами одобряли рассудительную речь собеседника. Детей с малых лет приучали к этикету общения, умению вести разговор со взрослыми, основам умной, лаконичной и достойной беседы: *«Мудрое слово кратким бывает», «Язык – сабля, когда нужно, руби, когда нужно, придержи»* и т. д. Взвешивая сказанное слово, прислушиваясь к вложенному в него смыслу, народ судил о воспитанности, об умственных способностях и о характере своего собеседника (*«Стрела тело ранит, слово – душу», «От острого взгляда ива ломается, от острого слова камень ломается»*), «не употребляли оскорбительные и непристойные выражения в присутствии стариков, женщин и детей, остерегались от злословия и дурного слова на природе, в обращении с домашними животными и пчелами, что нашло отражение в традиционном отсутствии в башкирском языке развитой и изысканной системы ненормативной лексики» (57). Башкиры берегли свой родной язык и дорожили им. *«Свой язык – свой меч, от отца оставшаяся сталь; на миру язык – мое утешение и мое спокойствие на миру»* – данное изречение в стиле эпического сказания-кубаира восходит еще к творчеству сэсэнов прошлого.

Особое ценностное измерение в башкирском обществе имело отношение к женскому началу (матери, жене, сестре, дочери и др.). Башкирская женщина в народном сознании олицетворяла традицию, незыблемость и священность семейных устоев, занималась хозяйством, обустраивала быт, воспитывала детей, вместе с мужчинами разделяла тяготы кочевой жизни, была не только верой, надеждой и любовью, но и мудрым советчиком, соратником в военных

походах. В частности, об участии и мужестве башкирской женщины в Отечественной войне 1812 года сохранились песни и легенды. Образ смелой и находчивой жены, спасшей своего мужа и отряд, которые попали во французское окружение, нарисован В. Зефировым в «Рассказах башкирца Джантюри» (58). В песне «Иремель» поется о женщине, которая вместе с мужем отправляется на защиту Родины от французов: *«Коли враг посягнул на свободу страны, разве дома мы все оставаться должны?»* (59). «Естественную гуманность» по отношению к женщине, отсутствие бытового насилия как типичного явления в семейной жизни отмечали многие исследователи края. «У башкир не только запрещается бить жену, но не дозволяется даже грубо обходиться с ней, – писал Д.П. Никольский. – Если башкир грубо обходится со своей женой, то она может просить развода, обратиться за помощью к своим родным или мулле. Она не подвергается никаким грубым насилиям со стороны семейных… Семейная жизнь башкира протекает тихо и мирно, без особых ссор и тем более драк со стороны мужа» (60). *«В доме, где согласие, – изобилие, счастье; в доме, где раздор, – несчастье и горе», «Из шумного дома за гору беги», «При каждом звоне посуды жену не прогоняют», «Умный муж жену охаивать не будет»* – считали в народе. В многочисленных пословицах и поговорках нашли отражение этические и эстетические требования к женщине как хранительнице домашнего очага, источнику духовного начала, символу красоты, которые не потеряли своей актуальности и сегодня: *«Проворная жена – истинное счастье, ленивая – горе да несчастье», «Жена – на всю жизнь спутница», «Коль жена покладиста, золота не нужно», «Если жена плоха, то она и есть твой Газраил», «Пусть будет хорош конь, которого запрягаешь, пусть будет пригожа жена, с которой выезжаешь»*.

Таким образом, традиционные базовые ценности башкирского народа, исторически обусловленные преобладанием сердца над рассудком, чувства над интересом, свободы над властью и принуждением, братства над индивидуализмом, духовно-нравственных основ бытия над материальными, культом духовности над утилитаризмом, – это коллективизм, гуманизм, этизм и эстетизм, экологизм, патриотизм и гражданственность, свободолюбие, гостеприимство, культ семьи.

Традиционная аксиосфера, как известно, – факт культурно-исторический, общественный. Пути исторического развития оставляют неизгладимый след в духовной памяти этноса, отражаются на системе его ценностей и способствуют в той или иной мере продуцированию и закреплению одних установок и размыванию или даже стиранию с духовной матрицы тех ценностных ориентиров, которые были традиционными на протяжении многих поколений. Тем не менее глубинные, жизнеопределяющие ценности и ориентации народа, природно, изначально укорененные в исторической памяти, остаются неизменными в национальном бытии.

Многовековая драматическая история башкирского народа – это также противоречивая история становления и закрепления его ценностных установок. Исторический акт добровольного вхождения Башкирии в состав Российского государства (61), имевший для башкир в целом прогрессивное значение, в силу противоречивости социального бытия и характера общественного строя России в те исторические времена сыграл немаловажную роль в метаморфозах традиционных предпочтений народа. С одной стороны, общение с другими народами способствовало расширению и обогащению хозяйственного опыта башкир, развитию в крае земледелия и промышленности (62), освоению природных богатств, росту культуры и укреплению дружбы между башкирским и другими народами (русскими, марийцами, чувашами, удмуртами, татарами и т. д.), в силу исторических перипетий оказавшихся в едином культурно-историческом пространстве. С другой стороны, башкиры разделили трагическую участь народов, попавших под колониальный гнет Российской империи, на них обрушились все лишения и издержки авторитарного режима феодально-крепостнической России. Последующий массовый захват башкирских земель в ходе капитализации и индустриализации края, усиление эксплуатации местной феодальной знати стали основными причинами национально-освободительного движения башкирского народа (63).

В конце XVIII века башкирское население было превращено в военно-служилое казачье сословие. Суть введенной в башкирском крае кантонной системы управления (1798-1865 гг.) многоцелевая. В частности, она должна была способствовать ускоренному переводу башкир к земледельческому типу хозяйствования и проведению последующих буржуазно-экономических реформ. Башкиры, ока-

завшиеся в круговороте кардинальных цивилизационных изменений, повлиявших на их устоявшийся ценностный мир, были «выбиты» из привычного уклада жизни. Многие исследователи отмечали в жизни башкир в кантонный период ослабление социальной энергии, размывание традиционных установок, усиление негативных явлений («несимпатичных черт», лени, беспечности и др.) и пытались найти объективные причины неожиданных трансформаций башкирской аксиосферы и постепенного «обрастания» болезненными наростами, чуждыми ее ключевым установкам. В частности, Д.П. Никольский подчеркивал, что об этих сторонах башкирского характера заявляют многие наблюдатели, хотя почти никто из них не старается глубже проанализировать те причины, которые создали и развили в башкире эти стороны, и действительно ли эти пороки в башкир так глубоко вкоренились, что чуть не врождены им (64).

Башкирский народ из обычного патриархального существования перешел на совершенно иной уровень бытия. Те деформации и срывы в ценностном мире башкир, которые, как правило, прослеживаются в условиях ломки традиционного уклада жизни (в целом явления закономерного и прогрессивного в историческом развитии башкирского этноса), стали реакцией традиционного сознания человека на кардинально меняющиеся социальные условия. Резкий переход от скотоводства к земледельческому образу жизни сопрягается с усвоением норм и ценностей иного («нового») образа жизни, которые должны войти в «культурную плоть» башкирского общества, «осесть» в душах людей, превратившись в их ментальность. «Чтобы перейти от кочевого образа жизни к хлебопашеству, нужна вековая культура. Ничто в мире не совершается сразу, искусственно; башкир, не успев отстать от своего старого образа жизни, не пристал к новому. Это вызвало нищету, и теперь башкир выбивается из последних сил в борьбе за свое существование» (65), – отмечал М.А. Круковский. Высокая скорость изменений, ломающих и опрокидывающих (порой насильственно) веками складывавшиеся ценностные установки, не позволяет людям приспособиться к ним на ментальном уровне, размывает механизмы психической защиты от опасных и деструктивных воздействий внешних «чуждых» сил. Личное поведение башкир концентрируется на полярных полюсах: либо строжайшая дисциплина, аскетизм, либо неадекватность, стихия души. Сомнение во всех ценностях, догматическая вера в судь-

бу и предопределение, пессимизм характеризуют растерянность выбитого из привычного образа жизни башкира, оказавшегося перед лицом «социальной неизвестности» и авторитарной власти. Как обычно, в таких условиях страдают ценностный мир, душа и культура народа. Известный краевед В.И. Филоненко писал: «Эта мрачная эпоха кантонного управления не прошла бесследно для башкир. Она принесла им громадный вред, убив в них многие хорошие черты и привив дурные… Энергия и самостоятельность народа были надорваны» (66).

Обострили социально-экономическое положение и духовное самочувствие башкир быстрые темпы капитализации и индустриализации края, разграбление его природных богатств. «Небуржуазная» башкирская душа отнюдь не способствовала развитию в народе способностей к предпринимательской деятельности. Хлынувшие за легкой наживой потоки нечестивых скупщиков земли, арендаторов, золотопромышленников путем прямого обмана и жульничества, при помощи местной власти склоняли народ, по своей ментальности лишенный буржуазной жилки, к невыгодной коммерции. Распродажа земель, лесов за мизерную плату, за дешевые подарки (чай, сахар, муку, водку), неумение прогнозировать возможные экономические последствия подобных операций, наивная вера в порядочность и надежность «деловых партнеров» говорят о полном отсутствии рыночной психологии в «небуржуазной», «немещанской» башкирской душе. Безусловно, чтобы жить и выжить в сложившихся условиях, народ должен был принимать ценности, навязанные сверху эксплуататорскими классами, которые развращающе действовали и на эксплуатируемых. Эти обстоятельства отчасти сказались на широком распространении в жизни башкир этого периода некоторых отрицательных черт и привычек. Речь идет о привыкании к жестокой эксплуатации и военно-полицейскому насилию, о социальной апатии и других негативных явлениях. «При взгляде на нынешних башкир недавние сказания про их силу и воинственный дух кажутся почти невероятными. Через сто лет нельзя узнать этого буйного и отважного народа. ... Бесследно исчез воинственный национальный дух вместе с многочисленными стадами и привольными отдаленными кочевками. Полуголодные, едва существующие изо дня в день, забитые и запуганные, башкиры в на-

стоящее время представляют только тень своего прежнего облика» (67), – отмечал М. Малахов.

Жизненная ситуация «сына диких степей» (Г. Успенский) вызвала у многих пессимистические прогнозы по поводу будущего башкирского этноса. «Этот задавленный своими историческими невзгодами народ обречен историей на вымирание, которое идет вперед быстрыми шагами» (68), – писал Д.Н. Мамин-Сибиряк. «Пропадет, башкир, пропадет! Беспременно пропадет этот самый башкир!» (69), – предупреждал Г.И. Успенский и призывал прогрессивную общественность активно выступить за защиту прав и интересов коренного населения. Многогранное творчество демократической интеллигенции, писателей, публицистов, краеведов, башкирских просветителей XIX – начала X века явилось протестом передовой общественной мысли России и Башкирии против физического и духовного подавления башкирского народа, против разрушения его традиционных ценностных установок. Каждый вносил свой посильный вклад в улучшение бедственного положения башкир, художественным словом, конкретными, реальными делами поддерживал народ в трудных жизненных испытаниях.

Свою лепту в экологию башкирской национальной души внесла деятельность башкирских просветителей М. Акмуллы (1831-1895), М. Биксурина (1819-1887), М. Уметбаева (1841-1907), Р. Фахретдинова (1859-1936) и др. Мыслители видели причину духовных катаклизмов в невежестве, культурной отсталости, необразованности своего народа, призывали башкир к просвещению, трудолюбию, к верности своим исконным духовным ценностям, критиковали имущие классы, возлагая на них всю ответственность за испорченность нравов, ухудшение моральной атмосферы в обществе, за низкий уровень культуры, образования, науки, экономики, что приводит, по их мнению, к различного рода бедствиям как реакции народа на несправедливость, жестокость и угнетение (70).

Творчество М. Акмуллы, первого башкирского поэта после Салавата Юлаева, обратившегося к народу со словами «мои башкиры», стало своеобразной антологией ценностных ориентиров. Его стихотворение «Башкиры, учитесь!» обозначило перед башкирами конкретные ценностные приоритеты во имя их духовного возрождения и самосохранения:

«Мои башкиры, учиться надо, учиться надо!
Без добрых знаний и умных мыслей народ – что стадо.
Медведя бойтесь, ну а невежества бойтесь больше,
К образованию, мои башкиры, стремиться надо!
…
Ученым всюду почет и слава, и путь им ведом,
А тьма незнанья несет нам горе, нужду и беды…
…
Ну, а захочешь источник счастья открыть народу –
То только знания станут нужным ключом заветным» (71).

Невежество, безвольная покорность, апатия и терпимость ко злу, по его мнению, лишают народ исторической перспективы, стоят на пути духовного прогресса.

Философско-поэтическим осмыслением должных ценностей и установок народа были его «Назиданья», которые стали кодексом непреходящих ценностных основ человека, условий сохранения «человеческого в человеке». Первым условием поэт считает совесть и совестливость, вторым – честь и честность, третьим – ум, четвертым – благодарность, пятым – порядочность, шестым – терпенье и др., подчеркивая значимость тех ценностных установок, которые на протяжении веков были ключевыми характеристиками башкирской аксиосферы (72). Поэт пишет:

«Не приводит к добру ни разнузданность нрава,
Ни паденье, ни взлет, ни смиренья отрава.
Надо честно блюсти человечность такую…» (73).

Несмотря на ограниченность в понимании объективных причин бедственного положения башкир, ценностной дезориентации и умножения в их жизни социальных и духовных проблем, творчество башкирских просветителей стало признанием в любви к своему народу, выражением надежды на его возрождение и веры в его достойное и счастливое будущее в то время, когда многие исследователи и писатели были полны пессимизма и высказывали серьезные опасения по поводу исторических перспектив башкирского народа. Тем не менее трудная и противоречивая история башкирского народа стала доказательством духовной состоятельности башкир, которые, несмотря на отдельные периоды своего ослабления и упадка,

в целом развивались по пути восхождения и качественного обогащения, защищали свои традиционные ценности, верования, обычаи. «С течением веков башкиры пережили столько невзгод, что другой народ давно исчез бы с лица земли, – писал М.А. Круковский, – они же сохранили свой тип, характер и прежний кочевой образ жизни переменили на оседлый» (74). Башкирский народ сумел сберечь свою целостность в мире становлений и преобразований, в процессе противоречивой истории сохранил свою идентичность, культуру, религию, язык, традиционные ценности. Трагические страницы в духовной биографии не вытравили из его души человечность и человеколюбие, «не смогли разрушить те фундаментальные ценности, которые изначально определили для себя башкиры, принимая на своей земле первых беглых и переселенцев: дружбу, взаимопомощь, терпимость, миролюбие, согласие. Вместе с русскими крестьянами, татарами, чувашами, мордвой, удмуртами, марийцами и др. башкиры развивали хозяйство и культуру, творили историю многонационального Башкортостана, боролись против угнетателей-феодалов, защищали единое Отечество от внешних врагов» (75).

После октябрьских событий 1917 года башкирский народ, наряду со всеми российскими народами, приступил к строительству социалистического общества. Движение башкир за создание автономной государственности в 1917-1919 гг. завершилось подписанием «Соглашения центральной Советской власти с Башкирским правительством» о провозглашении Башкирской АССР в составе РСФСР. После принятия Декларации о государственном суверенитете Башкортостана 11 октября 1990 г. Республика Башкортостан стала суверенным государством в составе Российской Федерации (76). Идея социализма как человеческой справедливости, в сущности, не противоречила ценностным ориентациям башкир (как и других российских народов), на протяжении веков живших в «семье», а не в «рынке», и за десятилетия своего существования при советском общественном устройстве, несмотря на всю его противоречивость, башкиры сохранили и обогатили свои базовые смысложизненные ценности.

Башкирский народ всегда связывал свой национальный идеал с экзистенциальным историческим со-бытием и дружбой с русским и другими российскими народами, вместе с которыми он естественным образом интегрировался в геополитическое и духовно-

культурное единство поликультурной России. *«Просторная одежда не разойдется по швам, дружная страна не расколется пополам», «Разобщенный народ обречен на погибель, сплоченный – на победу», «Тот, кто ругает свою страну, тот сам будет обруган на чужбине», «У кого в стране единство, у того и в домах благоденствие», «Чем спать на перине стороны чужой, лучше спать на полу под кровлей родной»* – так считали и считают сегодня башкиры.

Народный поэт Башкортостана М. Карим писал:

«Своею жизнью я гордиться вправе –
Нам с русскими одна судьба дана.
Четыре века в подвигах и славе
Сплелись корнями наши племена» (77).

Во всей современной историософской полемике о выборе пути России, а значит и башкирского народа, который вот уже почти 5 веков делит свою историческую судьбу с Россией, главная задача – сохранение субъективности России как самобытной цивилизации, объединившей в себе многочисленные народы и основанной на собственных традиционных ценностях. Еще в 90-е гг., сместившие ценностный вектор отечественной духовности в сторону западной аксиосферы, известный общественный и политический деятель, ученый-историк Н.А. Нарочницкая подчеркивала: «Россия, с ее уникальной многонациональностью, многоукладностью и традицией конструктивного взаимодействия православной и исламской культуры, примирившая в самой себе «европейский и азиатский дух», ставшая в политическом смысле Евразией, может быть открыта, в том числе, к Западной Европе, но не должна растворяться в ней. Да и как может сибиряк, или башкир, или бурят желать быть втянутым в чуждую систему ценностей?» (78).

Даже претерпевая определенные трансформации в процессе национальной социокультурной истории, традиционные ценности башкир в основе своей остаются относительно неизменными, что позволяет идентифицировать их на всем историческом пути развития. Так, базовые традиционные ценности узнаваемы в эпоху татаро-монгольского нашествия, в тяжелые времена капитализации края, обусловившей резкий разрыв с вековыми кочевыми традициями и переход к оседлости, в советское время и при тотальном

«европейничаньи» в новейшей истории России, породившей не только цивилизационную, но и ценностную «смуту», поставившую отечественную духовность и нравственность, ценностные миры народов страны на грань разрушения.

Проблемы в аксиосфере последних десятилетий стали зеркальным отражением серьезных социально-духовных проблем в российском обществе эпохи цивилизационных трансформаций. Долгое господство идеологии и практики однополярного мира, десятилетия преклонения и слепого копирования социально-экономических, политико-идеологических, образовательных, художественно-этических и др. стандартов западного мира, даже его законодательных норм, обусловили размывание в реальной жизни исторической правды, требований социальной справедливости и законности, которые определяют уровень гуманности и моральности общества. Информационная, художественная и кинематографическая продукция о героях и смыслах «фаустовской» культуры, красивом образе жизни западного человека и американских обывателей хлынула в массовое сознание, на экраны кинотеатров и телевизоров. Все это способствовало обесцениванию образа Родины, не способной обеспечить своим гражданам «красивой жизни, как на Западе», достойного существования, остановить рост коррупции и мошенничества, найти эффективные механизмы «излечения» от многочисленных социальных недугов, поразивших жизнь (безработицы, роста преступности, наркомании, алкоголизма, экстремизма, социального сиротства и т. д.). Девальвация таких глубинных жизненных ценностей и добродетелей, как патриотизм, гражданственность, любовь, целомудрие, трудолюбие, семья, уважение к собственной культуре, истории, национальным символам, героям, родному языку, уважительное отношение к женскому началу, родителям, детству и старости, гармония с природой и др., которые на протяжении веков были незыблемым фундаментом жизни народов страны, привела к негативным результатам. В частности, рост в те годы критицизма в осмыслении происходящих в обществе процессов и в оценке человеческих характеров стал закономерной реакцией башкирской интеллигенции, общественных деятелей, ученых, представителей творческих профессий, системы образования и культуры, религии, родительского сообщества и др., обеспокоенных

состоянием национальной аксиосферы и духовного мира подрастающих поколений.

Прогрессирующая моральная глухота, нравственная деградация, «манкуртизация», беспечность и беззаботность некоторых современников, угасание силы простого человеческого чувства, растущее отчуждение индивида от мира другого, равнодушие к судьбе своего народа, культуры, языка и др. – все эти проблемы поднимались общественной мыслью, обсуждались в научных сообществах, отражались в художественном творчестве. О необходимости защиты собственной души, экологии морали народа (Д.Ж. Валеев) рассуждали ученые, публицисты, писали писатели и поэты Башкортостана. Тема защиты традиционных ценностей, осмысление значимости в жизни возвышенной и верной любви, целомудрия, чистой совести, справедливости, чести, ответственности, гражданственности, патриотизма, экологизма находили отражение в массовом и личностном сознании, в башкирском искусстве (живописи, театральном творчестве, литературе и поэзии и др.). Проблемы духовного возрождения и нравственной состоятельности личности, ее ответственности за собственную жизнь, за родной язык и культуру, за происходящее в обществе особенно актуализировались в творчестве современных литераторов Л. Абдуллиной, С. Абузарова, А. Баймухаметова, А. Гарифуллиной, Ф. Исхаковой, Л. Каиповой, М. Кунафина, Г. Кутуевой, М. Салимова, Р. Тулякова (1959-2008), А. Юлдашбаева, Т. Юлдашевой (Тамара Искандерия), З. Ханнановой и др.

Башкирская аксиосфера исторически развивалась в русле умножения своих гуманистических духовных смыслов, освобождалась от всего чуждого, разрушительного, негативного и сегодня продолжает отстаивать свои базовые ценности: патриотизм, этизм, эстетизм, семейные традиции, диалогизм в общении и жизни, сбережение среды обитания и др. Несмотря на издержки длительного культивирования либеральных ценностных ориентиров, «свободных отношений», идеологии «чайлд-фри» и др., современные башкиры с ответственностью подходят к выбору спутника жизни, созданию семейных союзов, рождению и воспитанию детей, соблюдению национальных обычаев, сохранению исторической памяти, сбережению родного языка и культуры.

Башкиры особо чтят ценность природы и понимают ее значимость в духовном и физическом здоровье современного человека.

В республике проводятся многочисленные экологические акции и мероприятия, создаются особо охраняемые природные территории Башкортостана – не только гордость, забота и ответственность республики, но и живая летопись края, его история, архетипы древнейшего сознания башкирского народа, его традиционные ценности, мифы и фольклор. Эти зоны имеют не только экологическое, историко-информационное, природоохранное, эстетическое, лечебно-оздоровительное, туристическое, экономическое значение, но и ценностное, духоформирующее, воспитательное, культурологическое измерения, поскольку практически каждая из них, особенно комплексные, или их конкретные объекты обладают уникальным историко-культурным потенциалом, имеют археологическую ценность. Практически каждый объект этих территорий, его происхождение, топоним имеют свою фольклорную интерпретацию, мифсопровождение, легенду, предания, воссоздающие через их призму историю народа, его мировоззрение и мироотношение. Их более 200, самые значимые из них – биосферный резерват ЮНЕСКО «Башкирский Урал», в котором находится всемирно известная пещера Шульган-Таш (Капова пещера); геопарк «Янгантау», входящий в Глобальную сеть геопарков ЮНЕСКО; геопарк «Торатау», ядром которого является гора-святилище Торатау, самый знаменитый из шиханов республики, символ Башкортостана; курортный район Якты-Куль, где известны самые древние памятники, свидетельствующие о начале заселения человеком Уральского региона. Шульган-Таш, Янгантау, Торатау, Яктыкуль как «сердцевина» данных природных зон нашли отражение в архаической фольклорно-мифологической картине мира башкир. Более того, как уже отмечалось, в последнее время активизировалось экологическое сознание человека, выступающего за сохранение уникальной башкирской природы и ее объектов, редкой и «краснокнижной» фауны и флоры.

Ценностное сознание башкирского народа всегда шагало в ногу с историей народа, воплощало лучшие нравственные качества, осуждало собственные недостатки и пороки, утверждало гуманистические идеалы, дружбу и взаимопонимание на многонациональной земле Башкортостана и России. И сегодня, когда Россия встала на защиту своих границ, башкирские воины, как и во времена Отечественной войны 1812 года, и в годы Великой Отечественной войны, вместе с многонациональными защитниками единого Отечества

противостоят коллективному Западу, «фаустовской» культуре с ее антиценностями, разрушающими подлинные смыслы человеческого мира. Одними из первых именных башкирских добровольческих объединений стали батальоны имени М. Шаймуратова и С. Юлаева.

Гуманистические ценности как «путеводные звезды» как никогда нужны современному миру и человеку, чтобы жить в согласии с собственным «я», с другими, с природой, чтобы бороться со злом в самых различных его проявлениях (идеологических, социальных, моральных и др.) и активно противостоять ему. В то время, когда глобализирующееся мировое пространство направлено на унифицирование национальных культур и родных языков, на формирование «граждан мира» без собственного этнического лица (без памяти прошлого, уверенного настоящего и надежного будущего), национальная идея должна опираться на носителей подлинной духовности и нравственности, олицетворяющих ценностный идеал подвижника за родину, родную землю, культуру, язык, свой народ. Формирование новых поколений подвижников, граждан, патриотов – это многогранный и сложный процесс, включающий в себя целый комплекс организационных, социальных, экономических, просветительских, педагогических и др. мер на общегосударственном уровне, объединяющий совместные усилия и деятельность всех организаций и социальных институтов (семьи, системы образования, искусства, религии, средств массовой информации, молодежных движений и др.), заинтересованных в позитивных переменах в личной и общественно-национальной жизни. Свою существенную лепту в эти процессы могут внести и культурные артефакты, сохранившие ценностные установки народа.

Башкирская аксиосфера – уникальная духовная величина, сохранившая свои исконные, архетипические ценности, которые объективированы в самобытном ритуально-церемониальном комплексе, переплетены с канонами традиционного ислама и с ритуалом современного гостеприимства, закреплены в фольклорных произведениях, которые живут в современном социокультурном пространстве, направляя мироотношение, чувства, энергию и поведение человека.

Примечания

1. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. I. – СПб., 1773. С. 80.
2. См., например: Башкиры /отв. ред. Р.Г. Кузеев, Е.С. Данилко; Ин-т этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН; Ин-т истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. – М.: Наука, 2016. С. 5; Бикбулатов Н.В. Башкиры. Краткий этноисторический справочник. – Уфа: УНЦ РАН, 1995. С. 5; Валеев Д.Ж. Очерки истории общественной мысли Башкортостана. – Уфа: Китап, 1995. С. 16-18; Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. – М.: Изд-во «Наука», 1974. С. 441; Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана с древнейших времен до XVI века. – Уфа: «Китап», 1994. С. 161-162; История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. – Уфа: «Китап», 1996. С. 94; Рахматуллина З.Я. Башкирский национальный дух (социально-философский очерк). С. 19-28; Сальманов А.С. Специфика этногенеза тюркских народов Евразии: формирование башкирского племенного объединения табын. – Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2022. С. 180-181, 252-266 и др.
3. См.: Башкиры /отв. ред. Р.Г. Кузеев, Е.С. Данилко; Ин-т этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН; Ин-т истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. С. 5.
4. См. об этом подробнее: Бикбулатов Н.В., Юсупов Р.М., Шитова С.Н., Фатыхова Ф.Ф. Башкиры: Этническая история и традиционная культура. – Уфа: Научное издательство «Башкирская энциклопедия», 2002. С. 9-10; История башкирского народа: в 7 т. Т. 2 / гл.ред. М.М. Кульшарипов; Ин-т истории, языка и литературы УНЦ РАН. – Уфа: Гилем, 2012. С. 212-213.
5. Рахматуллина З.Я. Башкирский национальный дух (социально-философский очерк). С. 6.
6. См.: Башкирское народное творчество. Т. 2. Предания и легенды. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1987. С. 173-179.
7. История башкирского народа: в 7 т. Т. 2. С. 44-49.
8. Башкиры /отв. ред. Р.Г. Кузеев, Е.С. Данилко; Ин-т этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН; Ин-т истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. С. 7.

9. В хозяйстве башкир X-XVI веков земледелие не играло существенной роли, хотя, как и многим кочевникам Великой степи, им издавна была знакома культура проса и ячменя. В фольклорных эпических произведениях земледелие как отрасль хозяйства не упоминается, за исключением воспоминаний Тандысы, главной героини эпоса «Конгур-буга» (см.: Башкирское народное творчество. Т. 1. Эпос. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1987. С. 216).
10. История башкирского народа: в 7 т. Т. 2. С. 213.
11. См.: Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, вероисповедований и прочих достопримечательностей. Ч. 1-2. – СПб., 1799; Лепехин И.И. Продолжение дневных записок путешествия академика и медицины доктора Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1770 г. – СПб., 1802; Паллас П.С. Указ. соч.; Рычков Н.П. Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 году. – СПб., 1770; Фальк И.П. Провинция Уфимская // Полное собрание ученых путешествий по России. Т. 6. – СПб., 1824. С. 255-267.
12. См.: Арнольдов В.А. Санитарно-бытовой очерк жизни башкир юго-восточной части Стерлитамакского уезда, Уфимской губернии // Общество врачей. Казан. ун-т: Дневник. Вып. 4. – Казань, 1894. С. 227-244; Казанцев И. Описание башкирцев. – СПб., 1866; Малахов М.В. Башкиры // Записки Уральского общества любителей естествознания. Т. XI. Вып. I. – Екатеринбург, 1887. С. 75-84; Малиев Н. Антропологический очерк башкир. Публичная лекция // Труды общества естествоиспытателей при Императорском Казан. ун-те. Т. 5. Вып. 5. – Казань, 1876; Назаров П. Башкиры // Семенов Д. Отечествоведение. – СПб., 1886. С. 173-185; Никольский Д.П. Башкиры: Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. – СПб., 1899; Рыбаков С.Г. Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта. – СПб., 1897; Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. – Уфа, 1859; Юдин П.Л. Башкиры (Бытовой очерк) // Оренбургские губернские ведомости. 1890. № 34-37 и др.
13. Рахматуллина З.Я. Башкирский национальный дух (социально-философский очерк). С. 8.
14. См.: Круковский М.А. Южный Урал. Путевые очерки. – М., 1909; Никольский Н.В. Конспект по истории народностей Повол-

жья. – Казань, 1919; Плисецкий М. Башкиры. – М., 1929; Соколов Д.Н. О башкирских тамгах. – Оренбург, 1904; Он же. Оренбургская губерния. – М., 1916 и др.
15. См. об этом подробнее: Киреев А.Х. Башкирское народное устно-поэтическое творчество. Учебное пособие (на башк. языке). – Уфа: Изд. Башкирского госуниверситета, 1982. С. 13-16; Фольклор народов Башкортостана: энциклопедия /Государственное автономное учреждение науки Республики Башкортостан «Башкирская энциклопедия»; научно-редакционная коллегия: Ф.А. Надршина (главный редактор), У.Г. Саитов (ответственный редактор) (и др.); перевод на английский язык: ООО «Центр межкультурного сотрудничества». – Уфа: Башкирская энциклопедия, 2020. С. 14-17.
16. Фольклор народов Башкортостана: энциклопедия / Государственное автономное учреждение науки Республики Башкортостан «Башкирская энциклопедия»; научно-редакционная коллегия: Ф.А. Надршина (главный редактор), У.Г. Саитов (ответственный редактор) (и др.); перевод на английский язык: ООО «Центр межкультурного сотрудничества». С. 8.
17. Хусаинова Г.Р. Башкирская фольклористика: история и современность // Известия Уфимского научного центра РАН. 2022. № 2. С. 50-55.
18. См., например: Галин С.А. Башкирский фольклор. Учебное пособие для студентов вузов, педучилищ и учителей средних школ (на башк. яз.). – Пермь, 1975. С. 95-217; Киреев А.Х. Указ. соч.; Галин С.А. Народной мудрости источник. Башкирский фольклор: толковый словарь. Учебное пособие (на башк. яз.). – Уфа: «Китап», 1993; Хусаинова Г.Р. Поэтика башкирских народных волшебных сказок. Формулы красоты в сравнительном освещении и сохраняемость сказки во времени. – М.: Наука, 2000; Баимов Б.С. Башкирские народные такмаки. – Уфа: Аэрокосмос и ноосфера, 2001; Султангареева Р.А. Жизнь человека в обряде. – Уфа: Гилем, 2005; Надршина Ф.А. Память народная (исторические корни и жанровые особенности башкирских народных преданий и легенд (на башк. языке) (монография). – Уфа: Гилем, 2006; Юлдыбаева Г.В. Сюжет и стиль эпоса «Урал-батыр» (на башк. языке). – Уфа: Гилем, 2007; Сулейманов А.М. Башкирский фольклор (Методическое руководство по сбору образцов народного творчества). – Уфа: Вагант, 2010; Султангареева Р.А. Танцевальный фольклор башкир. – Уфа: Гилем, 2013; Хусаинова Г.Р. Башкирские волшебные сказки: поэтика и текстология. – Уфа: Гилем, Башк. энцикл., 2014; Хакимьянова А.М.,

Султангареева Р.А. Башкирские свадебные песни (текст и практика). – Уфа: Мир печати, 2018; Хакимьянова А.М. Лирические песни башкир: Поэтика. Концептосфера. – Уфа: Китап, 2019; Фольклор народов Башкортостана: энциклопедия /Государственное автономное учреждение науки Республики Башкортостан «Башкирская энциклопедия»; научно-редакционная коллегия: Ф.А. Надршина (главный редактор), У.Г. Саитов (ответственный редактор) (и др.); перевод на английский язык: ООО «Центр межкультурного сотрудничества». – Уфа: Башкирская энциклопедия, 2020. С. 8 и др.

19. Султангареева Р.А. Башкирский фольклор: семантика, функции и традиции: Т.1: Миф. Обряд. Танец. Сказительство. Шаманский, религиозный, музыкальный фольклор. Современные традиции. – Уфа: Башк. энцикл., 2018. С. 5.

20. Приведенные в исследовании пословицы см.: Башкирское народное творчество. Т. 7. Пословицы, поговорки. Приметы. Загадки. – Уфа: Китап, 1993. С. 23-222.

21. См.: Бикбулатов Н.В., Юсупов Р.М., Шитова С.Н., Фатыхова Ф.Ф. Указ. соч.; Бигнова М.Р., Рахматуллина З.Я. Религиозное образование в современной России: социально-философский очерк (на примере ислама и православия). – Уфа: РИЦ БашГУ, 2017; Валеев Д.Ж. Нравственная культура башкирского народа: прошлое и настоящее. – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1989; Он же. Национальный суверенитет и национальное возрождение. – Уфа: Китап, 1993; Валиуллина З.Р., Рахматуллина З.Я. Экологическая традиция башкир (социально-философский очерк). Монография. – Уфа: РИО БашГУ, 2006; Давлеткулов А.Х. Проблемы художественно-эстетического осмысления истории этноса в башкирском эпосе (Опыт социально-философского анализа). – Уфа: Башгоспединститут. РИО «Иммунопрепарат», 1998; Зайлалов И.И., Рахматуллина З.Я. Функционирование башкирской культуры в многонациональном обществе. – Октябрьский: ГУП РБ «ОГТ», 2007; Иткулова Л.А. Мировоззрение башкирского этноса: философско-антропологический анализ: монография. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2021; Кузбеков Ф.Т. История культуры башкир. – Уфа: Китап, 1997; Макаева Г. З. Влияние ислама на башкирскую культуру: Монография. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2010; Рахматуллина З.Н. Менталитет башкир: сущность, характеристики. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2007; Рахматуллина З.Я. Моральный облик – лицо нации (на башк. яз.). – Уфа: Китап, 1998; Она же. Башкирская традиция (социально-философский анализ). – Уфа: Изд-во БашГУ, 2000; Она же. Башкирский национальный дух (социально-

философский очерк); Она же. Этикет как ценность культуры. – Уфа: Издательство «Гилем», 2004; Она же. Мир держится на культуре: философское осмысление: монография; Рахматуллина З.Я., Фаткуллина А.Я. Человеческий мир: этическое измерение. Монография. – Уфа: РИО БашГУ, 2005; Рахматуллина З.Я., Якупов М.Т. Социальные аспекты ислама: развитие просвещения и гражданской активности народов Поволжья и Приуралья. – Уфа: РУНМЦ, 2004; Фаткуллина А.Я. Смысложизненные ценности в башкирской мифологии. – Уфа: РИО БашГУ, 2004; Шарапова И.Р. Башкирские народные праздники как социокультурный феномен. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2011 и др.

22. См.: История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. С. 165-166; Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. – Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 1999. С. 25.
23. Иткулова Л.А. Указ. соч. С. 199.
24. Башкирия в русской литературе. В 6 томах. Т. 2. – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1990. С. 130.
25. Рыбаков С.Г. Указ. соч. С. 38.
26. Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т. 8. Среднее Поволжье и Приуральский край. Часть 2. Приуральский край. – М., 1901. С. 57.
27. Иткулова Л.А. Указ. соч. С. 118.
28. См.: Башкирия в русской литературе. В 6 томах. Т. 3. – Уфа: Башкирское издательство «Китап», 1993. С. 201-207.
29. См., например: Рахматуллина З.Я. Национальный костюм: философия, идеология и эстетика // Национальный костюм: из прошлого в будущее. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (19 мая 2016, г. Учалы). – Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. С. 3-6.
30. Башкирское народное творчество. Т. 1. Эпос. С. 125.
31. Рахматуллина З.Я. Башкирская традиция (социально-философский анализ). С.139-140.
32. См.: Илимбетова А.Ф., Илимбетов Ф.Ф. Культ животных в мифоритуальной традиции башкир. – Уфа: Гилем, 2012.
33. Паллас П.С. Указ. соч. С. 95-96.
34. Башкирское народное творчество. Т. I. Эпос. С. 192.
35. История башкирского народа: в 7 т. Т. 3 / гл. ред. М.М. Кульшарипов; Ин-т истории, языка и литературы УНЦ РАН. – Уфа: Гилем, 2011. С. 275-280.

36. Башкирия в русской литературе. В 6 томах. Т. 1. – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1989. С. 50.
37. См.: Бердяев Н.А. Смысл истории. – М.: Мысль, 1990. С. 117.
38. Черемшанский В.М. Указ. соч. С. 138.
39. Плетнева С.А. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. – М.: Наука, 1982. С. 151.
40. Рахматуллина З.Я. Башкирский национальный дух (социально-философский очерк). С.20.
41. Круковский М.А. Указ. соч. С. 60-62.
42. Материалы по истории казахских ханств XV-XVIII веков (Извлечения из персидских и тюркских сочинений) / сост. С.К. Ибрагимов, Н.Н. Мингулов, К.А. Пищулина, В.П. Юдин. – Алма-Ата: «Наука», 1969. С. 226.
43. Башкирское народное творчество. Т. 5. Бытовые сказки. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1990. С. 290.
44. Там же. С. 288-289, 293-294, 307-309.
45. Там же. С. 293.
46. Там же. С. 393-394.
47. Рыбаков С.Г. Указ. соч. С. 32.
48. де Бай И.А. От Волги до Иртыша / Пер. М.М. Дмитриевой. – Екатеринбург, 1897. С. 20.
49. Малиев Н. Указ. соч. С. 28.
50. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 5. Урал и Приуралье. – СПб., 1914. С. 185.
51. См.: Хусаинова Г.Р. Башкирские волшебные сказки: поэтика и текстология. С.151.
52. Башкирское народное творчество. Т. 1. Эпос. С. 124-125.
53. Там же. С. 329.
54. Там же. С.330.
55. Башкирия в русской литературе. В 6 томах. Т. 3. С. 248.
56. Назаров П. Указ. соч. С. 183.
57. Рахматуллина З.Я. Башкирский национальный дух (социально-философский очерк). С.27.
58. См.: Башкирия в русской литературе. В 6 томах. Т. 1. С. 409-410.
59. Башкирское народное творчество. Т. 8. Песни (дооктябрьский период). – Уфа: Башк. изд-во «Китап», 1995. С. 63.
60. Никольский Д.П. Указ. соч. С. 141.
61. В историографии нет единой точки зрения о характере этого исторического события. Историки В.Н. Витевский, П.Ф. Иериков, А.П. Чулошников, а также в зарубежной историографии

(А. Донелли) писали о завоевании Башкирии Россией. Более объективной и исторически достоверной представляется концепция русских ученых П.И. Рычкова, В.Н. Татищева и современных исследователей И.Г. Акманова, А.З. Асфандиярова, А.Н. Усманова и др. о добровольном вхождении башкир в состав России.
62. Как пишет Р.Г. Кузеев, башкирское общество накануне вхождения его в состав Российского государства (XVI век) «можно характеризовать как многоукладное; господствующие позиции принадлежали в нем феодальным отношениям; в то же время это было общество, отягощенное реальными атрибутами патриархально-общинных отношений» (Кузеев Р.Г. Указ. соч. С. 502).
63. См. об этом подробнее: Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII – начала XVIII вв. – Уфа: Китап, 1993. С. 90-220; История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. С. 205-220, 231-248, 251-261, 297-333, 417-437.
64. Никольский Д.П. Указ. соч. С. 100.
65. Круковский М.А. Указ. соч. С.38.
66. Филоненко В.И. Башкиры. – Уфа: Электр. типо-лит. Ф.Г. Соловьева, 1915. С. 65.
67. Малахов М. В. Указ. соч. С. 77.
68. Башкирия в русской литературе. В 6 томах. Т. 2. С. 207.
69. Там же. С. 253.
70. См. об этом подробнее: Вильданов А.Х., Кунафин Г.С. Башкирские просветители-демократы XIX века. – М.: Наука, 1981.
71. Мифтахетдин и Мухаметсалим: наследие великих просветителей Башкортостана. – Уфа: Инеш, 2016. С. 61.
72. Там же. С. 24-25.
73. Там же. С. 25-26.
74. Круковский М.А. Указ. соч. С. 33.
75. Рахматуллина З.Я. Башкирский национальный дух (социально-философский очерк). С. 35-36.
76. Там же. С. 36.
77. Карим М. 100 стихотворений / Пер. с башк. – Уфа: Инеш, 2019. С.45-46.
78. Нарочницкая Н. Осознать свою миссию // Наш современник. 1993. № 2. С. 67.

Глава 3. Влияние ислама на ценностные ориентиры башкирского народа

Большое влияние на дальнейшее становление традиционных ценностей башкир оказал ислам, который сыграл значительную роль в закреплении многих, уже существующих аксиологических установок и смыслов и в формировании новых. Наиболее ранние свидетельства о связях башкирского края с исламским миром относятся к VIII-IX векам, а в конце XIV века ислам уже становится господствующим религиозным сознанием. Основную роль в первоначальной исламизации башкир сыграли миссионерство и торгово-экономические связи с миром ислама, прежде всего с Булгарией. По мере утверждения на ее территории мусульманства под его влияние стала постепенно подпадать и Западная Башкирия, входившая в состав Булгарского царства, что нашло отражение в фольклорных источниках (1). В частности, в древнем предании о больной дочери хана и ее исцелении упоминается о том, что после принятия булгарами новой религии табибов, посланных для лечения больной девушки, стали называть святыми-аулиями. Они направили своих учеников-табигинов к башкирам, и ислам таким образом распространился среди башкир в долинах Агидели, Демы, Ика, Танып. Табигинов же, которые принесли башкирам ислам, стали почитать как святых (2).

Ислам принес башкирам образование и письменность на основе арабской графики, стал цивилизационным выбором, изменившим духовный мир и область веры и переформатировавшим организацию религиозно-нравственных, семейно-брачных, межличностных отношений и быта. Шариат (система категорических требований, определяющих ценностные ориентации, убеждения, совесть, ответственность мусульманина) наложил жесткие табу на все то, что могло угрожать умственному и физическому здоровью человека, на его духовный мир и нравственное формирование: табак, алкоголь, наркотики, азартные игры и др. Ислам категорически осудил самоубийство, человеческие пороки (воровство, обман, прелюбодеяние и др.), крайний аскетизм в посюстороннем мире и самоотречение, приветствовал дух умеренности и правильное, в меру, без излишеств и крайностей, пользование всеми благами и радостями жизни.

Если христианская культура и антропология теоцентричны и исходят из посыла о человеке как образе и подобии Бога и вочеловечении Бога, то исламская идея Бога (Аллаха как бога истины, справедливости и милосердия, творца сущего и покровителя человека) не содержит идеи богоподобия человека. Человеку отводится довольно скромное положение в мироздании и четко очерчивается мир его должных ценностей, пространство его позитивного и нравственно ответственного (богоугодного) поведения и отношения к окружающей действительности и людям. «Ислам повелевает быть милосердным и доброжелательным к каждому мусульманину, к каждому человеческому существу и даже ко всякому животному, – отмечал Р.Ф. Фахретдинов в своей известной работе «Ислам». – Доброжелательность ко всякому человеку, самопожертвование в целях общего блага, ревностное отношение к добрым делам ставятся Исламом выше всего» (3).

Положение человека всецело определяется волей Аллаха, который категорически запрещает удовлетворение желаний одного за счет другого (других). Мусульманин не имеет права зарабатывать деньги или приумножать свое благосостояние, основываясь на бесчестии, обмане, мошенничестве, взяточничестве, разбое, создании искусственного дефицита или же на всевозможных махинациях с алкоголем, игорным бизнесом, сексуальной распущенностью и безнравственностью (4). Коран осуждает воровство, попрошайничество, «черный рынок», обязывает каждого, кто «владеет золотом и серебром», раздавать часть своих доходов и имущества нищим и бедствующим единоверцам в виде милостыни (закят). Более того, Мухаммад расширил понятие милостыни и включил в него практику добрых дел и поступков, продиктованных любовью к ближнему. Милостыня – не только деньги и материальные ценности, но и нужный и важный совет, гуманный поступок, доброе слово, внимание, сочувствие в горе, акт сострадания, любая помощь и посильные услуги. Каждое доброе дело есть дело милосердия. Человечность, доброта, отзывчивость, щедрость души – подлинные добродетели мусульманина. «Тот не мусульманин, – учит исламская традиция, – кто не подкрепляет веру постоянной практикой добрых дел» (5).

Исламская культура обозначила конкретные ценностные императивы, обязательные для истинного правоверного: быть правдивым, справедливым, благородным, целомудренным, обуздывать

свои страсти, быть скромным, не осуждать в других их недостатки, беречь окружающий его природный мир и т. д. Более того, ислам, как известно, не только провозгласил самоценность природы как творения Аллаха, но и определил конкретные правила поведения человека в ней. В Коране, в частности, говорится, что Бог назначил сотворенных им людей своими преемниками, наместниками на земле, вменив им в обязанность заботиться о ней и разумно использовать ее богатства.

Делом, недостойным имени человека, считаются жестокость и проявление негуманного отношения к животным, обитающим рядом, бессмысленное их истребление (ради тщеславия или развлечения), травля, облава на животных, забой недозволенным способом (харам) и т. д. Табу на причинение бессмысленного вреда относится не только к животному, но и к растительному миру и ко всем видам ресурсов (минеральным, водным и т. д.). И даже одно из ключевых понятий в исламе «джихад», которое сегодня целенаправленно узко трактуется ориенталистами и некоторыми политиками только как «священная война против неверных» и сводится к вечной и обязательной вооруженной борьбе мусульман против иноверных, имеет глубокое гуманистическое наполнение и значение духовной борьбы с собственными недостатками и пороками. Джихад – это борьба против зла в любых его проявлениях и модификациях (и социального, и морального зла), против низменных страстей, скверны, малодушия и равнодушия. Это внутреннее самосовершенствование на пути к Аллаху, а участник джихада (моджахед) является, в первую очередь, мудрым учителем, добрым воспитателем, справедливым священнослужителем, призывающим к добру и справедливости. Моджахеды – это и родители, воспитывающие своих детей по канонам исламского вероучения, а не только воины-каратели, как сегодня пытаются интерпретировать данное понятие некоторые идеологи и представители определенных политических кругов (6).

Ислам тотален: все сферы человеческой жизнедеятельности: от семьи и быта до науки, производства, предпринимательства, финансов и др. – становятся сакральными и угодными Аллаху. Ислам становится смыслом и ценностным ориентиром бытия индивида в арабо-тюркско-исламском культурном мире. Сила каждого народа, принявшего мусульманство, заключается в том, что ислам приобретает сакральную ценность, освященную именем Аллаха и обеспечи-

вающую людям одухотворенное, истинное, подлинное гарантированное и безопасное бытие. Долг мусульманина – быть верным ценностным установкам, канонам, смыслам и требованиям исламской религии.

Исламские ценности призваны направить жизнь правоверных в сторону ее этического упорядочения. Вера для башкир – не свод догматических формул и канонов, а состояние души, светлые и добрые помыслы. Нормы религии стали упорядочением всех жизненных проявлений, которое свело практическое поведение к определенному образу жизни. Башкиры воспринимали эти нормы как послушание в качестве своего морального долга – подчинения указаниям надмирного этического Бога (Аллаха).

Исламские ценности и требования, относящиеся к поведению, организации быта, воспитанию детей, к ритуально-церемониальной практике, правовым канонам и этическим нормам, вошли в ядро национальной башкирской культуры. Многие позиции, в частности «немещанского духа» ислама, были созвучны изначальным ценностным ориентирам башкир:

– провозглашение социально-религиозных гарантий справедливости для всех членов мусульманской общины (уммы): например, запрещение рибы (ростовщичества) – одной из ключевых опор современной рыночной экономики, которая в значительной мере основывается на спекулятивном банковско-финансовом капитале; закят обычно предназначается для малоимущих, нуждающихся и бедных и т. д.;

– коллективизм, солидарность людей друг с другом, готовность помочь тому, кто оказался в беде или нуждается в помощи и поддержке. Общинный образ жизни, имеющий исторические традиции в национальном бытии, в дальнейшем осознавался башкирами-мусульманами в рамках исламского понятия «такафуль» (богоугодное сотрудничество в процессе труда, в общем деле), сыгравшего значительную роль в религиозно-сакральной рефлексии и легитимизации существовавших традиций совместного, коллективного труда. Ценности ислама, провозглашавшие равенство, справедливость и сплоченность всех правоверных в «общем деле», освящали социально-психологическую основу хозяйственного и бытового кооперирования и дружного коллективного труда. Власть и авторитет уммы, религиозной общины распространяются тоталь-

но на все формы и случаи жизни мусульманина в обществе и государстве;

– строгий моральный стандарт в повседневной жизни (7).

Эти установки были реальными и выполнимыми. В Коране подчеркивается, что от человека не требуется ничего «сверхъестественного»: «Не возлагает Аллах на душу ничего, кроме возможного для нее». Ислам потребовал от башкира обычной, нормальной, но ценностно нагруженной и облагороженной истинной верой жизни.

Влияние ислама на аксиосферу башкир было противоречивым. С одной стороны, этика ислама, элементы социальных гарантий для правоверных, идеи солидарности и взаимопомощи, строгие нравственные требования и т. д. оказались по душе башкиру-язычнику, созвучны его смысложизненным ориентациям и культурным потребностям. С другой стороны, встреча ислама с достаточно развитой к IX-X векам башкирской политеистической системой верований способствовала тому, что образовался некий синкретизм языческо-исламских верований и культа, который в религиозной и светской литературе обычно называют «двоеверием» (Феодосий Печорский). У ислама было заимствовано то, в чем была ценностная, культурная и социальная потребность. «Этнографический башкирский ислам» (8), ставший своеобразным духовным симбиозом мусульманских истин и языческих верований, сохранил многие базовые ценности башкир и был «делом» их чистой совести. В частности, принятие новой религии в целом не изменило традиционного отношения к башкирской женщине (хотя и закрепило многие моменты неравноправного положения женщины по сравнению с мужчиной, характерного для жизни мусульманок в странах классического ислама), и можно говорить о сохранении относительной свободы башкирской женщины в силу ряда исторических фактов. Даже многоженство (полигамия), разрешенное в исламе, в башкирском обществе не стало массовой и устойчивой традицией за исключением объективных причин, позволяющих привести в дом другую женщину (например, при наличии бесплодия, тяжелой болезни, физического увечья жены и др.). Институт многоженства достаточно часто практиковался у полукочевых башкир в прошлом в неразделенных (больших) семьях, состоящих из нескольких супружеских пар с детьми разных поколений (9). Как известно, в соответствии с канонами шариата мужчина-многоженец (*«Мужской*

обычай – до трех») был обязан соблюдать принцип справедливости по отношению ко всем супругам (равновеликое внимание, обеспечение каждой жены всем необходимым и др.), что для большинства башкир было практически неподъемным условием. В народном сознании укоренилось достаточно противоречивое отношение к многоженству, тем более к неоправданному, зачастую продиктованному тщеславием, демонстрацией своей состоятельности и иными субъективными причинами. Паремическое творчество сохранило пословицы-предупреждения, адресованные желающим обзавестись еще одной (как правило, молодой) женой, особенно если полигамия для них запретна или только формально допустима. Вот чем может обернуться для семьи, домочадцев и устоявшегося быта подобное желание: *«Драчун собирает сукмары-булавы, глупец – жен», «В доме, где много соперниц, каждый день ссоры», «Младшая из жен – чужая жена», «У взявшего двух жен – раздоры в доме; у взявшего вздорную жену – война в доме», «У имеющего двух лошадей ноги не будут знать покоя, у имеющего двух жен уши не будут знать покоя», «У того, кто имеет двух коров, есть айран; у того, кто имеет двух жен, – ругань да брань».*

Парный брак как союз любящих друг друга супругов: мужа, отца семейства, и жены, хранительницы домашнего очага, – составлял основу большинства традиционных семей в прошлом. *«Довольный одной женщиной – на всю жизнь счастлив; ищущий других женщин – жену потеряв, горюет»* – говорили в народе. *«Пусть дни и месяцы будут общими, пусть только муж не будет общим»* – это уже философия отношения башкирской женщины к многоженству. Периодические обсуждения в новейшей истории Башкортостана темы о необходимости возрождения института полигамии и предложения некоторых активистов башкирской общественности узаконить многоженство не получили поддержки в массовом сознании.

«Этнографический башкирский ислам» сложился в результате взаимодействия трех сил: мусульманской веры, принесенной миссионерами, башкирского язычества («примитивной» и «архаической» религий (Р. Белла)), встретившего эту веру, и башкирского менталитета, который принял ислам и переработал его в своем духе. Новая религия была воспринята башкирами сквозь призму собственной системы жизненных ценностей: не все в исламском миропонимании и мироотношении было подходящим и привлекательным

для людей, на протяжении веков живших в дружбе и согласии со своими языческими божествами и духами. Как известно, переход от политеизма к единобожию (как подчеркивал еще Д. Юм) имеет как положительные, так и негативные стороны. Бог в монотеистической религии бесконечно превосходит человека, даже способен повергнуть его дух в состояние крайней угнетенности и приниженности. Если язычество обеспечивает сообществу свободное обращение с богами и веротерпимость, то авторитарность при монотеизме закономерно обусловливает и определенную нетерпимость к иной вере.

Принятие ислама, безусловно, повлияло на некоторые ментальные характеристики башкир в соответствии с духом новой религии, которая захватила все слои общества, но не всего человека. Этим и объясняются весьма поверхностная (формально-ритуальная) исламизация башкир, религиозная наивность и неосведомленность в элементарных идеях исламской онтологии и гносеологии, ограниченная (социально-утилитарная) интерпретация основ вероучения, приводившая впоследствии в удивление исследователей края. Можно присоединиться к предположениям, высказанным в литературе: «В сущности башкиры были плохими последователями ислама. Такие явления, как газават, массовый хадж неизвестны башкирам. Они в основном усвоили лишь внешнюю, формальную сторону ислама, т. е. обрядовую. Меньше всего их интересовала содержательная сторона. Малочисленны и мусульмане из башкир, которые совершали бы пятикратный ежедневный намаз и выполняли бы усердно все требования ислама. Еще Фейербах подчеркивал, что на практике все люди – атеисты: своими делами, своим поведением они опровергают свою веру» (10).

В 100 хадисе Сунны имама ан-Навави Мухаммад различал «сильного верующего» и «слабого верующего», правда, полагая, что и последний может творить благо и добро в жизни (11). Ислам стал своеобразным общественно-нормативным механизмом регуляции социальной жизни и формирования особого типа башкира-мусульманина, «двоеверца», «слабого верующего» с большими пережитками языческих, магическо-мифологических представлений, усвоившего в основном феноменологическую сторону новой религии. В башкирском исламе нет той изначальной агрессивности по отношению к инакомыслящим, которая характеризовала ортодоксальный (арабский) ислам. Он отличается гибкостью и веротерпимо-

стью, обусловленной идеей о том, что не упор на правильную веру, формальное соблюдение норм Корана, а конкретная практика добрых дел, нравственная жизнь есть подлинный критерий богоугодного поведения и образа жизни истинного верующего (12). Оценивая в целом значение ислама в жизни башкир, можно согласиться с мнением Н.В. Бикбулатова, что, с одной стороны, единобожие, общая религиозно-этическая и письменно-литературная культура способствовали консолидации народа, преемственности знаний и хозяйственно-культурного опыта и, с другой стороны, наличие такой религиозно-этической системы, как ислам, обусловило, в отличие от многих языческих народов Урало-Поволжья, сохранение национально-религиозной самобытности башкирского этноса (13).

Сегодня Башкортостан – поликонфессиональная республика, которая продолжает вековые духовные традиции мирного со-бытия народов, культивирует ценности и духовные смыслы традиционного ислама, оберегает святыни христианства и других традиционных для региона верований и наглядно демонстрирует на практике реализацию идеи диалога культур и религий, каноны веротерпимости (уходящие корнями еще в далекую культурную историю) как основу современной успешности, стабильности и поступательного развития. На территории республики ведущими религиями являются ислам суннитского толка (около 70% от общего количества религиозных организаций), православное христианство (более 20 %), есть последователи протестантской веры, иудаизма, языческих культов и др.

В современной геополитической ситуации традиционные религии России и Башкортостана с их выработанными веками богатой и своеобразной системой религиозных ценностей, с развитой эмоциональной и эстетической сферой, с жизненно важными этическими кодексами, моральными заповедями играют особую духосозидающую и конструктивную роль. Противоречивая судьба религии в новой и новейшей истории отечественной культуры и актуализация религиозных ценностей в современных условиях, действительно, – имеющие место в массовом и личностном сознании ценностные и культурные реалии. Светская страна, в которой религия отделена от государства и в которой совсем недавно господствовал научный атеизм, демонстрирует открытость и готовность к религиозному диалогу, лояльное отношение к вере, религиозным организациям, верующему человеку. Востребованность религии как духоформи-

рующего фактора, рост авторитета подвижников, распространение религиозного образования объясняется и тем, что духовное пространство страны в последние десятилетия стало мировоззренческим полем для «триумфального шествия» различных околорелигиозных учений. Наступление на массовое сознание колдовства и мистики (строго осуждаемых, в частности, православием и исламом), стремительный рост так называемых новых религиозных движений и многочисленных сект, размывающих гуманистические ценности традиционных религий и угрожающих духовному и физическому здоровью подрастающих поколений, стали серьезной социальной и духовной проблемой. В этих условиях миротворческая, духоформирующая и культуросберегающая роль традиционных религий (православия, ислама и др.) и их духовных лидеров, безусловно, приобретает особое измерение и значимость для обеспечения духовной безопасности современного российского общества, укрепления семейных ценностей и института брака, культивирования межэтнического согласия в условиях многонационального и поликонфессионального региона, как, например, Башкортостан. Более две трети населения республики исповедуют сегодня традиционный ислам.

Центральное духовное управление мусульман Российской Федерации, официальные органы которого находятся в Уфе, возглавляет шейх-уль-ислам Талгат Таджуддин, верховный муфтий России, который известен сегодня как активный подвижник развития мусульманской культуры и образования и в республике, и в стране, как инициатор проведения многочисленных миростроительных и благотворительных акций. Мусульманская умма Башкортостана во главе со своим духовным лидером вносит свою многогранную и достойную лепту в возрождение духовности, культивирование мира и согласия (этнокультурного, гражданского, религиозного) в межличностном и межэтническом общении, в воспитание подрастающего поколения и сохранение взаимопонимания между народами на многонациональной башкортостанской земле.

Действительно, ислам и исламская этика сегодня становятся органической частью духовной жизни и общества, и индивида. Как известно, являясь не просто миропониманием и мироощущением, а особой социальной деятельностью, организацией определенного способа жизни и поведения, ислам представляет собой специфиче-

скую «науку жизни» и дает особое (преломляющееся через идею Аллаха) решение мировоззренческих, эстетических и этических проблем – проблем истины и заблуждений, красоты и безобразного, добра и зла, жизни и смерти, любви и ненависти, милосердия и сострадания. Сегодняшний авторитет ислама обусловлен в первую очередь тем, что он активно противостоит современной бездуховности, аморализму и равнодушию, пьянству, табакокурению, употреблению психотропных и иных опасных для здоровья человека веществ, пропагандирует здоровый образ жизни. Традиционный ислам удовлетворяет потребности человека в разрешении фундаментальных духовно-нравственных и художественно-эстетических вопросов, потребности в востребованном молодыми башкирами религиозном образовании. Духовные лидеры развенчивают попытки экстремистов и фундаменталистов использовать «знамена веры» в своих разрушительных идеологических целях, активно возрождают и культивируют в массовом сознании народные традиции трезвости, ведут просветительскую и воспитательную работу.

Немаловажную роль в сегодняшнем религиозном ренессансе сыграли и метаморфозы в судьбе религии в советский период отечественной истории. Как известно, идеи свободомыслия «имеют в культуре (и зарубежной, и отечественной) такие же глубокие исторические корни, как и религия, возникли еще в древности и продолжают жить сегодня во всем мире. Об этом свидетельствует существование авторитетных организаций, наследовавших вековые традиции свободомыслия и атеизма. Существует, как известно, Международный гуманистический и этический союз (МГЭС) – крупнейшее международное объединение секуляристов, неверующих и авторитетных организаций, занимающихся культивированием и пропагандой идей этизма, гуманизма, свободомыслия, атеизма, рационализма светского общества и содействующих развитию и становлению нетеистической морали. В настоящее время МГЭС объединяет около 120 организаций почти в 40 странах и наглядно демонстрирует широту и жизнеспособность антиклерикальных традиций и идей свободомыслия и атеизма в современной культуре» (14).

Отечественная культура сегодня освобождается от догм и устоявшихся негативных стереотипов по отношению к религии, верующему человеку, религиозным организациям. Более того, в поправках в Конституцию страны (2020, ст. 67) упоминается вера в

Бога, подчеркивающая необходимость учета (при реализации государственной политики светского государства) той огромной ценностно-ориентированной и духоформирующей социально-культурной роли, которую религиозная составляющая (независимо от конфессиональной принадлежности) играла и сегодня играет в становлении, развитии, укреплении российской государственности и духовно-нравственных ценностей народов России. Тем не менее свобода вероисповедания как принцип мировоззренческой ориентации остается актуальным в современном обществе: каждому должно быть гарантировано не только право на свободу совести, но и право на истину. Без сомнения, и религия, и свободомыслие – это «сферы свободного морального и мировоззренческого выбора каждого, и религия, и свободолюбие имеют равновеликое этическое право на существование в мире современной мировоззренческой мозаичности. Сегодня в обществе наметились откровенные попытки целенаправленного культивирования в массовом российском сознании (в молодежном в том числе) религии как безусловной ценности, стремление к абсолютизации ее духовных возможностей, активно поддерживаемые некоторыми представителями культуры, педагогического сообщества, родительской общественности и определенных политических кругов. Утверждения о неразрывном единстве веры в бога и подлинной духовности, с одной стороны, и незаслуженные обвинения свободомыслия и атеизма в аморализме, что имеет место, – с другой, к сожалению, уводят в сторону от анализа действительных политических, экономических и социальных причин наступления современной антикультуры, бездуховности и безнравственности, заменяют истину заблуждениями и не могут стать ключом к разрешению сложнейших общественных и личностных проблем» (15). В то же время следует отметить, что к сохранению и укреплению отечественных духовно-нравственных ценностей и религия (религиозная культура), и нерелигиозное мировоззрение (светская культура) имеют самое непосредственное отношение.

Современное общество удивительно мозаично: в нем многие вещи и явления стоят по ту сторону добра и зла, истины и заблуждений, красоты и безобразного. Участились случаи публичного унижения религиозных церемоний и обрядов, оскорбления верующих, роста актов религиозного вандализма, искусственного возбуждения антирелигиозных настроений. Целенаправленная дискреди-

тация традиционных религиозных ценностей, осквернение объектов культового почитания, приобщение молодежи к «ложным идолам» и сомнительных сект – это «антинорма». Она активно входит в современную жизнь многих государств, в том числе и нашей страны, и требует действенных решений во избежание негативных последствий и человеческих жертв. Неслучайно одним из резонансных и вызвавших недовольство приверженцев либеральных позиций и подвижников различных волонтерских организаций (как в стране, так и в мире) стал принятый Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации закон об усилении ответственности за оскорбление религиозных чувств человека (16).

Верующие и неверующие – равновеликие граждане единой страны, а межконфессиональный мир – это хрупкая, нуждающаяся в особой заботе ценностная субстанция, духовная почва национального согласия и единения в многонациональном и поликонфессиональном обществе, и никто не имеет права бесцеремонно и безнаказанно унижать другого по религиозному признаку. Этим опасным явлениям и лжеценностям новоявленных миссионеров единым фронтом активно противостоят сегодня традиционные религии, которые являются неразрывной частью поликонфессиональной отечественной культуры.

Сегодня не только в некоторых обществоведческих кругах и в теологической апологетике религии, но и в обыденном сознании как рядовых верующих, так и индифферентных к религии людей усиливается тенденция к ценностному и культурологическому оправданию религии как гуманистической традиции, как неразрывной ипостаси отечественной культуры и духовности, как авторитетного духоформирующего и воспитательного начала. Религиозные деятели и идеологи традиционных конфессий активно призывают к межкультурному и межконфессиональному диалогу, гражданскому миру и согласию в многонациональном российском обществе, занимаются организацией качественного религиозного образования (17). Они ведут масштабную воспитательную и просветительскую работу в условиях, когда предпринимаются попытки использовать перефразированные в соответствующем идеологическом или политическом ключе идеи традиционных религиозных учений для оправдания актов религиозного вандализма, для искусственного

нагнетания этнической и религиозной нетерпимости, «взращивания» религиозного экстремизма и фанатизма.

Ориентация на принципы диалогического и творческого общения светской культуры с религиозной, с одной стороны, и традиционных вероисповеданий в поликонфессиональном пространстве современной России и Башкортостана, с другой стороны, заключает в себе огромный конструктивный потенциал для консолидации нации. Сегодня общество много говорит о культуре и духовности, и именно здесь, на этой плоскости, находится точка пересечения сложнейших явлений духовной жизни общества: ценностный мир человека, его настоящее и будущее. В условиях мировоззренческого и духовного плюрализма в современном российском обществе религия и нерелигиозная философия (безрелигиозная этика), светские учреждения и религиозные организации и их идеологи, в пределах своих мировоззренческих позиций и организационных возможностей осмысливая и решая аксиологические проблемы человека, идут к духовности (но разными путями) и вместе противостоят антиценностям, навязываемым современному миру и человеку.

Культурный и религиозный мир Республики Башкортостан, в котором и мусульманские мечети, и православные храмы, и культовые здания других религий призывают людей к совместному мирному событию во имя умножения в современной жизни добра, справедливости и красоты, есть наглядное свидетельство того, что межконфессиональное согласие – это духовная почва гражданского мира, национального единения в обществе, ценность, требующая особой защиты и на государственном, и на законодательном, и на личностном уровнях.

После выступления с пленарным докладом на V Республиканской научно-краеведческой конференции «Религии в Башкортостане: прошлое и современность», которая проходила в Уфе в 1999 году, Талгату Таджуддину был задан вопрос: «Сегодня много говорилось о гуманистических принципах ислама, о джихаде как борьбе за собственное духовное самосовершенствование. Как Вы объясните то, что два мусульманских государства Иран и Ирак в недавнем прошлом вели почти десятилетнюю войну друг с другом, а братья-мусульмане убивали своих единоверцев, невзирая ни на какие принципы ислама?» Ответ Председателя Центрального духовного управления мусульман России был глубоко философским, более

того, не потерял своей актуальности и сегодня: «Учение ислама – это родник чистейшей воды, который нуждается в постоянной заботе и сбережении, и не его вина, что кто-то черпает из него грязным сосудом».

Традиционный ислам оказал огромное духосозидающее влияние на башкирскую социокультуру (18), и сегодня его духовные лидеры делают все возможное, чтобы противостоять ревизии и фальсификации основ своих гуманистических идей и доктрин, выступают против разрушения традиционной религиозной духовности и вносят свою достойную лепту в укрепление традиционных ценностей народов многонациональной России.

Примечания

1. См.: Башкиры /отв. ред. Р.Г. Кузеев, Е.С. Данилко; Ин-т этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН; Ин-т истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. С. 495-496.
2. Башкирское народное творчество. Т. 2. Предания и легенды. С. 163-164.
3. Фахретдинов Р.Ф. Ислам. – Казань: Издательство «Иман», 1997. С. 28.
4. См.: Максуд Р. Ислам /Пер. с англ. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 1998. С. 201.
5. См.: Панова В.Ф., Вахтин Ю.Б. Жизнь Мухаммеда. – М.: Политиздат, 1990. С. 298.
6. Рахматуллина З.Я. Мир держится на культуре: философское осмысление: монография. С. 128-129.
7. См. об этом подробнее: Рахматуллина З.Я. Башкирский национальный дух (социально-философский очерк). С. 11; Аминев З.Г, Ямаева Л.А. «Башкирский ислам»: истоки, эволюция, современное состояние. М.: Изд-во Триумф, 2020.
8. Рахматуллина З.Я. Башкирская традиция (социально-философский анализ). С. 133.
9. См. об этом подробнее: Галиева Ф.Г. Многоженство у башкир как этносоциальное явление в прошлом и настоящем // Вестник Института ИАЭ. 2017. № 4. С. 97-102.
10. Кузбеков Ф.Т. Указ. соч. С. 28.

11. См.: Сады праведных // Наука и религия. 1997. № 11. С. 48.
12. Рахматуллина З.Я. Башкирский национальный дух (социально-философский очерк). С.12-13.
13. См.: Бикбулатов Н.В. Указ. соч. С. 28.
14. Рахматуллина З.Я. Мир держится на культуре: философское осмысление: монография. С. 122.
15. Там же. С. 123-124.
16. Федеральный закон № 136 «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан» от 26.06.2013.
17. См. об этом подробнее: Бигнова М.Р., Рахматуллина З.Я. Указ. соч. С.126-140.
18. См. об этом подробнее: Макаева Г.З. Влияние ислама на башкирскую культуру: монография. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2010.

Глава 4. Ритуально-церемониальный комплекс и «природное мировоззрение» башкир: ценностная составляющая и национальные особенности

Ритуально-церемониальный комплекс башкирского этноса – это исторически сложившийся институт объективации, символического закрепления, сохранения и передачи из поколения в поколение его традиционных ценностей.

Место и роль ритуалов в жизни индивида и общества трудно переоценить. Настоящее и будущее человека во многом определяются бесценным опытом предшествующих поколений. Его представления о смысле жизни, ценностных приоритетах, о взаимоотношениях с другими и природным окружением, о своем месте в вечном круговороте бытия всегда находили отражение в культовых действиях и церемониалах, их идеологии и духовных смыслах. При помощи ритуальной практики, упорядочивающей и организующей жизнь, общество поддерживало и поддерживает себя в своем устойчивом, гарантированном повседневном существовании, устанавливает жизненно важные социальные и духовные ценности. Народные церемониалы направлены, по мнению людей, на создание условий, гарантирующих, благодаря покровительству магических сил, их благополучие (обеспечение плодородия земли, завоевание благосклонности природных сил и духов ушедших предков, сохранение собственного здоровья и здоровья близких, создание счастливой семьи, рождение физически и духовно здорового потомства и т. д.). Более того, с ритуалами народное сознание связывало совершенствование противоречивой человеческой природы, формирование и развитие гармоничной личности, носителя национальной и исторической памяти, соблюдающего законы предков, творца добра и красоты. В ритуалах народ выражал свое единство с собственной этнокультурной историей, свою веру, надежду, любовь, радость, скорбь и печаль при различных жизненных ситуациях. Обрядовая культура башкир и этикетные требования при совершении ритуалов на протяжении веков являлись отражением традиционных ценностных императивов, религиозных требований и ограничений, идентифицировали человека со своим народом, с исторической памятью, его духовными истоками и нравственными заповедями.

Ритуал как один из способов закрепления этического кодекса общества неизменно включает в себя четкие ценностные инструкции, «направляющие поведение индивидов по социально и этически одобряемым каналам в целях сохранения гармонии и согласия в общественной жизни. Выступая как своеобразные модели должного социально-нравственного и религиозного поведения, ритуалы являются одним из действенных механизмов социализации индивида. В частности, в религиозных традициях этический кодекс и религиозные верования тесно переплетаются друг с другом, нормы и ценности морали служат как общим основанием межчеловеческих отношений, так и взаимосвязей человека с миром сакрального (священного). Свое непосредственное оправдание ритуалы находят в коллективных верованиях народа» (1).

В существующей научной литературе представлены многочисленные дефиниции и систематизации ритуала. Определение В. Тэрнера, на наш взгляд, характеризует данное явление в единстве всех его аспектов и не потеряло своей актуальности для современного осмысления его сути и базовых характеристик: «Ритуал – это стереотипная последовательность действий, которые охватывают жесты, слова и объекты, исполняются на специально подготовленном месте и предназначаются для воздействия на сверхъестественные силы или существа в интересах и целях исполнителей. Ритуалы могут быть сезонными, посвященными культурно отмеченному моменту перемен климатического цикла или началу такого рода деятельности, как посев, жатва или передвижение с зимних пастбищ на летние; ритуалы могут быть также зависящими от обстоятельств, вызванных критическими периодами в жизни отдельного человека или коллектива. Ритуалы по случаю могут быть, в свою очередь, разделены на церемонии жизненных переломов, исполняемые при рождении, совершеннолетии, браке, смерти и т. п., … и ритуалы бедствия, которые исполняются для умиротворения либо изгнания сверхъестественных существ или сил, навлекающих, по поверьям, … болезни, неудачи, гинекологические недомогания, серьезные телесные повреждения и т.п. Другие виды ритуалов включают ритуалы гадания; церемонии, исполняемые политическими властями для обеспечения здоровья и плодородия …, а также ритуалы, сопровождающие ежедневные приношения еды и питья божествам или духам предков, либо тем и другим» (2). Значительное место среди ри-

туалов занимают жертвоприношения – акты преподнесения сверхъестественным силам и божествам умилостивительных даров с целью установления, поддержания или восстановления должных отношений и связей между человеком и священным. Данный феномен, принимающий различные форматы, известен практически в каждом обществе. Например, и в башкирском эпосе «Урал-батыр», как уже подчеркивалось, упоминается о человеческих жертвоприношениях.

Во всех без исключения социокультурах практиковались и сегодня практикуются ритуально-обрядовые действия, маркирующие переход человека от одной жизненной стадии к другой (от чего-либо к чему-либо, в том числе «между мирами» – рождение как вход в мир и смерть как выход из него) (3). В литературе их обычно обозначают понятиями «церемонии жизненного цикла», «ритуалы перехода», «ритуалы жизненного кризиса». Наиболее значительные и распространенные ритуалы перехода по своему смыслу являются действиями и церемониями, связанными с поворотными пунктами в человеческом существовании, – рождением, половым созреванием, воспроизводством рода (брачным союзом) и смертью. Во многих обществах данные жизненные этапы переживаются как особые события, выделяющиеся на фоне обычной повседневной жизни, осмысливаются как некие «кризисы» в существовании отдельного человека или в жизни общины, связанные с переходом от одного образа жизни к другому. Термин «the rites of passage» (букв. – обряды перехода) был введен французским антропологом Арнольдом ван Геннепом, который рассматривал данные ритуалы как социокультурные механизмы, обеспечивающие индивиду переход от одной социальной роли к другой (4). Они помогают адаптироваться к новым социальным функциям, изменившемуся онтологическому статусу. Ритуалы перехода обеспечивают единение общества, рождают коллективные чувства и переживания сопричастности судеб, защищают его в критические ситуации от дезинтеграции, обеспечивают человека конкретными ценностными императивами, помогают приспособиться к новой жизненной ситуации.

Башкирский ритуально-церемониальный комплекс имеет сходство и смысловую близость с ритуально-обрядовой культурой народов, родственных по историческому происхождению и религиозной приверженности, и в то же время имеет свою этническую индивиду-

альность и своеобразие, отражающееся в самобытных способах его наглядно-чувственного и эмоционально-зрелищного оформления, обусловленного ценностными ориентирами и образом жизни народа.

Вопросы специфики ритуально-церемониального комплекса башкир получили широкое освещение в исследованиях авторов XVIII-X веков (А. Алекторова, В.А. Арнольдова, И.Г. Георги, М.А. Круковского, И.И. Лепехина, П. Назарова, Д.П. Никольского, Н. Малиева, П.С. Палласа, С.Г. Рыбакова и др.). Ценную информацию содержит монография Д.П. Никольского, довольно подробно рассматривающая башкирские ритуалы перехода (родильные, свадебные, погребальные), а также вопросы лечения больных и воспитания детей. Большой вклад в изучение башкирской ритуальной культуры внесли исследования С.И. Руденко. Огромный материал по систематизации башкирских ритуалов (особенно свадебного) в их единстве с фольклорным материалом был собран известным драматургом и фольклористом М. Бурангуловым. Заметное оживление этнографического интереса к общественному и семейному быту башкир нашло отражение в монографиях Н.В. Бикбулатова, Р.Г. Кузеева и др. (5). В 1970-1980 гг. было осуществлено издание академического свода «Башкирское народное творчество» в 18 томах, в котором содержится богатейший материал по духовности и обрядовой культуре народа. Системное описание традиционных ритуалов перехода башкир, их происхождения, социально-исторической обусловленности и последующей эволюции с охватом территориальных различий и их функционального значения впервые сделано в монографическом исследовании Н.В. Бикбулатова и Ф.Ф. Фатыховой и продолжено в коллективной работе «Башкиры: Этническая история и традиционная культура» – 2002 (6). В последнее время появились исследования, для которых характерно изучение ритуальной культуры башкир в связи с ее мировоззренческими и психологическими основами. В частности, в работах Р.А. Султангареевой башкирский ритуальный комплекс рассматривается в единстве с его поэтическим репертуаром и фольклорными текстами. Большое внимание уделяется анализу культовых и мифологических представлений древних башкир, выяснению особенностей миропонимания и мышления исполнителей ритуальных действий (7).

С 1995 года началось издание нового 36-томного свода «Башкирское народное творчество». Вышедший в свет 1 том «Йола

фольклоры» (Обрядовый фольклор) представляет собой уникальный сборник по систематизации основных видов традиционной ритуальной культуры башкир, в котором календарные и семейно-бытовые ритуалы и празднества освещены в неразрывном единстве с их религиозно-мифологической, фольклорно-поэтической, мелосной и этнографической природой (8).

Мировоззренческую и ценностную основу башкирского ритуального комплекса составляют древние религиозно-мифологические воззрения и верования. Специфика мышления предков башкир, еще не способных выделить себя из окружающей среды, примитивность социального опыта и полная зависимость от природы обусловили и характер их мировоззренческих отношений со средой обитания: миропонимание и мироотношение человека выражали миф и развившийся из него культ природы. Они объясняли как зависимость человеческого существования от природы, так и зависимость ее нормального функционирования от ритуальных действий людей, направленных на обеспечение помощи и покровительства сверхъестественных сил.

Пантеон языческих божеств и многочисленных духов стал олицетворением модели мироздания и природы того ареала, который практически, мировоззренчески и ценностно осваивался башкирами. Полностью «растворив» себя в природе, предки башкир сделали ее соучастником своего бытия, превратили в объект почитания и поклонения. Культ природы, стремление жить в согласии и гармонии, желание не навредить, а снискать ее благосклонность как гарантию надежного бытия привели к возникновению разветвленной ритуальной системы, связанной с культовым отношением к небу, солнцу, водной стихии, земле, животным, растениям и т. д., олицетворяющим животворящую мощь природы и играющим первостепенную роль в удовлетворении основных витальных потребностей человека (9). Можно согласиться с существующей в литературе точкой зрения, что культовые действия и их мировоззренчески-мифологические обоснования относятся к области самых ранних форм экологического сознания (10).

О достаточно высоком уровне развития башкирского экологизма как жизненно важной ценности свидетельствует, в частности, существовавший в прошлом обычай: ежегодно проводившийся «экологический» праздник «Летний Нардуган», праздник сострада-

ния, гуманного и милосердного отношения к природе. Период с 25 июня по 5 июля был временем своеобразного щадящего режима: от мала до велика природу берегли, вели себя с величайшей осмотрительностью и осторожностью. Устанавливались строгие запреты на охоту и кровопускание как диких, так и домашних животных, запрещалось ловить рыбу, птиц, рубить деревья, косить траву. Эти дни называли «днями пощады», собирали лекарственные растения и бросали, задабривая природных покровителей, в реки и озера цветы семидесяти семи видов в надежде на хорошее, теплое и доброе лето. По прошествии времени этот обычай превратился в ежегодный «праздник цветов» (11).

Лето – пора бурного цветения и размножения в природе, расцвет жизненных сил, всплеск ее могучей внутренней энергии, и человек сознательно давал природе возможность отдохнуть, создавал условия для ее самовоспроизводства. Это были дни, действительно, великой гармонии и великого примирения человека с природой. Наши предки отчетливо осознавали, что регулярное истребление природных ресурсов, животного и растительного мира грозит истощением природной кладовой и угрожает благополучию человека. Огромен был ценностный и педагогический потенциал этого праздника. «Летний Нардуган» демонстрировал подрастающему поколению наглядные уроки нравственного, гуманного и бережного отношения к окружающей среде. Идейную и этическую основу праздника составляла мысль, что природу, в которую пришел, человек должен оставить потомкам такой, какой он ее застал (12).

Культ природы стал одним из первых шагов в мировоззренческом осмыслении древними башкирами своих взаимоотношений с окружающей действительностью. Представление о Тэнгри как о высшем божестве, как и у других древнетюркских племен, было одним из существенных моментов культа, и сохранившиеся сегодня у башкир отголоски культа неба еще раз доказывают то, что определенная часть предков башкир в этногенетическом плане происходила из тюркской этнокультурной среды. Следы почитания древними башкирскими племенами Тэнгри сохранились в этногенетической истории, в частности, боевым кличем (оран) некоторых племен являлось слово «Тэнгри». Тэнгристическое прошлое башкир запечатлено и в пословицах: *«Право мужа – право Тэнгри», «Пищу Тэнгри черт пожалел»* и т. д., упоминания о нем есть в эпосе

«Урал-батыр», где описываются человеческие жертвоприношения именно в его честь (13). Слова Ибн-Фадлана о самом большом боге, который находится на небе и живет в согласии с другими божествами, имеют самое непосредственное отношение к Тэнгри.

Сакрализация природы отразилась в древнебашкирском культе «Земля – Вода». Вся земная поверхность осмысливается как священная «Земля – Вода», свято оберегается как естественная основа человеческого бытия. В последующем это понятие приобретает особое ценностное измерение и, идентифицируясь с родной землей, становится символом Родины:

«Какая синева над Уралтау!
Пристанище здесь деды обрели,
Родную землю от врага храня,
Богатыри костьми здесь полегли» (14).

Башкирское божество «Земля – Вода» наделено эмоционально-активными свойствами (может быть враждебным или дружественным) и обладает волшебной силой притягивать и отталкивать. *«Если не влечет земля, то влечет вода»* – эта пословица о человеке, который долгие годы скитается на чужбине, но все равно возвращается на Родину.

Башкиры верили в чудодейственные силы (охранительную мощь) родной земли. Обычай брать с собой в дальнюю и трудную дорогу горсть земли существует и сегодня. *«У кого есть земля, у того есть пища, у кого есть пища, у того есть сила», «Оторвавшийся от земли по ветру летит»* – это философия отношения башкир к земле. Не было страшнее для человека услышать в свой адрес проклятие сородичей: *«Да пусть тебя проглотит земля!»*. У башкир существовал и сегодня существует ряд ритуальных действий, призванных приобщить человека к силе и мощи родной земли. Услышав первые раскаты весеннего грома или первое кукование кукушки, человек старался «поваляться» на земле, которая, по поверьям, наполнена живительными соками, одаривающими его священной силой. Земля, как считали люди, могла излечить от болезней, ниспосланных «злыми духами», могла «нейтрализовать» влияние вредоносных мифических существ, «брать» на себя хворь. В знахарской практике сохранился ритуал очищения «класть на землю,

уложение на землю». Например, если человек страдает болезнью суставов, собранные предметы заклинания (когти, волосы, золу, скорлупу) помещают в сосуд с водой, произносят заговорные слова, три раза проносят вокруг больного и выливают на землю, и болезнь якобы уходит в нее (15).

В рамках обобщенного культа Земли-Воды почитание водной стихии, как и земли, занимало одно из главных мест. Культовое отношение башкир к водным источникам связано с анимистической верой в существование духов – «хозяев» воды (16). Соответствовавшая ей система ритуально-магических действий и жертвоприношений обусловливалась также вполне практической целью: скотоводческое и земледельческое хозяйство башкир основывалось на эксплуатации земли и воды – главных ресурсов природы. Башкир видел в водной стихии не только утилитарную значимость, но и эстетическую и этическую ценность. Конкретные водные источники становились символом родного края и объектом художественно-возвышенного восприятия.

Бережное отношение к воде было обусловлено верой в ее магические очистительные силы. Такими свойствами, по поверьям, обладает проточная вода (быстрая, стремительная река). Если причину болезни связывали с влиянием злых чар, знахарки практиковали следующее: одежду больного в вечерние сумерки полоскали в проточной воде, предварительно задобрив духа-хозяина. Большим терапевтическим эффектом, по мнению людей, обладает также «утренняя вода», взятая из источника ранним утром.

Водная стихия всегда представляла для человека грозную, неуправляемую природную силу. Гнева духа-хозяина воды боялись, старались жить с ним в согласии, прибегали к различным умилостивительным ритуалам. Башкиры верили в то, что дух воды, если был доволен людьми, часто предупреждал их о надвигающейся опасности или большой беде бурным половодьем (17). Особенно боялись высыхания водоема, из которого якобы «уходит» обиженный или недовольный дух. Чистая вода была источником жизни башкира-кочевника, а водоем – одним из почитаемых священных мест рода. По обычаю, первое знакомство чужого человека с источником (брал воду, поил коня, мыл руки и т. д.) обязательно сопровождалось небольшим жертвоприношением его духу. Почти все

ритуалы башкир (ритуалы жизненного кризиса, жертвоприношения, очищения и т. д.) пронизаны мотивом поклонения культу воды.

Неразрывной составляющей общего культа Земли-Воды у башкир является культ священной горы. О существовании и происхождении культа гор писал С.А.Токарев, который подчеркивал, что существует прямая зависимость форм религиозно-мифологических воззрений и соответствующих ритуальных действий, связанных с оролатрией, от исторически и экологически детерминированных условий жизни людей (18). Священная гора являлась как бы олицетворением родовой территории, ее сакральным святилищем. На территории многих башкирских племен имеются горы: Иремель (Учалинский район), Масим-Тау (Бурзянский район), Янган-Тау (Салаватский район), Торатау (Ишимбайский район) и др. Пример существовавшего у башкир культа гор приводил И. Лепехин при описании Тура-тау «близ Оренбургской дороги в г. Уфу»: «Башкиры к горе сей имеют особливое почтение, и почитают ее за освященное место… никто из них на сию гору с нами итти не хотел, отговариваясь разными обетами, которыми они горе должны и которые еще не исполнены: ибо без исполнения обетов взлазить на гору никто не может; разве кто похочет сам себе быть злодеем» (19). Подобное отношение характерно для почитания «родовых гор», которые считались священными покровителями рода. Как описывал С.И. Руденко, «при приезде в гости на кочевку одной из женщин, вышедшей замуж в другой род или аул, или на проводах новобрачной, женщины и девушки устраивают игры и пляски на ближайшей к кочевке горной поляне. Перед уходом с горы все они привязывают к деревцу (березке) лоскутки материи. По их словам, девушки вешают тряпочки как гадание… женщины же вешают просто на память о посещении родной горы» (20).

Культ гор также предполагал почитание духов-хозяев. В верованиях они часто имеют антропоморфный вид. Духу горы приносили умилостивительные и искупительные жертвы, обращались с молениями, просили удачи в житейских делах, исцеления от болезней. Проявление неуважения к священной горе или неисполнение обета влечет за собой, как считали башкиры, месть духа. Башкиры рассказали И. Лепехину, чем обернулось для некоторых такое отношение к Тура-тау: «Один … , презирая сие священное место, на горе напакостил; но сия попытка даром ему не прошла: ибо весь его

род в короткое время вымер. Мор начался с его сына, который умирая видел разных хищных зверей, сходящих с горы и готовящихся терзать его тело и всего семейства. Другой, гоняясь за лисицею без всякого обету, и в посмеяние забравшися на гору, растерзан был пегим медведем» (21). «На некоторых горах Южного Урала, в частности на Масим-Тау, – писал С.И. Руденко, – нам приходилось видеть на вершинах жертвы, принесенные хозяину, духу горы… жертвами чаще всего были или медные монеты, оловянные или серебряные украшения женских нагрудников или, наконец, лоскутки материи…» (22). Гора являлась олицетворением «малой родины», родной стороны. Благодаря ритуальному общению с ней человек обретал надежду, душевный покой, уверенность в благополучной жизни. Наиболее значительная горная система – Уральские горы – стала для башкир обобщенным образом родной земли, символом Родины.

Одной из ранних форм духовно-практического освоения башкирами природы была мировоззренческая система тотемизма. Если обратиться к тотемическо-генеалогическим представлениям башкир, то некогда у них существовали родовые тотемы (медведь, лиса, волк, орел, беркут, журавль и т. д.). О существовании, например, в прошлом культа медведя свидетельствуют сохранившиеся в фетишистских культах действия, связанные с магическим использованием частей его тела (когтей, клыков, шерсти и т. д.) в качестве амулетов-оберегов от порчи, дурного глаза, злых духов и болезней. В устном поэтическом творчестве башкир медведь является носителем многих положительных качеств: он терпелив, мудр, честен (23). В легенде «Откуда медведи» говорится, что первый медведь был человеком, при помощи волшебного кинжала способным принять медвежий облик. Потеряв его, он навсегда остался медведем (24).

Особым почитанием у башкир пользовался волк (собака). Как уже отмечалось, сильный, смекалистый, выносливый, ловкий волк-прародитель, по преданиям, помог некогда предкам башкир пройти через все невзгоды и препятствия и привел их на современную родину (25). Именно этот генеалогический мотив, по мнению ряда исследователей, нашел отражение в этнониме «башкорт» – «главный волк» (26). Волк, как известно, был одним из основных тотемов древнетюркских племен, многие поверья башкир, восходящие к его культу, имеют ряд параллелей в тюркоязычном мире. По представ-

лениям, волк-прародитель обладает необыкновенной сверхъестественной силой ограждать людей, особенно детей, от несчастий, болезней, злых чар. По поверьям, волчья голова, закопанная под фундаментом дома, защищает семейную жизнь от пересудов, ссор, сплетен. Для наказания воров сжигали волчьи сухожилия: считалось, что вора ждет неминуемая гибель от страшных судорог.

Культ коня также обусловливал веру в фетишистские свойства тех предметов, которые имели к нему отношение. До сегодняшнего дня сохранился обычай прибивать на порог дома и различные выступы подкову. Считалось, если человек со злым умыслом приходит в дом, то его черные мысли «зацепятся» за подкову. Прибитая подкова якобы предохраняет от несчастий, сплетен, нечестивых поступков, причем она обязательно должна быть слетевшей с копыта лошади. Барон де Бай в своих наблюдениях отмечал следующее: «Вокруг ульев, очень многочисленных в их деревне, башкиры помещают на вершину шестов лошадиный череп… чтобы пчелы не были заколдованы» (27). Если кто-либо в ауле становился объектом сплетен, то на шест или столб у дома насаживали лошадиный череп или шейный позвонок. Демские башкиры пропускали только что вылупившихся гусят через пустую глазницу лошадиного черепа – это действие должно было предохранить их от дурного глаза (28). В магических целях использовались лошадиный пот и пена. Например, в эпосе «Акбузат» Хаубан пеной с губ своего коня Акбузата вылечил раны на крыльях птицы (29). Интересно предание, записанное И. Лепехиным: на горе в старину жил змей, «которого убил башкирский батыр, особую выдумку применив. Он напоил саблю лошадиным потом, который они за змеиного поборника почитают, да и ныне башкиры думают, что никаким орудием змею так скоро умертвить можно, как плетью, ибо она всегда лошадиным потом напоена бывает» (30).

Архаичностью происхождения отличаются и башкирские верования, связанные с культом птиц. Как известно, одним из основных племенных атрибутов башкир была птица. С культом птиц были связаны различные поверья, табу, ритуальные действия. Башкиры почитали ворону, лебедя, грача, кукушку, беркута и т. д. Встречающийся и сегодня запрет на охоту и употребление в пищу мяса и яиц таких птиц, как лебедь, журавль, беркут, сокол, филин, сова и др., является отражением культа неприкосновенных священ-

ных птиц. Поклонение, например, лебедям прослеживается еще в эпосе «Урал-батыр». Девушка-лебедь Хумай, дочь Самрау – повелителя птиц и Солнца, стала родоначальницей племени белых лебедей на Урале (31). У башкир сохранилась легенда об охотнике, который, нарушив запрет, застрелил птицу и жестоко поплатился за это: несчастья обрушились на семью, смерть унесла жену и детей, а потом и его самого. По преданиям, от брачного союза с лебедью ведет свое начало племя Юрматы (32). Бытовало поверье, что у человека, разлучившего лебедя с подругой, переведется весь род.

Культ птиц нашел отражение в весеннем празднике «Каргатуй» (праздник грачей). К празднику всегда готовились основательно: толкли в ступе зерна пшеницы, просо, пшено для каши, заранее собирали яйца, молоко, масло, хлеб, соль, обновляли одежду, надевали платья с оборками, камзолы, различные украшения. Ярко разодетые женщины, девушки и дети с котлом (котлами) отправлялись на заранее облюбованное место. Символическое значение имели многие атрибуты праздника. Красочные и пестрые наряды женщин, безудержное веселье, смех, гомон, озорные пляски, различные шумные соревнования призваны «разбудить» спящую природу, дать толчок ее дремлющим живительным сокам. Голые ветви деревьев густо обвешивали разноцветными лентами, яркими лоскутками, бусами, монетами, чтобы наступающая весна принесла с собой богатый урожай, обильные дожди и сочные травы, хороший приплод скота и благополучие в каждый дом. Пожилые женщины варили кашу, а молодежь водила хороводы, пела, плясала, имитируя поведение и повадки птиц, устраивала различные игры. Остатки праздничных угощений оставляли воронам, приговаривая при этом:

«Пусть еда эта будет воронам.
Пусть год будет к нам благосклонным!
Наша каша варится,
Парится, дымится.
У того, кто кашу сварит,
В жизни все свершится!»

Опустевшие котлы и чугунки опускали в воду вверх дном в надежде, что придут благодатные дожди (33). Смысловая ткань праздника пронизана различными языческими мотивами, но очевидно то, что «Каргатуй» является «далеким отзвуком одного из

массовых тотемистических обрядов. Восстановлению его древнего содержания способствуют следующие факты: проведение ранней весной, на высокой горе, участие в нем только женщин и детей, посвящение птицам – покровителям женщин. Кормление тотемов – покровителей и переносчиков человеческих душ – в данном случае одновременно преследовало цель добиться общего расположения тотемов к себе, что означало благополучие в деторождении и жизни вообще» (34).

Культ священных птиц-тотемов, трапеза в их честь, умилостивление лежат в основе и древнего праздника «Кукушкин чай». Люди издавна настороженно относились к этой загадочной и вещей птице, которая, по поверьям, могла напророчить судьбу и даже смерть, с тревогой прислушивались к ее кукованию (*«Когда кукушка в деревню прилетает, голоду быть», «Если кукушка по весне закукует сразу после того, как деревья листья распустят, голоду быть»* и др.). Весной, как только в округе раздавалось кукование, женщины и дети в нарядных одеждах устраивали на природе праздник в честь кукушки, который обязательно должен был задобрить ее и отвести от человека возможные напасти. Сначала под деревья выливали катык или молоко (священные продукты кочевников), разбивали заранее собранные яйца и после произносили благопожелания и заклинания с просьбой о благополучии земле и людям, просили у птицы счастья, водили хороводы, пели песни, посвященные кукушке, исполняли танцы, имитирующие повадки птиц (35). Праздник сопровождался весельем, различными играми, чаепитием, дети слушали различные поучительные истории, древние предания и легенды о птицах, а после остатки ритуального угощения оставляли под деревом. Общение с природой для детского сознания в теплый и солнечный весенний день имело благоприятное духовное и эстетическое значение, воздействие, взрослые же, выполнив свой долг перед вещей птицей и оказав ей всякие ритуальные почести, безусловно, обретали душевный покой, уверенность в благополучной и защищенной от неприятностей спокойной жизни.

Сегодня эти праздники переживают «второе рождение» и становятся популярными масштабными многонациональными мероприятиями, которые проводятся не только на природе, но и на различных площадках, в домах культуры, учреждениях образования с участием огромного количества празднующих и вызывают живой

интерес туристов, фольклористов, этнографов и др. В разных районах республики они имеют свои особенности, но их содержательное поле едино: бережное отношение к среде своего обитания, к собственной исторической памяти. Мероприятия сопровождаются выставками блюд национальной кухни разных народов, творений народных умельцев, проводятся игры-состязания певцов, танцоров, музыкантов, подводятся итоги выставок и соревнований, вручаются подарки и призы. Очевидно, что смысловые сюжеты «птичьих» праздников, выросших на основе древних языческих представлений и «природного» мировоззрения, их ценностная составляющая отражают осознание человеком своего нерасторжимого единства и взаимосвязи с окружающей природой как жизненно важной ценностью.

Культ растительности у башкир также связан с тотемизмом. Существовавшие в прошлом и возрождаемые сегодня племенные символы-атрибуты (дерево) отражают предка-тотема: у кыпчаков – сосна, у табынцев – карагач, у бурзян – дуб, у юрматинцев – рябина, у катайцев – можжевельник, у айлинцев – тополь, у минцев – береза и т. д. Часто встречающийся в фольклоре мотив превращения человека в растение, дерево, лес свидетельствует о тотемистических представлениях башкир, о связи с миром природы. В табу, регулирующих поведение человека по отношению к деревьям-тотемам (их нельзя было рубить без культовой подготовки, без особой надобности, калечить, ломать сучья и пр.) просматривались не только языческие мотивы, но и требования беречь родную природу, относиться к ней как к ценности, как к основе благополучной жизни и не наносить ей неоправданного ущерба. Эти ключевые позиции стали ценностными ориентирами экологической традиции народа, которые становятся особенно актуальными сегодня.

Особым почитанием у башкир пользовался и пользуется можжевельник, высушенные пучки которого бережно хранят в современных домах и городских квартирах и верят, что он имеет силу прогонять нечистых духов и может служить предохранительным средством от порчи и злых наговоров. Интересные факты приводил в свое время И. Лепехин: «Мы были на конце горы, как рвали можжевельник, «артыш агачи» … Один башкирец, … бежа к нам по горе, делал всевозможные знаки, дабы мы его тут пождали и прибежав спрашивал: на какую мы потребу ломаем сучья Артыш Агачи и с какими обетами? Но как мы ему сказали, что мы берем его только

для любопытства, то он нам отвечал с выговорами, что мы их принудили войти на гору против их воли; при том делаем другое преступление, что берем с горы дерево без надобности и без всякого обета. Ибо сие им даром пройти не может» (36). Желая оградить себя от влияния зловредных духов, башкиры сажали и сегодня сажают можжевельник в палисадниках и считают, что он приносит счастье и благополучие в дом и семью.

Отношение к березе было противоречивым: с одной стороны, ее считали священным деревом, верили в очистительную и предохранительную силу, с другой – в народном сознании береза была символом печали и горя. До сегодняшнего дня в башкирском быту живет запрет сажать ее во дворе или у дома (*«Кто у жилья березу посадит, тот печален бывает»*). Березу сажали на могилах предков. «Местом для кладбища почти всегда является березовая роща, тщательно охраняемая от вырубки и содержимая в строгой чистоте, – сообщал Д.П. Никольский. – … Башкиры настолько чтут эти места, что не вступают в них обутыми ногами и при входе прочитывают молитву» (37). Сверхъестественными свойствами башкиры наделяли рябину, приписывая ей антивредоносную силу: и сегодня рябиновые пуговки пришивают на одежду, особенно детскую, прикрепляют к рогам, шерсти (гриве) домашних животных. Если кто-либо (человек или животное) «страдал от сглаза», разрубали развилистый сук рябины, сгибали в обод и пропускали через него больного.

«Природное» мировоззрение и ценностное отношение к среде своего обитания находят отражение и в хозяйственных обрядах башкир, представляющих собой эклектическое сплетение языческих ритуалов и мусульманских обычаев более позднего происхождения. Данные церемониалы представляют собой своеобразную попытку человека повлиять на природу и ее непредсказуемые силы, сделать их своими союзниками в трудных хозяйственных делах и тем самым обеспечить общественное и личное благополучие. Земледельческие культы башкир, вобравшие в себя различные магические и ритуальные действия, моления, фольклорное сопровождение (благопожелания, заговоры, заклинания и др.), приурочены к определенным хозяйственным циклам. Люди верили, что благоприятные погодные условия и хороший урожай зависят от добросовестного и активного магического воздействия на природу.

Многочисленные ритуалы сопровождали летний цикл аграрных работ. Главной проблемой была засуха, которая могла оставить семьи без пропитания, и активно используемая магия погоды вселяла надежду на благосклонность природы. Башкиры практиковали многочисленные магические приемы, направленные на защиту посевов от засухи: в водоемы бросали дырявый котел, молодежь обливалась водой, произносили заклинания, устраивали жертвоприношения, старики-аксакалы на кладбище или в поле совершали моления и т. д. (38). Самым распространенным способом борьбы с засухой, как и в других культурах, было «вызывание дождя». В дни сильной засухи в назначенный аксакалами день жители аула собирались на берегу водоема. В этот день не умывались и надевали чистую одежду. Молодые женщины готовили угощение (обычно резали скотину только черной масти). Взрослые читали молитвы, дети произносили обращенные к дождю речитативы. После устраивалось ритуальное угощение, обливали друг друга водой, бросали всех, кроме стариков и старух, в воду (39). В этом ритуале ясно прослеживаются древние анимистические воззрения башкир. В обрядовом фольклоре сохранились многочисленные варианты заклинаний и прибауток, призванных вызвать дождь, обращенные непосредственно к духу-хозяину дождя (40). Существовал целый комплекс ритуальных действий: поливали одинокое дерево, лили воду на могилы пьяниц, прелюбодеев, повесившихся (считали, что повесившийся человек, которому некому было подать воды, якобы проглатывает все дождевые тучи), привязывали к дереву лягушку, поливали водой святые камни и т. д. (41).

Магия погоды включала и действия по остановке нудных, постоянных дождей. С речки убирали дырявый котел, муллы, мусульманские священнослужители, ходили по деревне и читали молитвы. У зауральских и южных башкир был распространен ритуал остановки дождя. Собравшись, устраивали ритуальное угощение, но резали уже скотину белой масти (42). Для остановки продолжительных ливней мазали священные камни маслом. Существовали ритуальные способы борьбы и с не менее коварным врагом – дождем с градом: отправляли под дождь вдову или старшего ребенка в семье, которые возвращались обратно, набрав в рот по три градинки, либо выбрасывали на улицу щипцы для угля (43). Многие из этих магических приемов практикуются в башкирском быту и сегодня.

Одним из весенних празднеств был сабантуй, истоки которого уходят в далекое языческое прошлое. Сабантуй праздновали непосредственно перед перекочевкой с зимнего стойбища на летнее. Это было ответственным временем для башкир: утомленные долгой зимой, они с надеждой смотрели на природу, от благосклонности которой зависела не только предстоящая жизнь на летовке, но и будущее. За короткие теплые месяцы нужно было успеть набраться сил, наготовить на зиму сушеных продуктов, откормить скот, вырастить урожай проса и ячменя. Началу праздника предшествовала длительная торжественная и очень ответственная процедура ритуальных умилостивительных жертвоприношений всему языческому пантеону, башкиры просили у своих покровителей-богов благополучия, мира и счастья, тепла и дождя земле, хорошего урожая и обилия сочных трав. Задобрив богов и заручившись их поддержкой, отправлялись на летовку. В дальнейшем на многие ритуальные стороны праздника повлияло мусульманство, и именно об этих «модернизированных» вариантах сообщали И.Г. Георги, И. Лепехин и др. В последующем многие обрядовые стороны утратили свои изначальные смыслы, но народные игры и состязания всегда оставались самыми популярными и яркими зрелищами праздника. Конные скачки, к которым наездники готовили своих коней заранее (за сутки до праздника не давали сена, не поили, приводили в порядок копыта и гриву), национальная борьба, стрельба из лука, состязания кураистов, кубызистов, сказителей, лазанье на столб за призом, стаскивание, находясь в седле, своего соперника, демонстрирующие мастерство и ловкость всадника, были особенно популярны среди народа. Катание на качелях, хороводы с пением озорных частушек, различные шуточные (бег с полными ведрами; бег в мешках; «бег на двоих», когда правую ногу соучастника привязывают к левой ноге другого, и они прыжками, не падая, должны добраться до цели; борьба, во время которой участники, как правило, находясь на бревне, колотят друг друга мешками, набитыми сеном или стружкой; отрезание предметов-призов и битье горшков с завязанными глазами; доставание монеты со дна сосуда с кислым молоком или катыком; стрельба по шапке, прикрепленной к высокому шесту, или по шапке, стоящей на пеньке; перетягивание каната и др.) собирали многочисленных зрителей и тех, кто хотел принять участие в соревнованиях.

Сабантуй в многонациональном Башкортостане сегодня имеет статус общереспубликанского народного праздника и проводится в каждом муниципальном образовании как подведение итогов весенне-полевых работ. Выставляются красочные этнодворики: хозяева в ярких этнических одеждах и украшениях предлагают гостям блюда и напитки национальной кухни, демонстрируют элементы и предметы традиционного быта, музыкальные инструменты, вокальное и танцевальное искусство своего народа. Производства муниципалитета, индивидуальные предприниматели, фермеры представляют свою продукцию, устраиваются коллективные смотры художественной самодеятельности, различные состязания и традиционные спортивные соревнования, вобравшие в себя отголоски архетипической памяти кочевой культуры, вручаются денежные сертификаты, государственные награды, ведомственные грамоты, ценные призы и подарки:

Сабантуй

Пыль до солнца, кони, скачки,
Клич победы на майдане!
Песни, гомон, игры, пляски –
Сабантуй в Башкортостане!

Из глубин веков суровых
К нам пришёл обычай древний,
Прадедов и дедов мудрых
Нам, потомкам, дар заветный.

Заливается тальянка,
Взявшись за руки с кураем,
Дух волшебный бишбармака
Стелется над чудным краем.

Красок яркая палитра,
И смешался смех с весельем,
Распахнулись настежь юрты,
Завлекая угощеньем!

Медовуха в чашах с глянцем,
Ждёт кумыс гостей с порога,
Кружат все в задорном танце,
Славят песней хлебороба!

Море солнца и улыбки -
В праздник плуга, мира, дружбы:
Сабантуй сближает мысли,
Души, судьбы и народы!

Пусть над миром солнце светит,
День приходит добрым, ясным,
После светлых сабантуев
Урожай родится славным! (44).

В поликультурном пространстве праздник, на который собираются (приходят, приезжают из других регионов и даже стран) многочисленные участники и гости, представляющие разные народы, становится своеобразным механизмом духовного единения, местом встречи и общения родственников, друзей, коллег, а для детей и молодежи – ненавязчивым и красочно-зрелищным способом знакомства и приобщения к тем традиционным ценностям, которые объединяют людей разной веры и национальности.

Ценность природы отразилась также в богатом устно-поэтическом творчестве народа, выросшем на основе многовековых наблюдений за витальными процессами в природе, природными явлениями, поведением птиц, животных и насекомых, особенностями развития растительного мира. Календарные приметы и поверья о состоянии земной атмосферы, поговорки и пословицы о представителях домашней и дикой фауны, загадки о природе говорят о фенологической наблюдательности башкир. Народ, на протяжении веков занимавшийся кочевым скотоводством и зависящий от канонов и капризов природы, внимательно следил за импульсами, посылаемыми внешним миром, и проецировал их на свой быт и хозяйственную деятельность. На основе наблюдений, подкрепленных многовековой практикой, возникали приметы, обрисовывающие потенциальный лик приближающейся зимы или весны, лета или осени (*«Бесснежная зима – неурожайное лето», «Чем больше снега на горах, тем больше ягод народится», «Если на деревьях много инея, меда будет много», «Если весной снег долго держится, лето будет сухим», «Если березовый сок обильно течет, лето дождливым будет», «Если осень долгая, весна поздно приходит»* и др.) (45). По приметам судили о характере и особенностях наступающего нового года, месяца или даже об атмосферном состоянии грядущих

суток (*«Если первого января тепло – рожь уродится, если ветер – пшено уродится, если туман – овес уродится», «Если во время народжения молодого месяца подует ветер, он будет дуть до конца месяца», «Если во время дождя лужи взбухают пеной, дождливая погода долго продержится», «Если Большая медведица тускнеет, холодно будет»* и др.).

Поведение и настроение животных, птиц и пчел были для башкира барометром для определения возможных изменений в погоде (*«В какую сторону скотина спиной ляжет, оттуда жди ветра», «Если зашумит река и лягушки начнут громко квакать, дождь будет», «Если собака не вылезает из конуры, жди бурана», «Если лошадь фыркает – к дождю», «Если птица начнет ерошиться, погода ухудшится», «Если улей начнет гудеть, быть дождю»* и др.). Башкир был внимателен к метеорологическим знакам природы: отправляясь в путь, он не только заботился о благосклонности богов, но и сверялся с приметами, прогнозируя возможные последствия (*«Весеннему льду не верь, даже если он толще подушки, осеннему льду верь, даже если он тоньше зеркала», «Крупный дождь скоро кончается», «Если паутины летят высоко в небе, ясно будет»* и др.). Народ вел хозяйство, руководствуясь не только поддержкой божественных сил, но и фенологическими и метеорологическими наблюдениями, а аграрная практика тесно увязывалась с приметами: *«Через месяц после прилета вороны снег сойдет», «Прилетит журавль – спеши поле пахать», «Там, где наледь, земля не промерзнет, репу посеешь, не уродится», «Если черная ворона на гнездо садится, через три недели следует начинать сев», «Когда скворец скворчат выводит, сей овес и гречиху», «Если начинают осыпаться цветы липы, пора сеять рожь»* и др.).

Любовь к природе нашла отражение в загадках о природе, представляющих собой пеструю палитру, посвященную изображению календарного года, месяцев, недель, дней (*«Весной приходит аргамак, осенью приходит аргамак, под двенадцатью листьями дремлет стоя аргамак», «Белая юрта, голубая крыша, двенадцать раз зашел, один раз вышел», «В одном горшке тридцать ягод калины, на всех – одно имя», «Семь яиц в одном гнезде», «Когда в юрте светлеет, то на улице темно; когда в юрте темнеет, то на улице светло»*).

Загадки образно и ярко рисовали природные объекты и явления *(«Желтый конь в широком стойле ржет, соскучившись по воле», «Черный гусь загоготал, огненными крыльями заблистал», «Стрела вылетела, горох рассыпался», «В небесах – копейки, как бисер на тюбетейке, над землею спящей виснет серп блестящий», «Черную корову не стащить и волоком, черная корова накрылась белым войлоком» и др.*). Особое место в башкирских загадках занимали представители животного мира (*«Хан вышагивает гордо, у него в крови вся морда», «С нею – джигит крылат, султан – богат, ни зимой, ни летом покой ей не ведом», «Из ее пряжи шали вяжут», «В баньку мчит через леса стройная Гульниса», «На подушке белой сидит мулла дебелый»*). Уважением и добродушным юмором пронизаны народные загадки о диких и домашних животных, соучастниках бытия башкира: любое живое существо, могучий, сильный зверь или хрупкое, беззащитное насекомое, все то, что дышит, летает, передвигается, одухотворяется и наделяется человеческими качествами, добродетелями и пороками. Хозяин леса – медведь, гордый хан – волк, попрыгунья – белка, трусливый заяц, еж – портной, лошадь – первый в ауле работник, умелая ласточка, соловей-певец, задира – петух, неутомимый муравей, трудолюбивая пчела – Гульниса и т. д. – через природные, естественные свойства живых существ просматривается социальное содержание: человеческие характеры, качества, поведение (46). В загадках о природе сквозит широкая натура наблюдателя и певца природы, осознающего себя неразрывной ее частью.

Многие праздники, молодежные игры, ритуальные действия организовывались на лоне природе, на ближайшем к кочевью или деревне возвышенном месте. Природа была неизменным спутником бытия башкира, свидетелем его жизненных удач, душевных страданий и возвышенных чувств. В прошлом у башкир существовал обычай «выход на природу» (отдых на природе). В один из солнечных дней ранней весны супружеская пара, набрав еды, запрягала лошадь и выезжала (выходила) отдыхать на природу, на красивую живописную местность. Соседи знали об этом заранее и устраивали дружные проводы. Домашние дела, бесконечные бытовые проблемы оставались за воротами, и супруги окунались в одухотворяющий мир оживающей природы. Это был интимный праздник для двоих, праздник возрождения и обновления чувств, праздник обре-

тения гармонии друг с другом, единственным свидетелем которого была природа (47).

Весной, в мае, разнаряженные дети и молодежь с продуктами (иногда – отдельно девушки или молодые люди), под присмотром взрослых, также выходили на увеселительный отдых на гору или возвышенность, готовили праздничную трапезу. После угощения начинались различные игры, танцы под курай, развлечения (47). Природа «врачевала» человеческие души, отвлекала от житейских проблем, вдыхала жизненную энергию. Старшее поколение, озабоченное обустройством духовной жизни подрастающего поколения, ясно осознавало эту духоформирующую миссию природы. Подобное массовое общение человека с природой было одним из наглядных, образно-эмоциональных способов социализации индивида, приобщения к ценностям своего народа. Детей знакомили со священными верованиями, с основами ритуальной практики и их важными и нужными в жизни смыслами и установками. Ценностное, мировоззренческое, религиозное, экологическое, этическое и эстетическое – все здесь слито было воедино и образовывало тот духовный стержень, который и определяет гармоничное, полнокровное бытие человека, когда он пребывает в согласии с собой, с другими, со своими духовными священными покровителями, живущими в природе. Башкиры осознавали, что природа – не просто вместилище жизни, но и «хранитель» их бытия, их духа. Здесь происходит воспроизводство человека, его сущностных сил, плоти и души, с природой во многом связаны духовная состоятельность человека и устойчивость, непрерывность национального существования.

Ритуальная практика пронизывала народный быт. Народные церемониалы были безусловной ценностью, их берегли, передавали из поколения в поколение, защищали от вольного обращения и наполнения иными смыслами. С ними было привычнее, спокойнее и надежнее жить, в них сквозило стремление башкира быть в гармонии и согласии с окружающим его огромным миром, с самим собой и обеспечить тем самым безопасное и гарантированное природными покровителями личное и общественное бытие, настоящее и будущее детей.

Башкирский народ всегда бережно относился к своим сформировавшимся в ходе социокультурной истории ритуалам. Отсюда их удивительно образная и яркая поэтизация, метафоризация, кото-

рые оформились и сегодня существуют в народном сознании в виде ярких образов, метких пословиц и поговорок, обрядовых песен и поэзии (приговоров, присказок, речитативов, заклинаний, благопожеланий), в которых запечатлены не только первичные формы знаний башкир об окружающем их природном и социальном мире, древнейшие религиозно-мифологические представления, но и нравственные приоритеты, духовные смыслы и ориентиры, отражающие базовые традиционные ценности народа.

В деятельности современных башкир по обустройству собственной жизни в условиях наступающей глобализации и унификации жизни, в их нормативно-ценностных ориентациях на «этноидентичность», «традиционные ценности», «историческую память» народные ритуалы и церемониалы играют особую роль. Древние религиозно-мифологические смыслы этих ритуалов во многом размыты, но в их современных возрожденных вариантах просматривается нечто большее, чем просто акт этнографического любования. Это обретение утерянной гармонии со средой обитания, прикосновение к духу и духовности своего народа, объединяющих и память прошлого, и чувство настоящего, и уверенность в будущем. Особенно примечательны в этом плане ритуалы и церемонии, связанные с семейной жизнью, рождением, бракосочетанием и со смертью человека. Они вобрали в себя мировоззренческие ориентиры, религиозные требования, традиционные ценности и установки народа и передавались из поколения в поколение. Рационализированное мышление и миропонимание современного человека, кардинальные социокультурные трансформации не смогли вытеснить их из народного сознания и семейного быта. Без существенных изменений они дошли до наших дней и в неразрывном единстве с современными ритуальными действиями оберегают и утверждают духовно-этические смыслы самобытного национального существования уже в новейшей социокультурной истории башкир.

Примечания

1. Рахматуллина З.Я. Башкирский национальный дух (социально-философский очерк). С. 45-46.
2. Тэрнер В. Символ и ритуал. – М.: Гл. редакция восточной литературы изд. «Наука», 1983. С. 32.

3. См.: Тульцева Л.А. Традиционные верования, праздники и обряды русских крестьян. – М.: Знание, 1990. С. 37.
4. См.: Там же.
5. См.: Бикбулатов Н.В. Башкирский аул: Очерк общественной и культурной жизни. – Уфа: Башкнигоиздат, 1969; Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1978 и др.
6. См.: Бикбулатов Н.В., Фатыхова Ф.Ф. Семейный быт башкир. XIX-XX вв. – М.: Наука, 1991; Бикбулатов Н.В., Юсупов Р.М., Шитова С.Н., Фатыхова Ф.Ф. Башкиры: Этническая история и традиционная культура. – Уфа: Научное издательство «Башкирская энциклопедия», 2002.
7. См.: Султангареева Р.А. Башкирский свадебно-обрядовый фольклор. – Уфа: УНЦ РАН, 1994; Она же. Семейно-бытовой обрядовый фольклор башкирского народа. – Уфа: Гилем, 1998; Она же. Башкирский фольклор: семантика, функции и традиции: Т. 1: Миф. Обряд. Танец. Сказительство. Шаманский, религиозный, музыкальный фольклор. Современные традиции.
8. См.: Башкирское народное творчество. Т. 1. Обрядовый фольклор (На башк. языке). – Уфа: Китап, 1995.
9. См. подробнее об этом: Сулейманова Р.Н. Доисламские верования и обряды башкир. – Уфа: РИО БашГУ, 2005.
10. См.: Экологические традиции в культуре народов Центральной Азии. – Новосибирск: ВО Наука. Сибирская издательская фирма, 1992. С. 118.
11. См.: Башкирское народное творчество. Т. 12. Обрядовый фольклор. – Уфа: Китап, 2010. С. 201.
12. Рахматуллина З.Я. Башкирский национальный дух (социально-философский очерк). С. 50.
13. См.: Башкирское народное творчество. Т. 1. Эпос. С. 50.
14. Башкирское народное творчество. Т. 8. Песни (дооктябрьский период). С. 31.
15. См.: Башкирское народное творчество. Т. 1. Обрядовый фольклор (На башк. языке). С. 90.
16. Анимизм – исторический тип мировоззрения, характеризующийся верой в существование многочисленных духовных сущностей, либо враждебных, либо покровительствующих человеку и принимающих непосредственное участие в его жизни и судьбе.

17. См.: Башкирское народное творчество. Т. 1. Обрядовый фольклор (На башк. языке). С. 58.
18. Токарев С.А. О культе гор и его месте в истории религии // Советская этнография. 1982. № 3. С. 112.
19. Лепехин И. Указ. соч. С. 31-32.
20. Руденко С.И. Башкиры. Опыт этнологической монографии. Ч. 2. Быт башкир. С. 302-303.
21. Лепехин И. Указ. соч. С. 32.
22. Руденко С.И. Башкиры. Опыт этнологической монографии. Ч. 2. Быт башкир. С. 302.
23. См.: История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. С. 164.
24. См.: Башкирское народное творчество. Т. 2. Предания и легенды. С. 95.
25. См.: История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. С. 164.
26. Мажитов Н.А., Султанова А.Н. Указ. соч. С. 168.
27. де Бай И.А. Указ. соч. С. 20.
28. См.: Башкирское народное творчество. Т. 1. Обрядовый фольклор (На башк. яз.). С. 104.
29. См.: Башкирское народное творчество. Т. 1. Эпос. С. 173.
30. Лепехин И. Указ. соч. С. 58.
31. См.: Башкирское народное творчество. Т. 1. Эпос. С. 131.
32. См.: Башкирское народное творчество. Т. 2. Предания и легенды. С. 117.
33. См.: Башкирское народное творчество. Т. 1. Обрядовый фольклор (На башк. языке). С. 200; Башкирское народное творчество. Т. 12. Обрядовый фольклор. С.208-209.
34. Мажитов Н.А., Султанова А.Н. Указ. соч. С. 173.
35. См.: Башкирское народное творчество. Т. 1. Обрядовый фольклор (На башк. языке). С. 193-194; Башкирское народное творчество. Т. 12. Обрядовый фольклор. С.204.
36. Лепехин И. Указ. соч. С. 33-34.
37. Никольский Д.П. Указ. соч. С. 111.
38. Рахматуллина З.Я. Башкирский национальный дух (социально-философский очерк). С. 57.
39. См.: Янгузин Р.З. Хозяйство башкир дореволюционной России. – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1989. С. 181-182.

40. См.: Башкирское народное творчество. Т. 1. Обрядовый фольклор (На башк. языке). С. 117-121.
41. См.: Там же. С. 121-122.
42. См.: Янгузин Р.З. Указ. соч. С. 183.
43. См.: Башкирское народное творчество. Т. 1. Обрядовый фольклор (На башк. языке). С. 125.
44. Рахматуллина З.Я. Весна судьбы моей. Повести. Стихотворения. – Уфа: Мир печати, 2021. С. 275-276.
45. Народные приметы см.: Башкирское народное творчество. Т. 7. Пословицы, поговорки. Приметы. Загадки. С. 222-232.
46. Загадки см.: Там же. С. 236-327.
47. См.: Башкирское народное творчество. Т. 1. Обрядовый фольклор (На башк. языке). С. 227.
48. См.: Там же.

Глава 5. Башкирская семья как ценность

Издавна башкиры считали, что полноценная семья – это безусловная ценность, и каждый мужчина (женщина) во имя продолжения рода, упорядочения собственной жизни и межличностных отношений, обретения должного социального статуса и воспитания достойного подрастающего поколения был (а) обязан (а) вступить в брачный союз. «*У того, кто не женат, корни иссохнут», «Мужчина без жены – конь без узды», «Крылья мужчины – конь, крылья женщины – муж», «Не гаси отцовский очаг» и др.)* – говорили в народе. Счастливой или неудачной будет судьба семьи, смогут ли муж с женой пройти через все жизненные катаклизмы и испытания – многое, в понимании башкир, зависит от воспитания человека, от достоинств и недостатков избранника. *«Двое хороших поженятся – удача будет, хороший и плохой поженятся – терпимо будет, двое плохих поженятся – скверно будет»* – считали люди и с ответственностью подходили к браку.

В научной литературе вопросы семейно-брачных отношений в башкирском обществе рассматривались с самых разных дискурсов: историко-культурологических и этнографических позиций, через призму системы родства, бытовой обрядности и др. (1). По мере разложения родовой организации и постепенного перехода к оседлому образу жизни и культуре земледелия башкирская семья развивалась от большой патриархальной к малой индивидуальной (нуклеарной, объединявшей одну брачную пару и их детей) семье. В условиях полукочевого хозяйства, требующего совместных и слаженных усилий для должной организации быта, труда, ухода за табунами и домашними животными, безусловно, оптимальной была большая неразделенная семья, в которой были четко регламентированы обязанности и права каждого, а также этические взаимоотношения и этикетные нормы поведения домочадцев в соответствии с устоявшимися житейскими канонами (впоследствии и с требованиями шариата и адата).

Исследователи выделяют несколько типов неразделенных семей у башкир: отцовская, в которой совместно проживали родители с женатыми детьми и внуками, братская (в одном дворе жили женатые братья со своим семейством), а также семьи, которые состояли из женатых сыновей с детьми и одного из братьев отца (дядя – пле-

мянник) (2). В XVIII-XIX вв., например, у башкир параллельно существовали большие патриархальные и малые индивидуальные семьи (3). В земледельческих же районах, как правило, преобладали нуклеарные семьи. В частности, у башкир-скотоводов в районах Зауралья чаще встречались патриархальные семейные союзы, а оседлые башкиры Осинского уезда Пермской губернии, в Мензелинском и Бугульминском уездах жили малыми семьями (4). В современной башкирской социокультуре, наряду с малыми семьями, встречаются и неразделенные семьи, объединяющие пожилых родителей и семьи их детей.

Эпические произведения, предания и легенды, сказки, пословицы и поговорки, семейно-бытовые обряды, народный этикет сохранили историко-культурные особенности оформления брачных союзов в прошлой истории, требования к духовным качествам, правам и обязанностям, поведению супругов, и многие из них не потеряли своей актуальности для современности. О светлых чувствах, взаимной любви Урал-батыра и красавицы Хумай повествует эпос «Урал-батыр», в котором также определены принципы воспитания подрастающих поколений: уважение и соблюдение обычаев предков, гуманных социальных законов, бескорыстная помощь нуждающимся и защита больных и слабых, жизнь по законам честности и чести. В предсмертной заповеди людям и своим детям Урал-батыр произносит:

«На земле, очищенной мною,
Людям добудьте счастье земное;
… Сами стремитесь батырами стать;
Старших умейте почитать,
Их советом не пренебрегайте.
Но и тех, кто младше, не забывайте, –
Вам растить их и поднимать» (5).

Идея создания парной патриархальной семьи, появление которой, наравне с частной собственностью, как известно, явилось результатом дальнейшего развития первобытнообщинного уклада общества, прослеживается и в древнейшем эпическом произведении «Акбузат». А.Н.Киреев подчеркивает, что «народный эпос превращает тему борьбы за семью ... в один из основных мотивов... И вполне закономерно, что эту борьбу ведут народные батыры, ге-

рои, вобравшие в себя лучшие черты народа. Батыры отправляются в чужие края, возвращаются с невестой, табуном лошадей (собственностью) и, создав семью, закладывают основы новой жизни» (6). Эпический герой – не только защитник слабых и униженных, подвижник процветания родной земли и патриот, но и глава семейства, добытчик, мудрый отец и любящий муж. Смысл жизни человека – не только в его героических деяниях, в борьбе со злом, но и в том, чтобы прожить долгую, счастливую, добрую жизнь со своей любимой половиной, зачать, родить и воспитать детей, оставить после себя достойных потомков, способных продолжить дело отца.

Мотив создания парной семьи и борьбы за собственное счастье раскрывается также в мифологическом эпосе «Заятуляк и Хыухылыу». Через конфликт, происходящий между шестью старшими братьями и младшим Заятуляком, выделившимся среди других своей сверхчеловеческой, богатырской силой, отражаются происходящие в жизни общества изменения – процесс разложения родового строя и выделения моногамной семьи. Здесь также рождается новая для архаического общества идея любви как ценности. Переживший предательство своих братьев и навсегда покинувший родные края, Заятуляк встречает случайно девушку, пленившую своей красотой и вдохнувшую в него новые силы, новые жизненные смыслы. Желая быть навечно с ней, он готов идти на огромные жертвы: отречься от родной матери с отцом, покинуть самых близких друзей (коня и сокола), уйти с ней жить в подводное царство, даже лишиться жизни, если это будет необходимо, так как существование без нее уже подобно смерти. Идея любви к женщине в то же время тесно переплетена с патриотическими чувствами Заятуляка: впоследствии оказывается, что так же, как жизнь без любви, для человека не имеет смысла и жизнь вдали от Родины (7). Более того, Заятуляк «чувствует себя настоящим человеком лишь на родной земле вместе с родным народом. Счастье героя на земле, и табун лошадей может стать опорой жизни и осчастливить его только у себя на родине» (8). Подводный царь дарит зятю табун лошадей и благословляет молодую пару, но благополучная жизнь длилась недолго. Долг перед Отечеством, своим народом вынуждают героя вернуться в родные края. Увлекшись мироустройством, он не успевает вернуться к любимой к назначенному сроку, и молодая жена от тоски по мужу умирает. Заятуляк, потрясенный смертью своей любимой, теряет

все жизненные смыслы и лишает себя жизни. Это произведение стало своеобразным гимном великой возрождающей и в то же время губительной силе любви как одной из величайших человеческих ценностей, рассказывает о чистоте и священности светлых человеческих чувств. Эпос напоминает последующим поколениям, что любимых нужно беречь, ценить их верность, выполнять свои клятвы и быть сильными в любых драматических ситуациях, которыми испытывает человека судьба.

Безусловно, мифологические сказания «Урал-батыр», «Акбузат», «Заятуляк и Хыухылыу» раскрывают не только глубинные тайны мироздания, каноны космического мира, но и являются символом величия человека, его воли, стремления к творчеству добра, противостояния злу во всех его обликах, символом борьбы за справедливость, за общественное благо и за свое счастье, любовь, чувства. Наравне с такими высоконравственными чертами храброго воина-батыра, как честность и бескорыстие, справедливость и гуманизм, целеустремленность и неимоверная физическая сила, превозносятся еще и его личностные качества: мудрость, верность, преданность, способность беззаветно любить, бдительность, самостоятельность и умение глубоко продумывать серьезные решения, которые могут отразиться на жизни других людей. Эти памятники башкирского мифотворчества отражают процесс рождения и становления личности как единственного творца собственной судьбы и счастья, низвергающего образы и силу всемогущих богов, способного влиять на события, происходящие в мире.

В мифопоэтических сказаниях «Акбузат» и «Заятуляк и Хыухылыу» смысл человеческого бытия, заключающийся в борьбе за народное счастье, за достойную жизнь людей, дополняется появившимся личностным фактором, считающимся с интересами и чувствами конкретного человека. В жизненные задачи людей входит также достижение личного благополучия и счастья. Именно в создании надежной, сильной, крепкой, счастливой парной семьи на основе взаимного уважения, поддержки и любви как опорной ячейки жизни людей, основы для полноценного воспитания достойных сыновей и дочерей Родины, будущего своего народа, видели древние башкиры одно из главных предназначений человеческого существования еще на заре своей истории (9). Данная максима стала одной из ключевых в последующей этнической истории и философии

семейных ценностей башкир и сохраняет свою императивность в современных условиях.

В башкирском обществе строго действовал запрет на браки между членами родственного коллектива (в пределах рода) (экзогамия) во избежание негативных последствий от браков между кровными родственниками (рождение аномального в физическом и умственном плане потомства, этическая сторона вопроса и др.), а также в целях расширения социальных и культурных контактов с представителями других родов. Башкиры в прошлом категорически запрещали молодым поколениям создавать семьи в рамках одной локально-родственной общины в пределах семи поколений по отцовской линии: считалось, что только после седьмого поколения родственные связи обрываются и брак уже не представляет угрозы для здоровья детей (*«После седьмого колена нутро девушки меняется»*). По традиции башкиры должны были знать свою родословную до седьмого поколения. В народе предупреждали: *«Незнание своей родословной до седьмого колена – признак сиротства», «Тот, кто страну свою не знает, – невежда, тот, кто родословную свою не знает, – грешен».* Как правило, близлежащие поселения основывались представителями одного рода, и поэтому башкиры придерживались обычая выбирать невест из других аулов (из других родственных групп) (*«Коня и жену в своем ауле не бери»*). Подобная практика имела и определенную практическую ценность: дальнее расстояние было препятствием соблазну дочери вернуться в родительский дом (*«Не отдавай дочь в ближайший аул – со слезами к тебе вернется», «Сбежавший от хозяина конь плох, вернувшаяся в отчий дом девушка плоха»*). Приветствовались браки с представителями других мусульманских народов, что нашло отражение в ряде эпических произведений и легендах башкир: считалось, что подобные союзы благотворно влияют на обновление генофонда и играют большую роль в установлении добрососедских отношений с близкими по духу и вере народами. Заключение браков с представителями немусульманских народов в прошлом было достаточно редким явлением и разрешалось исключительно при условии принятия представителем иной веры, как правило, женщиной, ислама. В современном же поликультурном пространстве среди башкир растет число этнически смешанных семейных пар.

Среди имущих сословий в прошлом, как уже отмечалось, семейной нормой было многоженство. Достаточно длительное время в башкирском обществе практиковался левират, когда вдовы имели право вступить вторично в брачный союз с ближайшими родственниками умершего или погибшего в сражениях мужа – в первую очередь с его родными братьями. В соответствии с традициями подростков или юношей, не считаясь с их желанием, романтическими увлечениями, планами на личное будущее, могли принудительно женить на нелюбимой или взрослой женщине. *«Не топи дрова ольховые, не бери в жены вдову брата: у ольховых дров жара нет, у вдовы пыла нет»* – эта народная пословица стала выражением боли и горечи искалеченных судеб молодых людей, разрушенной мечты о взаимной и чистой любви, о счастье с любимым человеком.

Этот обычай лег в основу трагедии Мустая Карима «В ночь лунного затмения» (1963), действие которой происходит на земле башкир в XVII в.: башкирским родом, после гибели мужа, правит сильная и властная мать большого семейства Танкабика, следующая канонам традиции. Ее младший сын Акъегет уже обручен со своей любимой девушкой Зубаржат, а жена погибшего на военной службе старшего сына Юлмурзы Шафак осталась вдовой. По законам рода, Акъегет женится на Шафак, Зубаржат же насильно выдают замуж за 11-летнего ребенка-несмышленыша Ишмурзу, но молодые влюбленные восстают против левирата. Изгнанные общиной в безлюдную и полную опасностей степь, они уходят в «лунный свет», показывая соплеменникам, остающимся жить в плену жестоких обычаев как при лунном затмении, что за свое счастье нужно бороться, что затмение закончилось, проглотив темные времена, что жизнь продолжается. Пьеса была представлена на сценах около ста театров страны, по мотивам трагедии поставлены опера и балет, а в 1978 г. на Свердловской киностудии был снят художественный фильм «В ночь лунного затмения».

С.Г. Рыбаков отмечал, что у башкир «семейная жизнь хотя и построена на азиатской основе … на безусловном подчинении женщины, но [она] свободна от … гнета. Мужья не разыгрывают из себя деспотов по отношению к женам и представляют последним известную свободу от обрядностей, не подвергают их телесным побоям, за редкими исключениями…» (10). В то же время народное сознание, понимающее ответственность женщины за поведение

мужа и его отношение к себе, предупреждало: *«Не хули еду – стошнит, не хули мужа – забьет», «Если у женщин удлиняется язык, у мужчин удлиняется рука». «Если муж начнет честь твою топтать, плюнь на его богатство и уйди»* – говорили в народе. С.И. Руденко также отмечал, что в отличие от других мусульманских женщин башкирки были относительно свободными, а пожилые женщины пользовались в семействе большим авторитетом и влиянием (11).

Подготовка к будущей супружеской жизни начиналась еще в семье, в первом человеческом коллективе, с которым ребенок тесно связан до определенного возраста. Приучая своих детей жить в мире и согласии со своими близкими, приобщая к основам семейного этикета, взрослые формировали в подрастающем поколении навыки поведения в обществе. Мудрость старших выступала одной из реальных возможностей сохранения в чистоте духовного мира подрастающего поколения. Умное, возвышенное слово бабушки (дедушки), матери (отца) было авторитетом в вопросах жизненного просвещения и в воспитании культуры поведения в семье.

Родители с особой тщательностью и ответственностью относились к выбору спутников жизни своих детей, оценивали их родословные, поведение и характер потенциальных новых родственников, общественное мнение, особенно при выборе невесты для сына как будущей хранительницы домашнего очага (*«Глядя на погоду, топи печь, глядя на мать, выбирай дочь», «Не бери, кого хвалит отец: бери ту, кого хвалит аул», «Если берешь корову, смотри на копыта, если берешь жену, смотри на родословную», «Выбирай не глазами, выбирай ушами», «Весну видать по зиме, девушку – по родне»*). Решение о женитьбе в прошлом принималось на семейном совете, как правило, главой семейства. Выбор невесты (жениха) требовал взвешенного решения и одобрения обеих сторон (*«На жеребенке-стригунке на войну не езжай, за дурного человека дочь не отдавай», «Если растет сын, дружи с тем, у кого хорошая дочь, растет дочь – дружи с тем, у кого сын хороший»*).

Ряд авторов XIX – начала XX вв. описывают случаи, когда молодые люди до свадьбы не были знакомы, а родители договаривались между собой о размерах калыма и приданого невесты, однако случаи, когда молодые не знали друг друга до вступления в брак, по мнению современных исследователей, были крайне редкими.

Башкирский уклад жизни убеждает в том, что молодежь имела возможность общаться и знакомиться, даже устраивались специальные вечеринки, посиделки, в которых участвовали девушки и юноши. Были даже особые формы общения молодежи из окрестных аулов, когда девушек на выданье специально отправляли на время в гости к родственникам в другие аулы (12).

С юности молодым людям внушали*: «Берешь деньги – считай, берешь жену – испытай», «Чем садиться на плохую лошадь, лучше ходи пешком; чем брать плохую жену, лучше ходи в холостяках», «Красивая – для глаз, умная – для жизни», «Красота на свадьбе нужна, проворство на работе каждый день нужно», «Ленивую замуж не берут», «Хорошему коню кнут не нужен, трудолюбивой девушке сват не нужен», «Пусть кастрюля плоха, да был бы в ней суп; пусть девушка некрасива, был бы ум в голове»* и др. Девушек также целенаправленно готовили к семейной жизни, к выбору спутника жизни, взрослые женщины приобщали их к семейному этикету и управлению бытом и домашним хозяйством (*«Прежде чем выйти замуж, познай нутро своего жениха», «Надменная дева себе мужа не найдет», «Неважно, что егет беден, лишь бы он был истинным мужем», «От плохой девушки и рать убегает», «Доброе имя девушки тоньше волоса», «Дельная невестка и на снегу заставит котел закипеть», «Хорошая невестка по нарезанной лапше видна», «Плохая жена в родительский дом бегает»* и др.).

В народной ментальности особое место занимала и занимает ценность целомудрия, которое, несмотря на кардинальные изменения ценностных координат в современном обществе, остается одним из значимых среди башкирской молодежи критериев жизненного и сексуального поведения, а эти пословицы не потеряли своей актуальности и сегодня: «*Жену, увидев девушкой, бери, коня, объездив, бери», «Кто не любит кумыс, кто не хочет сосватать девушку?», «Хоть круговая, да дорога хороша, хоть слепая, да девушка хороша», «Хоть сорок лет невесте, но пусть будет девушкой».*

Настоящий мужчина по традиции внимателен и уважителен к своей жене, от которой зависят благополучие и покой в доме. Мифологический эпос, легенды и сказания, песенное творчество, сказочный фольклор башкир изобилуют описаниями возвышенной и верной любви к женщине, яркими образами влюбленных, защищающих чистоту и неприкосновенность своих чувств, право на лю-

бовь и счастье. В беззаветно и преданно любящих друг друга эпических образах Урал-батыра и Хумай, Хаубана и Нэркэс, Заятуляка и Хыухылыу, Абляя и Мактымхылыу, Кузыйкурпяса и Маянхылыу, Алдара и Зухры и др. народ выразил свою мечту об абсолютной взаимной любви, не омраченной сомнениями и не оскверненной физическими и нравственными уродствами. Любовь для башкир – ценностная основа жизни, обретение осмысленности своего пребывания в мире, возвышающее и облагораживающее начало*: «В мире красивых много, любимый – только один», «Возлюбленная дороже души», «Краса жизни – с любимым», «Любовь заставляет камень раскалываться», «Огонь любви и без масла горит», «Огонь любви жарче ада», «Там, где есть любовь, там есть и мука»* и др.

Любовь – это то вдохновенное, страстное состояние души, вырывающее человека из привычного и обыденного мира, заставляющее страдать и мучаться: *«У невлюбленного душа спокойна», «Любить – огонь глотать», «Любовь легко потерять, трудно вернуть».* Любовь в башкирской аксиосфере выступает как духовные истоки дружной, верной, гармоничной семьи, как живая, просветляющая и одухотворяющая сила, основа моральной отзывчивости, нравственного совершенствования, личностного и социального уважения, доверительных отношений между мужчиной и женщиной (*«Муж и жена из одного теста слеплены», «Домашние ссоры хуже вражеской напасти, если с соседом поскандалю – в дом войду; если с женой разругаюсь – куда пойду?»*).

Довольно редки были разводы (*«Пойти один раз замуж – обычай, во второй раз – позор на лице», «Разводиться – крыльям сломаться»*). Негативное отношение было и к супружеской неверности: паремическое творчество народа сохранило пословицы-предупреждения и афоризмы, предостерегающие от опрометчивого и греховного шага (*«Блудливый счастья не найдет», «Верный муж стране угодил, верная жена мужу угодила», «В доме, куда вошел блуд, не будет благополучия»*), особенно этот порок считался недопустимым для женского начала. *«Кобыла не заржет – жеребец не отзовется», «У сита, которое по стране таскается, дно дырявое»* – иронизировали люди.

Традиционно главой семьи считался мужчина, отец, пользующийся непререкаемым авторитетом как организатор хозяйственного уклада, главный защитник, добытчик и кормилец, распоря-

дитель имущества, оплот незыблемости семейных традиций (*«В голове ребенка одна забота, в голове отца тысяча забот»*). В его обязанности входила помощь в обустройстве хозяйств создавших семью старших детей, а родительский дом, хозяйственные постройки, имущество и скот, по обычаю, доставались младшему сыну (*«Отчий дом – принадлежность младшего»*). Для дочерей заблаговременно готовили приданое, которое включало скот, предметы быта, постельные принадлежности, одежду, украшения, деньги и др. Размеры приданого, как и калыма, обговаривались во время сватовства и зависели от социально-экономического положения сторон. Значительную часть калыма составляли скот, одежда, в том числе и свадебный наряд невесты, деньги, украшения, подарки для матери невесты и родни, продукты для свадебного стола и др.

Строгой регламентации возраста брачующихся не было: главное, чтобы молодожены могли физически и духовно создать брачный союз, зачать, родить и воспитать здоровое потомство, на должном уровне и ответственно выполнять свои обязанности (*«Ничего, что жених молод – лишь бы с умом был»*). С учреждением в конце XVIII в. «Уфимского духовного магометанского закона собрания» (с 1796 г. – Оренбургское, в 1846-1917 гг. – Оренбургское магометанское духовное собрание) усилилось влияние на башкир российского гражданского законодательства, проявившееся, в частности, в запрещении встречающихся на практике ранних браков (особенно для женщин).

К концу XIX в. в башкирском обществе бытовали представления о том, что девушки должны вступать в брак в возрасте 16-18 лет, юноши – 18-20 лет, однако служители культа и родители преимущественно из бедных семей находили способы обходить эти запреты и выдавали замуж девушек в 13-14 лет, как правило, за большой калым. Калым, по мнению исследователей, – это своеобразная плата за невесту (скот, одежда и украшения для молодой жены, дорогие подарки для матери, родившей и воспитавшей невесту, и др.) (13). Исторически калым был не только своего рода компенсацией роду невесты (родителям) за потерю женских рабочих рук и имущества (приданого), которое отчуждалось в семью мужа, но и своеобразным вкладом в будущее хозяйство молодоженов. Иногда калым был препятствием для создания семьи молодыми людьми из бедных семей (*«За кого бы только ни вышла замуж девушка, на ком бы ни женился*

егет – если бы не калым!»). Паремическое творчество башкир сохранило яркое изречение, как бы приписываемое молодым девушкам, которых зачастую из-за внушительного калыма насильно выдавали замуж за богатых и немощных стариков: *«Хоть у мужа-старика калач за пазухой, да он кровью пропитан, молодой держит плетку за пазухой, да она медом пропитана».* Довольно часто родители шли навстречу своей дочери, и калым имел чисто формальное наполнение (*«Если дочери жених по душе, отдай без калыма»*).

В прошлом у башкир существовал обычай умыкания невесты, как правило, с предварительного согласия девушки и ее семьи, что во многом облегчало процедуру свадебных церемоний, уменьшало расходы, нивелировало проблему калыма. Отношение к этому явлению было довольно противоречивым, общественное мнение, стоящее на страже строгой хронологии обязательных свадебных ритуалов (традиционное сватовство и др.), обычно осуждало умыкание (*«Умыкнутая девушка – опозоренная девушка»*). В настоящее время калым, как и приданое, носит чисто символический характер и является ритуализированной составляющей свадебных церемониалов.

Семья, по мнению башкир, – это союз двух любящих друг друга людей, которые берут на себя величайшую ответственность перед собой, супругом, родителями, обществом за достойную жизнь, за воспитание добропорядочных детей. *«Каждый человек рожден со своей парой», «Души двух молодых едины, как и узел шелковой нити»* – говорили башкиры. Эта же мысль вложена в слова Старшей Матери из «Долгого-долгого детства» Мустая Карима, деревенской повитухи, олицетворяющей собой многовековую мудрость и житейский опыт народа: «Дети человеческие от матери только половиною рождаются. Ладного человека я в мир принимаю, руки-ноги целы, глаза-голова на месте, а у самой душа болит: «Эх, бедняжка, – думаю, – найдешь ли свою половину? Уж только бы нашел…». А если не найдутся, не сойдутся бессчастные люди, то, как вот эти бесчисленные звезды, – блуждать будут, Земле мигать, а друг друга не видеть. И соединить их не во власти даже бога всемогущего. Было бы во власти, не ходило бы по миру столько одиноких душ. Вон Ак-Йондоз и Марагим… Из двух половин одну душу должны были составить. Не встретились вовремя и теперь блуждают, томясь бесконечным ожиданием» (14).

Семья – уникальное явление. Ее своеобразие состоит в том, что в одном жизненном пространстве вдруг встречаются и начинают жить вместе, под одной крышей, два совершенно разных человека, две индивидуальности, отличающиеся друг от друга не только физиологически, но и по жизненной мудрости и опыту, и по состоянию духа, и по социальному статусу, и по принадлежности к разным семейным традициям. Даже различия в психике у них существенные. Как известно, любая «супружеская война» (за лидерство в семье, за перевоспитание супруга и т. д.) изнурительна и безрезультатна и, как правило, завершается поражением любви, крушением супружеского счастья, семейного благополучия, оборачивается искалеченными судьбами домочадцев, особенно детей. «*Корова, лягаясь, лошадью не станет, жена, ругаясь, хозяином не станет», «Оглобля в тряске лошадью не станет, жена, беснуясь, мужем не станет», «В доме без хозяина не будет изобилия», «Муж, если умеешь с ним жить, – муж, если не умеешь, – хворь», «Не брани хана, что далек, – рука его тебя достанет, не брани мужа, что глуп, – гнев его тебя достанет»* – предупреждала народная мудрость жену, от которой во многом зависели благополучие семьи, доброжелательная и теплая атмосфера в доме.

Как известно, для брака и семьи важным является как личное уважение к другому, основанное на любви и симпатии, так и социальное уважение – признание за индивидом его человеческого достоинства, права на счастье и доброе отношение, права на индивидуальность, на желание быть самим собой. Башкиры понимали, что семейная жизнь – не только идиллия, радости и наслаждения, но и неприятности, споры, ссоры, конфликты и слезы. Легко и удобно жить со спокойным, бесконфликтным человеком, а как быть, если буквально через короткий промежуток совместной жизни идеальный образ избранника перечеркивается реальным образом грубого, несамостоятельного, слабохарактерного человека, а красивая невеста превращается в сварливую жену, не умеющую ни готовить, ни содержать дом в чистоте и порядке? Вот здесь и приходит на помощь социальное уважение – терпимое и снисходительное отношение к спутнику жизни как к индивидуальности, как к обыкновенному, земному человеку с иными вкусами и интересами, достоинствами и пороками.

Башкиры понимали, что социальное уважение дает возможность считаться с неповторимостью другого человека, мириться с его недостатками, если, конечно, они не угрожают семье, заставляет ограничивать личные интересы, обуздывать свои амбиции, объективно и безболезненно, без унижений и оскорблений разрешать те или иные спорные вопросы, не доводя их до ссор и конфликтов. Из чуткости, деликатности, взаимного уважения, такта и корректности складывается непростая мозаика семейного счастья, а любовь без социального уважения душит, давит, губит.

Если супруги озабочены только мыслями о себе, о собственных чувствах, не считаются с особенностями характера и психического склада того, кого судьба преподнесла в спутники жизни, то их союз не имеет будущего. Мудрые супруги взаимно приспосабливаются друг к другу и адаптируются к жизненным условиям, желая найти наиболее гармоничные способы сосуществования под одной крышей. Как известно, семейные недоразумения, разногласия и споры, неизбежные в жизни, являются иногда и определенным благом. Культура в семейных отношениях, как считали башкиры, является тем инструментом, который помогает обходить острые углы в жизни, а выполнение ее требований способствует формированию образа «хорошей жены» и «хорошего мужа». Народные пословицы в образно-лаконичной и эмоционально-экспрессивной форме выразили представление о настоящей женщине, умелой хозяйке дома, жене, доброй, заботливой матери, хранительнице домашнего очага, воспитательнице детей в одном лице: *«На прилежной жене дом держится»,* «*И добро, и зло семейной жизни – от женщины», «Если жена хорошая, то и рая не нужно», «Хорошая жена из ничего сготовит и накормит, плохая – последнюю лошадь зарезать заставит», «У непутевой жены непослушные дети».* Положение мужчины в обществе, его ухоженный вид, успехи народное сознание связывало с мудростью жены, ее умением вести домашнее хозяйство, организовывать уютный семейный быт, решать семейные проблемы (*«Если жена хорошая – на аргамака взойдешь, если плохая – в могилу сойдешь», «Мужа хорошей жены по одежде видно», «И мужем сделает жена, и в прах превратит жена», «Коль жена проворная, то и муж упорный», «Доброе имя – благодаря жене», «Если жена неповоротлива, то и муж ленив», «Хорошая жена –*

утеха для души, плохая – в голове кол», «У нерадивой хозяйки и работа не кончается, и еда не готовится» и др.).

Мудрая жена, по представлениям башкир, не роняет авторитета главы семейства в присутствии детей и посторонних, высказывает замечания наедине в продуманной и необидной форме, в любой жизненной ситуации сохраняет чувство собственного достоинства, а сохранение достоинства – это не только не терпеть унижений, оскорблений и издевательства со стороны мужа, но и самой не допускать недостойных поступков по отношению к нему. Народное сознание, в свою очередь, предупреждало молодых людей, чем может обернуться в их семейной жизни брак с «плохой» женщиной: «*Каждому – одна смерть; кто женился на паршивой жене – две смерти», «Острый нож, жирное мясо – застолье украшают, плохая жена, ленивый конь – мужа раньше времени в могилу сводят», «Плохую лошадь можно продать, плохую собаку подстрелить, с плохою женою как быть?»* Муж также должен был помнить следующее: *«Если муж трудяга, и жена проворна, «Если муж умен, и жена покладиста», «Если хлеб уродится – от земли, если женщина счастлива – от мужа», «Непутевый муж – хуже зубной боли», «От бестолкового могут дети родиться, но чему он их может научить – разве что в горе биться?»*

Бытовые заботы ложились на женские плечи, а воспитание детей было священной обязанностью обоих родителей: башкиры понимали сложность и возложенную на них ответственность (*«Дитя воспитаешь – в огне и воде побываешь»*), ценили значимость полной семьи в формировании подрастающего поколения (*«Для птицы-сокола небо дорого, для скачущего коня степь дорога, для отца-матери дитя дорого», «Без отца сына трудно растить, без матери дочь трудно растить», «Дитя без отца – наполовину сирота, а без матери – круглый сирота»*). Родители понимали, что будущая судьба ребенка, его жизнь среди людей, нравственные ориентиры, умения и навыки в хозяйственных вопросах, представления о «хорошем отце» и «хорошей матери», гармоничных семейных отношениях и др. напрямую связаны с теми уроками, которые они получали в общении с ними (*«Каков отец, таков и сын», «Не умеющий стрелять на отца будет обижаться», «Сын, получивший отцовское воспитание, не пропадет», «Глядя на отца, сын стрелу будет строгать, глядя на мать, дочь шубу будет кроить», «Дитя*

злого человека жестоким вырастает», «Если мать на дерево лезет, дочь на сук карабкается» и др.).

На протяжении веков башкирские семьи охраняли, сохраняли и передавали от поколения к поколению каноны и требования народной педагогики, главными смыслами которой были истины, выстраданные многовековой историей: (*«То, что не вошло с молоком матери, с молоком кобылы не войдет», «Сумел воспитать ребенка – радость, не сумел – беда», «Вина ребенка – вина родителей», «Хорошее дитя становится стране отцом, плохое – врагом»*). Оригинальная педагогическая культура башкирского народа объективировалась в конкретной практике семейного воспитания, осуществлявшегося в контексте реальной трудовой деятельности, межличностного общения, бытовых взаимоотношений. Именно в семье прививается любовь и уважение к собственной культуре, родному языку, неравнодушие к истокам, корням, уходящим не только в личное, семейное прошлое, но и в судьбы и память своего народа.

Народная педагогика очертила круг конкретных требований к организации воспитания (*«Будешь ребенку потакать, сам ребенком станешь», «Если хочешь испортить ребенка, хвали его», «Избалованное чадо подол пачкает», «У иноходца пот не просыхает, а у баловня – слезы»*). Не приветствовались жесткие, унижающие ребенка методы воспитания, ругань и рукоприкладство: *«Много не брани – безвольным сделаешь, много не запрещай – вором сделаешь», «Ребенка будешь медленно гнуть – своим сделаешь, будешь разом гнуть – сломаешь», «Не бей ребенка по голове – дурнем сделаешь», «Ребенка успокаивай не побоями, успокаивай уговорами».* Особое отношение было к девочкам. *«Дочь, которую бьет отец, будет несчастливой»* – предостерегала народная мудрость.

Большое значение в семье уделялось формированию в подрастающем поколении основ эстетической культуры, способности оценивать окружающую действительность с точки зрения идеалов гармонии, совершенства и изящества, творить мир и себя по законам красоты. Эстетическое наполнение приобретали самые различные сферы жизнедеятельности башкир: труд, быт, межличностные отношения. Детей с детства приучали к чистоте и порядку в доме, умению качественно и красиво выполнять порученное дело, приобщали к нормам и правилам красивого поведения. Эстетическое просвещение и воспитание детей, осуществляемое взрослыми,

предполагало обязательное овладение искусством опрятно и со вкусом одеваться (*«Человека в плохой, неопрятной одежде и собака кусает», «Если наряжаться умеешь, ты – цветок, если не умеешь – урод»*), предостерегало от равнодушия и привыкания к антиэстетическим явлениям, неряшливости и беспорядку в быту, к грубости и хамству в поведении и общении. Идеалом для подражания выступали образы народных батыров и красавиц из произведений устного поэтического творчества, олицетворяющих неразрывное единство внешней красоты и духовного совершенства.

Воспитанность человека в народном понимании, наряду с нравственностью и развитым чувством прекрасного, предполагает гармоничное сочетание благородного характера и эстетически развитой души с образованностью.

В башкирском обществе грамотный, образованный человек пользовался особым уважением и авторитетом. *«Сто глупцов не стоят ногтя одного умного»* – говорили в народе. Грамота считалась «ремеслом на всю жизнь», а отсутствие ума приравнивалось к бедности. Развитие умственных способностей ребенка являлось одним из приоритетных направлений семейного воспитания. Первые сведения об истории своего племени, народа, о национальных героях, о культуре, о природе края и его богатствах, о растительном и животном мире, географические, астрономические, медицинские знания ребенок получал в семье. Детей учили основам арифметики, чтению и письму, по возможности отдавали обучаться грамоте в школы (медресе). *«Красивый увлечет за собой одного, умный – тысячу»* – рассуждали люди и считали, что достойный сын (дочь) – это не только образованный, но и использующий свои знания и умения на добрые дела человек.

Особой деликатности и тактичности в большой башкирской семье требовали взаимоотношения между супругами и их родителями, особенно если они (тем более, вместе с внуками) живут под одной крышей. Как правило, в детские годы человек ищет и находит опору у родителей, а в будущем становится их главной опорой и надеждой. Благодарные дети, уже сами ставшие родителями, всегда помнят добро и тепло тех, кто дал им жизнь, заботливы и внимательны, доброжелательны и терпимы к старшему поколению. Многие сохраняют бодрость, жизненную энергию, физическую силу, некоторые встречают старость с болезнями; одни кажутся спо-

койными и уравновешенными, другие – раздражительны, вспыльчивы, капризны. Уважительное отношение к старости как ценностная установка, признательность, забота и внимание к взрослым родителям были законом в башкирском обществе (*«В доме, где есть старшие, есть благородство; в доме, где есть старуха, есть веретено», «В мире найдется все, кроме отца и матери» и др.*).

Башкиры помнили о том, что именно семейное окружение изначально культивирует в подрастающем поколении уважительное отношение к родителям, взрослым поколениям, формирует такие гуманные качества, как сострадание и милосердие, доброта и отзывчивость. В свою очередь, родители личным примером и поведением должны были демонстрировать своим детям каждодневную заботу о взрослых: *«Достигшего шестидесяти лет отца не превращай в раба – когда-нибудь сам рабом станешь», «Один отец девятерых сыновей прокормит, девять сыновей одного отца не прокормят», «Дочь не будет дочку иметь, если не знает цену матери, сын не будет иметь сына, если не знает цену отцу», «Пока родители живы, проявляй к ним уважение, а умрут – похорони с почтением», «Остерегайся сына, поносящего отца, остерегайся дочь, поносящую мать».* Поучительны в данном контексте образы двух братьев – Урал-батыра, оставшегося верным наказам отцу, и Шульгена, ослушавшегося его, из эпоса «Урал-батыр». *«Неверный завету отца, непослушный словам матери – вовеки воином не станет»* – предостерегала народная мудрость.

«Если даже от голода будешь помирать, мать и отца не забывай», «Благословление родителей не даст в воде утонуть и в огне сгореть», «Проявляющий почтение к родителям сам от детей будет иметь почтение» – эти истины с малых лет вкладывали в сознание ребенка. Основы будущего нравственного «я» берут начало из детства: башкиры считали, чем духовнее будут воспоминания о нем, тем более вероятней будет и нравственная состоятельность взрослого человека. Благородные духовные качества собственных детей – основа будущей полноценной жизни родителей в тепле и заботе, необходимое условие их надежной старости. *«Чем ты платил матери и отцу, тем тебе и заплатят»* – предупреждала народная мудрость.

В башкирском сказочном фольклоре есть поучительный сюжет «Старая мать» о жадном сыне, который решил избавиться от старой немощной матери и сбросить ее, «старуху-дармоедку», в пропасть. Посадил он мать в дырявое корыто и пошел в лес, взяв на подмогу малолетнего сына. Только хотел сбросить ее в пропасть, сын закричал: «Отец, постой, корыто не упусти, унесем его домой!». «Зачем тебе дырявое корыто?» – удивился отец. «А в чем же я тебя, когда состаришься, притащу к этой пропасти?» – в свою очередь удивился мальчик. Ужаснулся неблагодарный сын. «Худо дело, коль и впрямь так получится», – подумал он, повез мать обратно и стал заботливым, почтительным сыном (15). Данная тема стала основой многочисленных литературных интерпретаций и активно используется в современном воспитательном процессе:

Дырявая память

Давным-давно в седые времена
Настигла смерть джигита из засады.
Осталась юная жена совсем одна
С сынишкой маленьким – единственной отрадой.

Ночами не спала, доила кобылиц,
Ткала ковры, за пчёлами смотрела
И имя берегла от сплетен-небылиц,
Любовь к мужчине сыном заменила.

Сын быстро рос, обласкан был и сыт,
Кумыс всегда и чаша бишбармака,
Здоров, красив, силён, обут, одет,
На кошмах и подушках – мать-хозяйка.

Но время, как стрела, летит вперёд,
Стареет мать, и сын теперь с невесткой
На ту, что внуку песенки поёт,
Косятся зло. Она пустое место,

Мать старая мешает только жить,
Ворчуньей стала, помогает редко,
Черна, как тень, худа, все бдит, не спит
Постылая старуха-дармоедка!

Забыл он все: её добро, любовь…
И встав однажды утром, спозаранку,

Свою родную мать, родную кровь,
Сын посадил в дырявую лоханку.

В ту самую, в которой в детстве мать,
Его купая, песни напевала.
И юность вдовью как не вспоминать!
Судьбу свою слезами заливала...

Скорей, скорей, дорога не близка,
Ждут дома гости, мясо и застолье.
Пошёл к горе и взял с собой сынка,
Чтоб сбросить мать ненужную в ущелье.

Какие думы были в голове
У седовласой матери в лоханке?
Обида, боль, молитвы о любви
В сыновней умершей давно душе-поганке?

Молчала мать, молчал и сын, и только
Внучок по-детски щебетал от счастья:
Все сказочно вокруг для глаз ребёнка,
И руки греют бабушкины яства.

И вот гора: все близится к концу,
Лоханку вниз – и нет душевным мукам!
«Стой, подожди, – кричит малыш отцу,
Хватаясь за бессовестную руку. –

Оставь лоханку, вновь послужит нам,
Добротная, и дырку залатаем».
«Зачем тебе дырявая лохань?» –
Ворчит отец, его не понимая.

«Ты что, отец, вот вырасту большим,
Лоханки дно бараньим жиром смажу,
Тебя, беззубого, с внучком твоим родным
Сюда и привезем, чтоб сбросить в пропасть так же!»

Внук бабушку любимую обнял,
Наполнилась округа детским смехом.
Сын онемел, дар речи потерял:
Пронзило сердце, словно саблей, эхом.

Схватил вдруг мать, к груди своей прижал,
Смахнул лохань ногой он с кручи горной,
Со старой матерью в руках сын побежал
В аул родной как с ценностью бесценной.

За ними мчался следом малышок,
Не смог догнать, заплакал на полянке.
И одного понять никак не мог:
Как жить теперь в хозяйстве без лоханки? (16).

Особой ценностью в башкирской семье были родственные связи и отношения (17). *«Родственники нужны и при рождении, и при смерти», «Если родня в сорока домах живет, то уж голод тебя не возьмет», «Родич без родича не проживет» ,«Для кочевки луг хорош, для совета брат хорош», «Пусть в семи аулах живут семеро твоих сородичей», «Шестерых братьев, что объединятся, даже волки боятся», «От родственников не отрекайся – потомство иссушится», «Отец есть – мужи признают, родственники есть – мир признает»* – эти поговорки не потеряли своей актуальности и сегодня. Народная мудрость напоминала и о необходимости равновеликого отношения к родственникам с обеих сторон: *«Родственники жены – у котла, родственники мужа – у порога».*

Сильные, сплоченные и дружные родственники были поддержкой и опорой в горе, испытаниях и радости, в ведении хозяйства, в быту, в противостоянии социальным и личным бедам, голоду, при защите имущества от разного рода посягательств в кочевом и полукочевом мире, полном угроз и набегов соседних племен. Коллективная «родовая сила» была средоточием родовой памяти, духовным истоком, приобщающим к священным символам и смыслам. Детям и молодежи целенаправленно прививали родственные чувства, знакомили с дальними родственниками, устраивали встречи, рассказывали знаковые истории из жизни семейного клана и приобщали к существующим в народном сознании запретам (*«Глядя на гору, горой не становись, близким и родным врагом не становись», «Егет, променявший кобылу на лошадь, в бедности погрязнет, егет, променявший родных на чужих, в одиночестве угаснет», «Если родственники живут в согласии – будет много лошадей; если жены братьев живут в согласии – много пищи и еды»*). Башкиры дорожили родственными отношениями и предупреждали тех, кто пренебрегает ими (*«Как мне судить твою дружбу – не пришел в дни радости; как мне судить твое родство – не пришел в дни горести», «Когда родственники между собой ссорятся, для чужих – веселье», «Плоха девушка, что не любит мать родную, плох сын,*

что не любит родню кровную», «Хуля аргамака, где найдешь тулпара? Хуля родственников, где найдешь их ближе?», «Не дорожащий родным братом и у чужого уважения не познает»).

В башкирской семье, как правило, напряженность между родственниками чаще всего возникала во взаимоотношениях между старшей из женщин (свекровью) и новым членом семьи (невесткой). *«Если невестка – свекрови не угодишь, если свекровь – невестке не угодишь», «Телега из коры сильнее скрипит, старая свекровь сильнее ворчит», «Привередливая свекровь и на яйце шов найдет», «У самой невестка плоха, а у дочери свекровь плоха»* – эти пословицы выросли из реальной жизненной практики. В традиционной башкирской семье невестка подчинялась свекрови, без ее разрешения запрещалось навещать собственных родных и знакомых. Существовал ряд запретов относительно поведения молодой женщины в присутствии взрослых мужчин (свекра) и внешнего вида: она не могла, например, показывать волосы, расчесывать и заплетать косы при посторонних (18).

Паремическое творчество народа сохранило афоризмы, рисующие безрадостную судьбу многих невесток в прошлом, попавших в семьи, где старшие женщины особо не отличались жизненной мудростью и доброжелательностью: *«Судьба невестки – собачья судьба», «В дом свекрови вступила – горе вкусила», «Если в дом пришла беда – невестку будут винить», «Невестка унижена – к поденщице приравнена, свекровь сыном возвышена – к губернатору приравнена», «Про свой затылок не знаю – у свекрови он черный»*.

Отцы обычно были спокойнее и доброжелательнее, и они довольно редко вовлекались во внутрисемейные конфликты и вторгались в жизнь молодых. Как правило, нового родственника и члена семьи (невестку, зятя) мудрые родители старались всегда поддерживать, тем более, если он будет прав. Все родители мечтают о благополучии и семейной устроенности своих детей и связывают их счастливую семейную жизнь с основательностью и благоразумием женского начала, и поэтому в народе с надеждой говорили: *«Если невестка входит в дом, пусть нога ее будет легкой», «Хорошая сноха – сноха, плохая – погибель»*.

Родители радуются и страдают вместе с молодыми, если возникают разногласия у молодой пары, чаще всего откликаются на доброжелательность невестки или зятя. Оберегая родителей, моло-

дые старались не огорчать их и нести им всю мелочь собственных будничных неурядиц и неприятностей. У каждой семьи были свои взаимоотношения, этикетные нормы общения и поведения. Несмотря на зачастую негативную жизненную практику, в целом в башкирских домах была благожелательная духовная атмосфера, в которой важную роль играли женщины. Народное сознание на протяжении веков выкристаллизовывало достаточно жесткие предостережения-требования, предъявляемые к свекрови: *«Кто не умеет прясть шелк, треплет шерсть; кто не умеет обращаться с невесткой, убирается в доме», «Невестка по следам свекрови пойдет», «Ленивой свекрови – неряшливая невестка», «Нелюбимый сын дом будет держать, нелюбимая невестка жизнь твою будет поддерживать», «Опираясь на молодую березу, старая сорок лет прожила»*. Невестка в свою очередь должна была помнить, что свекровь – старшая, почетная, опытная хозяйка дома. С ней следует советоваться по вопросам домоводства, хозяйственных нововведений, поскольку пожилой человек всегда испытывает удовлетворение, если чувствует свою полезность и может внести вклад в жизнь семьи, а на семейных торжествах, за праздничным и обеденным столом она должна занимать почетное место. Дом, в котором молодая пара живет со взрослыми родителями, – это общий дом всех членов семьи, в который никто не должен приходить на все готовое и где никто не имеет права рассчитывать только на чужой труд. Более того, мудрая невестка всегда найдет общий язык даже с властной свекровью, никогда не повторит свой негативный опыт «тяжелой жизни снохи» и будет снисходительна и уважительна к своей будущей невестке (*«Пришла к свекрови – познала горе, свекровью стала – горем воздала»*).

В башкирском доме всегда придерживались неписаных этикетных законов: мудрые родители не осуждали зятя перед дочерью, невестку перед сыном, не жаловались на молодых знакомым и гостям. Опираясь на свой жизненный опыт, они помогали детям в воспитании внуков, приучали их к труду, знакомили с семейными ценностями и родовыми преданиями, с родной культурой. В настоящее время «институт бабушек и дедушек» является одним из действенных механизмов воспитания любви к родной культуре, приобщения подрастающих поколений к родному языку и нормам народного этикета.

Человек, проживая свою судьбу, прорастает через три семьи: родительскую, которая была для него первой школой межличностного общения и где лучшими учителями жизни стали родители, свою личную, в которой он кузнец собственного счастья, и семью детей, в которой живет печалями и радостями своих сыновей, дочерей и внуков. В конечном итоге люди приобретают не только богатый жизненный опыт, но и тесный круг родных и близких людей, старых и новых родственников, сосуществование и общение с которыми также требуют выполнения определенных правил, чтобы жизнь вместе, в единой семье, стала приятной и благодатной для каждого.

Башкирская семья в современных условиях испытывает на себе все те многочисленные проблемы, которые характерны для меняющегося мира постмодерна: снижение рождаемости, вопросы этнокультурной идентификации в смешанных браках, отчуждение от духовных истоков, незнание родного языка и др. В сложившейся ситуации учреждения культуры и образования, башкирские национально-культурные и общественные объединения ведут системную просветительскую и воспитательную работу по сохранению традиционных семейных ценностей, реализуются многочисленные творческие проекты, организовываются праздники и конкурсы.

1 марта в республике отмечается День башкирской семьи, ежегодно проводится республиканский конкурс «Образцовая башкирская семья», организаторами которого являются Министерство культуры, Министерство семьи, труда и социальной политики Республики Башкортостан, Всемирный Курултай башкир и Дом дружбы народов Республики Башкортостан. Цель конкурса, в котором принимают участие сотни семей не только из республики, но и из регионов компактного проживания башкир, – сохранение и развитие культуры башкирского народа, его традиционных ценностей, укрепление института семьи и брака в современном обществе, экология башкирского языка, оказавшегося сегодня, по данным ЮНЕСКО, в опасности (как и многие родные языки).

Каждый уважающий себя человек должен знать свой родной язык. Эта истина веками прописывалась в мудрых мыслях историков и языковых исследованиях, воспевалась в поэзии и прозе, анализировалась в философских трактатах, доказывалась известными педагогами. У истоков знания родного языка в урбанизированном и глоба-

лизирующемся мире, что очевидно сегодня, – родители (дедушки и бабушки). Семья – это главное жизненное пространство, где родной язык должен быть обязательным. Задача взрослых поколений – обучать детей родному языку, а социальным институтам, занимающимся лингвоэкологией, – продолжать, развивать, обогащать то, что в идеале должно закладываться в первую очередь семьей.

Сегодня в обществе, к сожалению, наметилась негативная тенденция: башкиры, которые живут в городской среде, не знают родного языка, и постепенно это отчуждение от своей родной культуры становится устойчивой тенденцией. Дошло до того, что для многих носителей этнического языка собственный родной язык вдруг начинает приобретать статус иностранного. Тем не менее есть реальные и простые механизмы сбережения родного языка: родители приобщают к языку своих детей, те – своих, и жизнь языка, дополненная школой и социокультурой, не прерывается. Язык живет, когда на нем думают, читают, пишут, разговаривают, поют, когда есть его знаковое оформление. Кстати, принятый федеральный закон о добровольном изучении ребенком родного языка на основе заявления родителей или законных представителей как новая парадигма организации национального образования (19) – это «проверка» родителей на истинную этничность, на ответственность за языковое настоящее и будущее своих детей. Из ребенка, не знающего родного языка, вырастет одномерный человек, «гражданин мира» без собственного национального лица и языка. С одной стороны, задача каждого, кто имеет отношение к сохранению родного языка – внести свою просветительскую лепту в выбор родителей, которые должны понимать, что язык оказывается в реальной опасности тогда, когда в семье к нему перестают приобщать детей. Именно подрастающее поколение должно «подхватить» очередную языковую эстафету. В свою очередь, финансирование проектов и программ, работающих на сохранение и развитие языков, подготовка креативных и творчески мыслящих учителей, обеспечение лицензированными учебниками, поддержка национальной культуры, искусства, средств массовой информации и др. – это обязательные полномочия государственной власти (20).

Башкиры с детства воспитывали в молодых поколениях уважительное отношение к языку, культуру речи, речевой этикет. Родной язык в народном понимании – механизм этноидентификации. *«Род-*

ной язык – свой язык, куда ни пойду, всюду друзей найду» – говорили башкиры. В народном понимании язык – такая же ценность, как отчий дом, родители, память о предках, родная земля. Каждый уважающий себя и свой народ человек и по канонам природы, и по законам человеческого общества должен знать его, а истоки знания родного языка – это семья, родители, старшее поколение. Данная аксиома веками выкристаллизовывалась в фольклоре, звучала на йыйынах, народных собраниях, где обсуждались и решались судьбоносные социальные вопросы, передавалась из поколения в поколение. Родному языку посвящались легенды, песни и стихотворения:

Родному языку моему

Родной язык мой предками рождён,
В нем топот гулкий табунов степных.
И клёкот журавлей, и бег времён,
Взгляд аксакала, сабель звон стальных,

Курая переливы за окном
И звуки колыбельной за шаршау.
И песни добрые за праздничным столом,
Накрытым у подножья Торатау.

В нем свет луны, добро, пчела в цветке,
В нем прошлое и солнце, что взошло,
И слово мудрое на этом языке
До нас, потомков, сквозь века дошло:

«Язык родной – священный отчий дом,
И двери ты в него не закрывай!
Захлопнешь – не откроешь и ключом,
Не предавай язык, не забывай!»

Родной язык – в мечте, в сердцах, в крови,
В печали и счастливом новом дне!
На нем поем мы песни о любви
И мать зовем в беде и страшном сне.

Родной язык орлом степным парит,
И дух, и душу нашу стережёт.
И кто язык родной свой сохранит,
Тот и народ свой в мире сбережёт! (21).

Чтобы знание родного языка стало «визитной карточкой» современного культурного и интеллигентного молодого человека, а его культивирование не только в собственной семье, но и в официальном общении – современным позитивным трендом, нужна кропотливая системная и целенаправленная работа духоформирующих социальных институтов, семьи и самого человека (22). Очевидно, что есть главное условие бессмертия языка в современной ситуации: это когда имеется не только стремление человека знать свой родной язык, но и государственное (федеральное и региональное) стремление всемерно поддерживать это стремление. В Башкортостане утверждена Государственная программа по сохранению и развитию государственных языков Республики Башкортостан и родных языков народов Республики Башкортостан (2019-2024) (23). Учреждены гранты Главы Башкортостана, направленные на сохранение и развитие государственных и родных языков Республики Башкортостан, Фонд по сохранению и развитию языка башкирского этноса как коренного народа республики.

Благодаря семье и институту брака традиционные ценности в социокультурной истории башкирского народа не только передавались из поколения в поколение, сохранились в исторической памяти, были запечатлены в эпических произведениях, легендах и преданиях, афоризмах народной паремии, но и сегодня живут в массовом и личностном сознании, в искусстве и литературе, в бытовых церемониалах и обрядовой культуре, приобщая человека к своим гуманистическим духовным смыслам. Современная башкирская семья во многом ориентируется на традиционные ценностные установки, определяющие «идеальные типы» будущих супругов, мужа и жены, значимость взаимной любви, актуальность целомудрия, приверженность этнокультурной памяти, гуманное и уважительное отношение к взрослому поколению, родителям, родственникам. Несмотря на многочисленные новации в сфере социальных и семейных отношений, традиционные этические и этикетные требования к поведению, внешности, общению членов семьи, обязанности родителей в воспитании детей, в формировании в подрастающем поколении уважения к родной культуре и языку, культивирование в семейном быту традиционных народных ритуалов и обязательное проведение «трех свадеб» в жизни человека

(имянаречения, бракосочетания, проводов в последний путь) сохраняют свою значимость в современной жизни башкир.

Примечания

1. См.: Асфандияров А.З. Башкирская семья в прошлом. – Уфа, 1997; Бикбулатов Н.В., Фатыхова Ф.Ф. Семейный быт башкир XIX-XX вв. – М., 1991; Галиева Ф.Г. Семейные обряды и обычаи башкир в поликультурном пространстве. – Уфа: Китап, 2020; Исянгулов Ш.Н. Семья и брак у башкир в период средневековья. – Уфа: Изд-во «Мир печати», 2018; Киньябаева Г.А. Семья и брак башкир в XIX веке. Основные тенденции демографического развития. – Уфа: АН РБ, Гилем, 2012; Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1978; Руденко С.И. Башкиры; Султангареева Р.А. Семейно-бытовой обрядовый фольклор башкирского народа. – Уфа: Гилем, 1998 и др.
2. История башкирского народа: в 7 т. Т.2 / гл. ред. М.М. Кульшарипов; Ин-т истории, языка и литературы УНЦ РАН. С. 339.
3. Башкиры /отв. ред. Р.Г. Кузеев, Е.С. Данилко; Ин-т этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН; Ин-т истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. С.329; Бикбулатов Н.В., Юсупов Р.М., Шитова С.Н., Фатыхова Ф.Ф. Башкиры: Этническая история и традиционная культура. С. 188.
4. Асфандияров А.З. Башкирская семья в прошлом (XVIII – первая половина XIX в.). С. 19-26.
5. Урал-батыр. Башkорт халыk kобайыры = Урал-батыр. Башкирский народный эпос = Uralbatur. Bashkort Folk Epic. Уфа, 2003. С. 329.
6. Киреев А.Н. Башкирский народный героический эпос. – Уфа: Башкирское книжное издательство,1970. С. 44.
7. Фаткуллина А.Я. Смысложизненные ценности в башкирской мифологии. С. 85.
8. Киреев А.Н. Башкирский народный героический эпос. С. 45.
9. Фаткуллина А.Я. Указ. соч. С.86-87.
10. Рыбаков С.Г. Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта. С. 32.

11. См.: Бикбулатов Н.В., Юсупов Р.М., Шитова С.Н., Фатыхова Ф.Ф. Башкиры: Этническая история и традиционная культура. С. 188.
12. Там же. С. 189.
13. Там же.
14. Карим М. Долгое-долгое детство: Повесть; Не бросай огонь, Прометей! Трагедия в стихах: Пер. с башк. – М.: Худож. лит., 1987. С. 166.
15. См.: Башкирское народное творчество. Т.5. Бытовые сказки. С. 314.
16. Рахматуллина З.Я. Весна судьбы моей. Повести. Стихотворения. С. 292-294.
17. См. об этом подробнее: Бикбулатов Н.В. Башкирская система родства. М.: Наука, 1981.
18. Башкиры /отв. ред. Р.Г. Кузеев, Е.С. Данилко; Ин-т этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН; Ин-т истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. С. 332.
19. Федеральный закон от 03.08.2018 г. № 317 «О внесении изменений в статьи 11 и 14 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»
20. Рахматуллина З.Я. Мир держится на культуре: философское осмысление: монография. С. 106.
21. Рахматуллина З.Я. Весна судьбы моей. Повести. Стихотворения. С. 274.
22. Рахматуллина З.Я. Мир держится на культуре: философское осмысление: монография. С. 106.
23. Постановление Правительства Республики Башкортостан от 17 августа 2018 года № 395 «Об утверждении государственной программы "Сохранение и развитие государственных языков Республики Башкортостан и языков народов Республики Башкортостан" и внесении изменений в некоторые решения Правительства Республики Башкортостан» (с изменениями на 10 августа 2022 года).

Глава 6. Ценностные смыслы и культура семейной обрядности башкир

Рождение ребенка в башкирском обществе воспринималось как богоугодное, радостное событие. С рождением физически и духовно здорового потомства, носителя национального духа и традиционных ценностей, общественное сознание связывало будущее страны, благосостояние и благополучие народа, надежную и обеспеченную жизнь старшего поколения: «*Дождь идет – благо земли, хорошее дитя родится – благо страны»*. Культ отцовства (материнства) в народе пользовался особым уважением («*Не познавший детей не познал вкус меда», «Бездетный человек – что расколотый камень», «Краса озера – выдра, краса дома – ребенок»*). Дети в представлениях людей – это смысл человеческого существования (*«Дети – и богатство, и радость жизни», «Дом с детьми – базар, дом без детей – мазар»*), основа счастливой самодостаточной семейной жизни (*«К дому, где нет деревьев, птица не прилетает; к дому, где нет детей, краса и уют не пристанут», «На цветке без нектара пчел не бывает, в доме без детей счастья не бывает»*), ответственного отношения к воспитанию детей *(«Сумел родить – сумей воспитать»*), уважительного и бережного отношения к родителям (*«Не став отцом, цену отца не познаешь; не став матерью, цену матери не познаешь»*).

Мать пользовалась в обществе особым авторитетом и почетом, а бездетная, напротив, вызывала у окружения сочувствие, теряла значимость в глазах окружающих людей, более того, муж имел право привести в дом следующую хозяйку, что, безусловно, становилось жизненной драмой для бездетной женщины. Бесплодие, считавшееся несчастьем для семьи, люди связывали с происками злых духов, ниспосланными свыше болезнями за возможные прегрешения, и зачастую иронично относились к бесплодной женщине (*«Бездетная женщина – бесплодное дерево», «Кудахчущая курица лучше бесплодной женщины», «Бесплодная женщина нарядами утешается»* и др.). В знахарской практике, наряду с рациональными методами народной фито- и физиотерапии, и сегодня существует целый комплекс магическо-ритуальных действий, связанных с культовыми поклонениями и жертвоприношениями, направленными на избавление от бесплодия.

Обряды, сопровождающие рождение ребенка, представляют собой сложнейший комплекс, предписывающий конкретные модели поведения и действий матери, отцу, родственникам, другим членам общества по отношению к новорожденному. Как и во многих других культурах, башкирский ритуальный период обычно начинается с того момента, когда происходит зачатие, и продолжается до родов, когда полностью происходит ритуал перехода, захватывая иногда и некоторый отрезок времени после рождения.

Весть о будущем ребенке воспринималась с радостью. Этикетные запреты по отношению к одежде, пище, речи беременной женщины, сохранившиеся и сегодня, подчеркивают ее особый статус в обществе, имеют как религиозно-мировоззренческую, так и ценностную основу. В конечном итоге они направлены на сохранение физического здоровья и духовного благополучия как матери, так и ребенка, продолжателя рода. Например, все, что ассоциируется с «миром мертвых», вызывающим негативные психологические эмоции и душевный дискомфорт, трансформируется в строжайшие запреты: беременной и сегодня запрещается ходить на кладбище (по поверьям, земля, приставшая к подошвам, может напророчить скорую смерть или мертворождение), запрещается смотреть на покойников, срубленные деревья, желтые листья, сломанные ветви и т. д. Будущей матери нельзя точить косу или нож, иначе малыш может оказаться злым, неукротимым в плохих желаниях, ненасытным.

Женщина, готовящаяся стать матерью, является для башкир священной представительницей рода: исполняются все ее желания, остерегаются от нанесения ей обид и неприятностей, чтобы не навлечь на себя беды и несчастья. Важным для будущей матери считали предохранение от вредоносного влияния злых духов. В этом случае на помощь приходили ритуальные действия, связанные с культом тотемов-покровителей (на одежду беременной пришивали различные амулеты: когти, кости, перья тотемов, в южных и юго-восточных районах закапывали под порог дома волчью голову и т. д.). С этой же целью привлекали грамотных людей для чтения охранительных молитв из Корана (1). Все эти действия нередко используются и в современной практике.

Беременную женщину всячески старались оградить от возможных болезней и осложнений: и сейчас существует запрет садиться на холодные или слишком горячие места, выполнять тяже-

лую физическую работу, подвергать себя сильным психическим волнениям. Запрещается смотреть на безобразные предметы, людей с физическими недостатками и уродствами, сквернословить, повышать голос на окружающих, обижать животных и т. д.

Как известно, практически во всех традиционных верованиях подчеркивается особая роль природных сил и объектов (воды, ветра, земли, скал, пещер и др.) как явлений и сфер с жизнетворным значением в зачатии и рождении здорового ребенка. Их задабривание при помощи ритуальных жертвоприношений, соответствующих молитв и заклинаний продолжается весь период беременности.

Ритуальные действия башкир, связанные непосредственно с родами, как и у других народов, являлись необходимыми звеньями в обеспечении безопасности роженицы и ребенка, в защите от негативного влияния злых сил и духов.

Роды в прошлом повсеместно принимала повивальная бабка – личность уважаемая, авторитетная, известная во всей округе своей добропорядочностью, искренностью, отзывчивостью, аккуратностью и чистоплотностью. Легкие роды не сопровождались значительной ритуальностью: обычно практиковали магические ритуалы расплетения кос роженицы, расстегивания пуговиц на ее одежде, отпирание замков в доме, чтение соответствующих молитв. Своеобразно трансформируется охранительная символика ислама: общеизвестны случаи открывания и закрывания дверей мечети, иногда их снимали и заставляли роженицу вставать на них, а также опрыскивали ее молитвенной водой. В подготовке места рождения ребенка отчетливо прослеживаются идеи тэнгрианства, выражающиеся в ориентации на белый цвет как на символ благополучия, счастья, светлого будущего и удачной судьбы: из помещения убирали все черное (2). При осложненных родах на помощь призывали духов-покровителей. Для облегчения родов роженицу заставляли пинать порог дома или прислоняться к дверному косяку, выпрашивая помощь у духов предков. Действенным средством родовспоможения считалось обращение к тотемам-покровителям: роженицу пропускали через сильно растянутую волчью или медвежью губу, по пояснице женщины проводили когтями медведя, норки, читая при этом молитвы из Корана, и т. д.

Родившийся младенец сразу же должен был подать голос, возвещая мир о своем появлении на свет и доказывая свою жизне-

способность. Именно с этого момента считается, что в нового человека «вселилась душа» и он начинает жизнь. Как подчеркивают исследователи, при приеме ребенка огромное значение имеет магия первого слова (3). По поверьям, первое слово, услышанное младенцем, определяет всю его дальнейшую судьбу. Отсюда понятна логика благопожеланий, ориентирующих ребенка на благополучное и счастливое будущее: «Будь радостью рода!», «Со счастьем своим приди!», «Будь порядочным и добрым», «Отца и мать чти!». Во всех пожеланиях, которые живут и сегодня, основной акцент делается на укрепление духовной силы человека, определяются ценностные приоритеты и смысложизненные цели (4).

В прошлом счастливый отец, в зависимости от материальных возможностей, в знак благодарности преподносил повивальной бабке подарок. Современные женщины рожают в родильных домах: родные и близкие, забирая роженицу с новорожденным, благодарят медицинский персонал и преподносят цветы и сладости. И сегодня живет обычай: тому, кто первым сообщил о рождении ребенка отцу, полагается вознаграждение за радостное известие.

Сразу же после рождения ротик новорожденного смазывали медом или маслом, чтобы он вырос добрым, уважительным и почтительным. *«Если с младенчества человек вкусил мед, язык его будет сладок, если человек с младенчества вкусил масло, язык его будет мягок»* – говорили в народе. Считалось, что будущая удачливая судьба ребенка во многом зависит от личности того, кто совершает этот ритуал, и поэтому такое ответственное дело поручали только уважаемым, прожившим долгую, добрую и счастливую жизнь авторитетным женщинам. Сегодня этот ритуал, как правило, совершают после возвращения роженицы с новорожденным из родильного дома.

В прошлом новорожденного купали и заворачивали в пеленки из поношенной рубахи отца или матери в надежде, что старая одежда перенесет на ребенка долголетие, силу, лучшие человеческие качества носившего ее. Распространен был у башкир ритуал надевания на младенца «собачьей рубашки», которая первоначально надевалась на собаку с целью приобретения ее способности противостоять злым духам: действия нечистой силы якобы переходили на нее, а ребенку оставалось все только хорошее (5). Аналогичные ритуалы существовали у татар, узбеков, казахов, каракалпаков. Все компоненты, появляющиеся с рождением ребенка (пуповина, по-

след, первое молоко матери и т. д.), обретали сакральную силу и вовлекались в определенные ритуальные отношения и действия, обнаруживающие типологические сходства и параллели во многих культурах. Ребенка, родившегося в «рубашке» (в прошлом «рубашкой» называли плодный пузырь, который в редких случаях не разрывался во время родов и в которой младенец появлялся на свет), по поверьям, ждут счастливое будущее и жизненные удачи. «Рубашку» тщательно мыли и закапывали в потаенном месте, куда не ступала нога человека. И сегодня в быту живет строжайший запрет обижать таких людей, ибо их слезы, как считают люди, могут обернуться для обидчика горем и неприятностями.

По традиции в первые дни после родов женщину навещают родственники, друзья, приносят угощения. Считается, что чем больше гостей с угощением, тем меньше у мамы будет проблем с молоком. Навестить же родившую женщину является богоугодным и благим делом.

Первые сорок дней после рождения младенца считаются наиболее опасными как для ребенка, так и для матери. В народе говорят: *«Сорок дней для матери и ребенка могила открыта»*. По поверьям, именно в этот период душа окончательно вселялась в ребенка, и именно в эти дни злые духи были наиболее коварными и сильными в своих вредоносных возможностях. Мать и младенца тщательно оберегали от простуды, неправильного питания, душевных расстройств, от «дурного глаза» и влияния злых чар, способных оказать на их здоровье негативное воздействие. С предохранительной целью к колыбели и одежде ребенка (матери) пришивали (прицепляли) различные обереги, молитвы из Корана, медвежьи, волчьи, барсучьи когти и зубы, плоды рябины, можжевельника и т. д. Для отпугивания злых духов окуривали дом можжевельником, березовой чагой, травами. Сразу же после рождения ребенка принимались надлежащие меры для предохранения его от порчи и сглаза: малыша не носили в многолюдные места, не показывали посторонним, к шапочке пришивали яркую пуговицу, к ручке привязывали красную нитку и т. д. И сегодня многие молодые мамы прислушиваются к запретам, идущим из глубины веков: даже на городских улицах можно встретить младенцев в колясках с аккуратными цветными пятнами от сглаза на лбу.

В течение сорока дней новорожденного не оставляли одного, чтобы не навлечь беду. Башкиры верили, что металлические предметы обладают антивредоносной силой: и сегодня в сельской местности и в городских квартирах живет обычай класть рядом с ребенком (в коляску, в колыбель, под подушку и т. д.) железные вещи (кусок металла, ножницы, нож), чтобы «злые силы» не смогли «подменить» ребенка или навести на него порчу, если его оставляют одного.

До сих пор живет обычай (до истечения сорока дней) состригать с младенца первые волосы. Этот церемониал в прошлом поручался авторитетному и уважаемому человеку. Многие родители считают, что обривание головы младенца способствует в дальнейшем росту густых волос. Наоборот, эта процедура чревата повреждением нежных волосяных луковиц ребенка, поэтому рекомендуют пользоваться ножницами. «Парикмахеру» преподносят подарок, а затем собравшиеся на церемонию пьют чай.

Новорожденный, по поверьям, обладает лишь физической (телесной) сущностью: он только появился на свет и еще не принят в общество. Социальный статус «своего», «живущего» ему придает церемониал наречения имени («праздник имени», «первая свадьба» в жизни человека), являющийся центральным в цикле ритуальных действий, связанных с рождением ребенка. На «праздник имени» приглашали соседей, родственников, друзей, тех, кто помогал в организации застолья. Авторитетные аксакалы, умудренные жизненным опытом, пользующиеся в обществе уважением взрослые женщины были самыми дорогими и почетными гостями, и именно их благопожелания родителям и новорожденному должны были принести семейству благополучие и удачу, сберечь младенца от неприятностей в будущем. По традиции это торжество обычно проводят на третий, седьмой или сороковой день после рождения младенца.

Церемония имянаречения обычно проводилась по единому сценарию (6) и без особых изменений дошла до сегодняшних дней. Родители новорожденного о дне ее проведения сообщают гостям заранее. После того как собрались гости, над ребенком, положенным на чистую подушку, мулла читает небольшую молитву из Корана («азан») и произносит его имя. Считалось, что жизнь ребенка и его счастливая судьба во многом обусловлены именем, якобы влияющим на благополучие, характер, способности и духовно-

душевный мир индивида, и поэтому к выбору имени родители подходили с большой ответственностью. В рамках представлений о магической силе имя человека в народном сознании часто воспринималось как оберег, который сможет обеспечить малышу в последующем удачу и счастье, гарантировать благополучие и долгую благородную жизнь. Детям, родившимся слабыми, давали защитные имена. Нередко имена давались с целью оградить ребенка от всяких злых духов, козней завистников, жизненных неурядиц. Например, чтобы нечистая сила не подменила малыша, давали имя среднего рода (Сарвар, Зубаржат и др.), а крепкое здоровье связывали с именами, включающими слова «железо», «душа» и др.

Многообразный мир личных имен башкир включает целый пласт имен языческого происхождения, в мировоззренческих истоках которых, как и у многих народов, отразились почитание небесных тел, названия растений, тотемных животных, мотивы культа предков (святых) и т. д. Некоторые имена связаны с ремеслом, повседневными занятиями, физическими и духовно-душевными качествами человека, временем и местом его рождения и др. (7). С проникновением ислама, несколько изменившим ритуал имянаречения, получили распространение мусульманские имена, которыми обычно нарекали детей, чья жизнь вызывала серьезные опасения. В последующей этнической истории появлялись новые, заимствованные из других культур и даже необычные, зачастую вызывающие удивление у окружающих имена, отражающие дух времени, новые стороны общественной жизни, культурный диалог и общение между народами, творческую фантазию родителей и др.

Есть и свои этикетные требования к выбору имени. Самое главное, чтобы оно было звучным, красивым и чтобы в дальнейшем человек не испытывал неудобства за свое имя. Молодым родителям есть смысл задуматься: многие, не вникая в значения, называют своих детей причудливыми именами-неологизмами, неожиданными иностранными именами, которые органичны для другой культуры, но не соответствуют ни внешнему облику, ни национальному духу башкир и в силу объективных орфоэпических канонов неблагозвучны и неестественны для башкирского языка.

Имянаречение, по мусульманским канонам, проводится в доме или мечети, как правило, в пятницу или субботу. На «праздник имени» приходят нарядно одетые гости с гостинцами и подарками

для родителей и новорожденного. За праздничным столом обычно ведут беседы о воспитании, произносят благопожелания. В жизни маленького человека эта церемония – ответственный этап в его первичной социализации, в приобщении к родовой жизни и памяти. В этом ритуале происходят коренная перемена онтологического состояния родившегося и узаконивание его членства в обществе. Отныне он становится частью семьи, общества с правами и обязанностями, а его имя – не просто вербальным знаком, а важным элементом личностного начала, покровителем его дальнейшей судьбы. Начинается длительный и целенаправленный процесс семейного воспитания, приобщения к семейным и общественным ценностям, который в конечном итоге завершается ритуалом инициации и вступлением индивида в статус полноценного и половозрелого члена своего окружения.

Сегодня ряд традиционных церемониалов, связанных с рождением ребенка, не только сохраняется, но и возрождается. Строго выполняются те обрядовые действия, которые, несмотря на присутствие в них явных магических элементов и иррациональных моментов, имеют рациональную основу и санитарно-гигиеническое обоснование, например, соблюдение сорокадневного карантина для ребенка и матери. Появились новые ритуалы, связанные с выпиской из роддома: в городских условиях, например, по такому случаю для встречающих в специальной комнате родильного дома ведется трансляция подготовки малыша к выписке, после встречи роженицы и ребенка с близкими устраивается фотосессия (8).

После достижения ребенком соответствующего возраста, позволяющего проводить с ним конкретные ритуальные манипуляции, башкиры (как и в других культурах), считавшие, что индивид является «социально неполноценным», пока не пройдет ритуал перехода, соответствующий его возрасту и полу, проводили так называемые инициационные церемонии. Инициации по случаю зрелости, как известно, были введены в древние времена и получили широкое распространение. Все церемониальные акты и символы инициации отражают специфическую концепцию человеческого существования. Появившийся на свет индивид «незавершен», «несовершенен», он пока только «возможный человек» (М.К. Мамардашвили), должен родиться еще раз, духовно, чтобы стать взрослым человеком и обрести полноту бытия. Символы инициации в башкирской культуре так-

же фиксируют акт «преображения» ребенка (подростка) в зрелое, ответственное, способное мужественно переносить испытания существо и характеризуют особенности его гендерно-ролевой самоидентификации, подчеркивая различия детей по половому признаку.

Инициационным церемониалом у башкир, санкционирующим этап взросления мальчиков и посвящение их в мужчины, считается обрезание, сопровождавшееся праздничным угощением «суннат туй», которое является частью обрядов, связанных с рождением ребенка. Обрезание считалось обязательным для мусульман, хотя и не имело письменного религиозного узаконения. Устроить «суннат туй» было обязанностью отца мальчика. Обряд обрезания, воспринятый исламом из ранних верований, стал символом введения «нового человека» в религиозную общину. Обряд проводился в пятишестимесячном возрасте или от одного года до 10 лет, обычно обрезание совершал пожилой мужчина, иногда родственник или член семьи (бабай). Часто «бабаи» ходили из деревни в деревню, предлагали свои услуги за определённую плату. Перед началом обряда читалась молитва, затем производилась операция, по окончании присутствующих одаривали деньгами и угощали. Угощение могло состояться как в день обрезания, так и через несколько дней (9).

У башкир в прошлом существовали запреты, связанные с данным событием: мальчики до обрезания не должны были есть мяса, общаться с женщинами, со взрослыми и т. д. Безусловно, обрезание у башкир имеет значение метки как знака принадлежности особому социальному статусу (10). Совершение ритуала человеком, пользующимся особым уважением и почетом, кровопускание и манипуляции без обезболивания, требующие от мальчика смелости, физической выдержки и стойкости духа, окружение посвященного заботой и вниманием, устраивание в прошлом коллективной трапезы со скачками, джигитовкой, увеселениями и т. д. – все эти атрибуты церемониальных действий свидетельствовали о том, что свершилось нечто очень важное, значительное и торжественное в жизни ребенка. Институт странствующих мужчин (бабаев), занимающихся обрезанием, сохранялся в Башкирии до 1960-х гг.: в одном из домов деревни собирали мальчиков разных возрастов, после, разгородив пространство, специалист проводил манипуляцию. Затем на детей надевали длинные рубахи и отправляли домой. Праздничных угощений по случаю обрезания в это время уже не проводили (11). Сегодня, как правило,

эту процедуру совершают в медицинских учреждениях квалифицированные специалисты-врачи с использованием медицинских препаратов, но в любом случае для мальчика, с которым взрослые предварительно проводят разъяснительную работу, данная процедура остается символическим шагом в преодолении собственных страхов, неуверенности в себе, в проявлении стойкости и силы духа, в приобщении к традиционным ценностным установкам своего народа («так делают настоящие и сильные мужчины-батыры, которые ничего не боятся, и я буду таким же») и др.

Инициационным действием (женский суннат) было также прокалывание ушей девочек. Эта процедура, довольно болезненная, проводилась в определенный срок (с трех до пятнадцати лет), сопровождалась кровопусканием и представляла собой физическое и духовное испытание для ребенка. Ритуал был обязательным, потому что в прошлом верили, что если у женщины не проколоты уши, то на том свете через мочки ее ушей переползет змея (12). Как известно, во всех культурах женские национальные украшения были видимым результатом уникального художественно-эстетического мышления и утонченного мастерства ювелира-ремесленника. Они считались одними из ярких, изысканных и колоритных культурных артефактов, запечатлевающих и передающих из поколения в поколение традиционные ценности, мировоззренческие идеи, эстетические предпочтения, даже религиозные верования народа, его стремление жить в мире красоты и видеть в своих женщинах меру, гармонию и совершенство. Башкирские украшения имеют собственную философию, они были в прошлом и остаются в настоящем смыслом жизни настоящей женщины, которая организовывает свой духовный мир, творит собственное «я» и облик по законам красоты, несет внутреннюю красоту во внешний мир, в свое окружение. Завораживающие своей красотой оригинальные украшения башкирской женщины органично дополняли ее будничную и праздничную одежду. Если в прошлом мужчина мог покрасоваться сдержанными застежками, поясными накладками или перстнями, то женские украшения поражали исследователей своей колоритностью, удивительным многообразием, богатством и утонченностью художественной фантазии: это нагрудники, наспинники, шейные застежки, накосники, косные подвески «сулпы» и подвески на одежду, ожерелья, бусы, кольца, браслеты, серьги и др.

Украшения делали преимущественно из серебра и серебряных монет с использованием кораллов, разноцветного стекла, бисера, полудрагоценных камней (сердолика, агата, янтаря, бирюзы), морских раковин-каури, перламутровых пластин. Этнографы объясняют выбор именно этих материалов не только их художественной ценностью, декоративностью и изысканностью, но и тем, что, по мусульманским поверьям, они обладали защитными, антивредоносными и магическими силами, традиционно использовались в качестве амулетов и талисманов, символизирующих плодородие и приносящих счастье, удачу, душевный покой и умиротворение. Более того, практически все украшения башкирок закрывали те части тела или прорези в одежде, которые, как считали люди, были доступны для проникновения в тело и душу возможных отрицательных воздействий извне (уши, голова, спина, грудь, запястья рук). Украшения якобы отпугивали злых духов и разную нечисть, а также были своеобразным заслоном от сглаза и слишком назойливых взглядов чужих мужчин. Соответственно, края рукавов и подола, воротники, вырезы, места застёжек женского платья также дополнялись ювелирными украшениями. Каждый предмет имел не только свое конкретное практическое предназначение, но и собственную идеологию и культурные смыслы, ненавязчиво демонстрировал окружающим информацию о возрасте, социальном статусе и имущественном положении своей хозяйки, выполнял своеобразную знаковую функцию, «рассказывал» о ее эстетических предпочтениях, о ее художественных и творческих возможностях, потому что многие украшения, в частности ожерелья и браслеты из кораллов и цветного стекла, женщины-мастерицы умели делать сами и обучали своему искусству молодежь. В настоящее время стилизованные национальные украшения становятся частью повседневной одежды и даже официального и делового костюма, активно возрождаются народные ювелирные традиции, умельцы-мастера проводят мастер-классы по их изготовлению, проводятся многочисленные выставки и экспозиции.

Серьги же символизировали не только новый этап взросления девочки, но играли и роль оберега от вредоносного влияния злых духов. Сегодня эта процедура совершается в основном специалистами с соблюдением всех санитарно-гигиенических норм и с использованием безболезненных технологий, является не только сим-

волом смелости девочки, но и ее принадлежности к женскому сообществу с его художественно-эстетическими традициями, представлениями о канонах женской красоты, принятыми в обществе.

У башкир в прошлом устраивались инициационные праздники. Эти мероприятия, в программу которых входила проверка не только физической силы детей и юношей, но и знаний о жизни рода, его преданий, генеалогии, фольклора, ритуалов и магических церемониалов (13), являются существенными звеньями в приобщении молодых людей к традиционным этнокультурным ценностям, правилам и канонам общества. Обычно башкиры устраивали для молодежи различные спортивные состязания, скачки на лошадях, джигитовку, упражнения в стрельбе и т. д. Интересный обряд записан студентами Башгосуниверситета: «По истечении 15-17 лет подростков собирали и проводили специальные соревнования … Тех, кто выдерживал испытания, считали «егетами» – «джигитами», а слабых называли «таз» – «лысый» и обмазывали ягодицы дегтем» (14). Среди коллективных инициационных праздников можно выделить так называемую «свадьбу серег», обозначающую достижение детьми половозрелого возраста, «когда девочка могла носить воду, а мальчик – скакать на коне» (15). Праздник характеризуется проведением оценочных испытаний и символической брачной церемонии.

В башкирском быту в прошлом практиковались различные формы общения молодежи: коллективные встречи, посиделки-вечеринки, развлечения на природе, сборища мальчиков и девочек для игр и веселья и т. д. Например, до середины XX века существовал обычай «коллективное кушанье», в котором принимали участие мальчики 12-16 лет. Ребята собирались у сверстника, оставшегося в доме за старшего и хозяина вместо уехавших по делам родителей. Предупрежденные заранее дети приносили для совместной трапезы продукты (яйца, масло, хлеб, крупу, сахар), и пока два-три человека готовили еду, остальные выходили во двор и помогали подростку-хозяину по хозяйству: пилили и кололи дрова, носили воду, кормили домашнюю живность, убирали подворье и т. д. После работы начиналось застолье, сопровождающееся весельем и шутками. Существовал строжайший запрет на употребление алкогольных напитков, ведение непристойных разговоров, на сквернословие и на шумные игры, нарушающие покой соседей. Неписаным правилом было требование сохранения порядка и чистоты в доме, где собира-

лись дети. После игр каждый принимался за работу, принесенную из дома, и старался довести ее до конца, чтобы на следующий день получить одобрение родителей. До полуночи рассказывались сказки, поучительные истории и небылицы. Поднимались рано, помогали хозяину-подростку в выполнении утренних хозяйственных работ и, получив его одобрение, уходили домой. Обязательным было требование сообщить родителям, как ребенок провел время, чем он занимался, не было ли нареканий со стороны соседей. Сохранение «авторитета» воспитанного, примерного сына было делом чести подростка, в противном случае последующее участие в подобных мероприятиях было довольно проблематичным.

«Коллективные кушанья» проводились и в чисто увеселительном духе. В этом случае подростки приходили с музыкальными инструментами, но девочки никогда не приходили на посиделки без работы, и они умело сочетали веселье с пользой.

Посиделки-вечеринки имели разное содержание, порядок их проведения варьировался в зависимости от времени года, от характера, от количества участников и т. д. Родители благосклонно относились к проведению подобных мероприятий: дети учились общаться друг с другом, вести себя в коллективе, соблюдать нормы и требования общественной морали, вырабатывали привычку трудиться. Обмен различной информацией, нередко чтение книг вслух расширяли мировоззренческий кругозор подростка, прививали умение вести коллективную беседу, высказывать собственную точку зрения, отстаивать свое мнение.

Огромный духовный потенциал заключали в себе подростковые обряды, проводившиеся непосредственно в семье («приглашение на чай», «установление дружбы», «знакомство», «обмен ценностями» и др.). Например, обряд установления дружеских отношений между девочками 10-12 лет закреплял за его участницами новый статус и предъявлял ряд категорических моральных требований: всегда помогать друг другу, хранить тайны подруги и не предавать ее ни при каких обстоятельствах, проявлять лучшие качества характера (человечность, заботливость, уважение по отношению к другим и т. д.). Такая же смысловая и нравственная нагрузка была и в обряде установления дружбы между мальчиками.

Обряд «танышыу» (знакомство) был направлен на достижение дружбы и взаимопонимания с представителями других национальностей и являлся одним из средств поликультурного воспита-

ния подрастающего поколения в условиях сосуществования в башкирском обществе представителей различных этносов и конфессий. Церемония знакомства происходила в праздничной и дружественной обстановке: гостей встречали в нарядной одежде, в чисто прибранном доме. После угощения и обмена памятными подарками мужчины-главы семейств отправлялись осматривать хозяйство хозяина, женщины занимались домашними делами и обменивались впечатлениями, дети играли или выполняли домашние поручения. Новым друзьям показывали деревню, знакомили с родственниками, соседями, односельчанами. Как подчеркивают исследователи, обряд знакомства обязывал ко многому, и в дальнейшем обе семьи находились в дружеских отношениях, часто встречались, приглашали друг друга в гости, оказывали ту или иную помощь (16).

С достижением молодыми людьми половозрелого (брачного) возраста и с ритуальным закреплением их соответствующего онтологического статуса начинается подготовительный этап к следующему важному событию в жизни человека – вступлению в брак. У башкир весной устраивали традиционные молодежные сборища-игры («девичьи игры», «хождение на гору» и т. д.), уходящие корнями в древние культы природы и плодородия, рода и рожениц, символизирующие вечность и обновление жизни. В научной литературе эти мероприятия обычно рассматриваются как средство возбуждения сил природы и обеспечения плодородия и благополучия. Центральное место девушки в подобных сборищах объясняется тем, что народное сознание связывало непрерывность жизни с женским началом, олицетворяющим животворящую мощь природы, с духовным и физическим здоровьем будущей матери. Интересный пример, запечатлевший особенности контроля и требований этноса к здоровью рода как ценности, записан исследователями: «В каждую весну, когда зеленью укрываются растения, женщины пожилого возраста выводили молодых девушек в лес или в поле. Девушки раздевались, ходили, а бабушки рассматривали каждую из них, проверяя здоровье тела. Если у кого-то оказывались какие-либо болезни, их примечали бабки-знахарки и отбирали для лечения. А здоровым разрешали выходить замуж. Здоровые девушки показывали свое умение петь, танцевать, рассказывать. А те, которые должны были лечиться, не имели права показываться на игрищах» (17). Наряду с мотивами древних верований (культа природы, анимистическими, тоте-

мистическими взглядами и т. д.), магическими культовыми действиями, эстетическими компонентами и др. эти церемонии имеют существенное ценностное измерение (духовно-нравственные представления народа, этические требования к личности и т. д.) и имеют огромное воспитательное и просветительское значения для подготовки молодых людей к созданию семьи, «правильному» проведению свадебных церемоний и к исполнению новой социальной роли в предстоящей семейной жизни.

Как уже отмечалось, с древнейших времен в башкирской социокультуре заключение брака, воспитание и в физическом, и в духовном отношении здорового потомства считались делом, достойным настоящего человека, заботящегося не только о своем личном благополучии, но и о судьбе своего народа. *«И у птицы есть гнездо», «Мужчина, пока не женится, добропорядочность не обретает», «У того, кто не женится, дома нет, у того, кто дом не имеет, Родины нет»* – предупреждало взрослое поколение тех, кто легкомысленно относился к своему долгу, будущему своего рода, судьбе нации. Брак для башкир – это соединение двух и физически, и духовно здоровых начал, ответственных за продолжение рода, за воспитание подрастающего поколения, способного стать достойным продолжателем национальной традиции. С древнейших времен башкиры с особой заботой относились к нравственной чистоте будущей матери. В частности, большое количество пословиц и поговорок в башкирском паремическом творчестве, отражающих представления людей о девичьей и женской чести, социальные требования к нравственному облику женщины, являющиеся идейными ориентирами традиционного семейного воспитания, позволяет судить о том, какое значение придавалось подготовке башкирской девочки к предстоящим в жизни изменениям ее онтологического статуса в качестве взрослой девушки и женщины (будущей жены и матери).

Успешную семейную жизнь башкиры связывали с совершением на должном уровне свадебного ритуала, который знаменует начало нового этапа в жизни взрослого человека. Сожительство без этих церемониалов народ приравнивал к служению шайтану-черту и страшному греху (хараму). Мужчина и женщина считаются состоящими в браке только после проведения свадебного ритуала.

Башкирский свадебный ритуал – многоступенчатая народная драма, в которой нашли преломление мировоззрение и ментальные

особенности народа, его самобытная музыкально-художественная культура, специфика хозяйственно-бытового уклада. Башкирский свадебный ритуал представляет собой среднеазиатско-тюркский тип с богато орнаментированным многожанровым поэтическим репертуаром, с выраженным национальным колоритом и национально-специфическими мотивами (потасовки за постель, церемониальные получения именной скотины, обрядовые избиения и т. д.) (18). В этом самобытном комплексе объединялись отголоски древних языческих и мифологических представлений башкир, традиционные ценностные установки, этические и эстетических требования, художественные предпочтения и этикетные нормы. Все его этапы, эпизоды, символы, атрибуты, фольклорно-поэтическое и песенное сопровождение представляют собой своеобразные механизмы обретения при помощи конкретных ритуальных актов (задабриваний, жертвоприношений, магических действий, благопожеланий, этикетных церемониалов и запретов) согласия с природой, родовыми божествами, духами-покровителями, гарантирующими молодой паре счастье и семейное благополучие (19).

Традиционные свадебные обряды башкир, несмотря на локальную специфику, характеризовались единой структурой и делились на этапы: первый – предсвадебный (предварительные переговоры родственников, родителей и доверенных лиц об условиях и организации предстоящего брака, о размерах калыма и приданого). Второй – собственно свадьба, представляющая собой красочное гуляние с многочисленными гостями и церемониалами и сопровождающаяся мусульманским обрядом бракосочетания (никах). Третий этап – послесвадебные ритуалы, фиксирующие изменение социального статуса молодых и переезд молодой жены в дом мужа (20). Сначала свадебные торжества проводились в доме невесты, в котором проводились никах, свадебные пиршества и угощения, первая брачная ночь, проводы невесты к жениху и т. д., после – в доме жениха (в южных регионах Башкирии даже через несколько лет).

Доминанту женского начала в свадебном ритуале, особое почитание и внимание к невесте как части природы, обеспечивающей деторождение, ритуальное оформление особого ее статуса с момента нареченности до вхождения в дом жениха можно идентифицировать с умилостивлением природы, жизнетворных сил в образе невесты. К ритуальным актам, отражающим новый социальный статус

невесты (замужней женщины), относятся изменение прежней прически (теперь, вместо одной, заплетались две косы), смена легкого девичьего головного убора (такия) на женский (кашмау, украшенный кораллами, подвесками и монетками), завязывание пояса, символизирующего «прикрепление» счастья, добра, благополучия к предстоящей семейной жизни, а также многочисленные этикетные требования, регулирующие отношения с многочисленными членами, как правило, большой новой семьи (свекром, свекровью, братьями мужа и их женами, ближними и дальними родственниками и др.). Народное сознание подчеркивало, что успех брачного союза не в меньшей степени зависит и от личностных качеств невесты, ее воспитанности, тактичности, благожелательности, терпения, уважительного отношения к новым родственникам.

У башкир в прошлом существовал ритуал знакомства невесты с новым очагом, в основе которого лежит культ огня как могучей природной стихии, силы, обладающей магической очистительной силой. Знакомство с «огнем» чужого рода сопровождалось задабриванием его духа кусочками мяса, жира и др. По представлениям, чем выше поднималось пламя, тем благополучней и надежней будет судьба молодой.

До сих пор в сельской местности существует красивый добрый традиционный ритуал: ознакомление невесты с дорогой на водный источник (родник, реку, озеро, колодец, уличную колонку), сопровождающееся песнями, благопожеланиями, игрой на музыкальных инструментах. Невеста бросает монету в воду (духу – хозяину) и приговаривает: «Держи монету, а не меня, проглоти мои болезни!» (21). Невеста омывает лицо и руки, произносит благопожелания. Этот ритуал символичен в начинающейся семейной жизни и является не только умилостивлением духа водоема, но и знакомством невесты с будущими односельчанами, своеобразной демонстрацией приобщения молодой жены к своим будничным обязанностям, даже испытанием, которое нужно преодолеть с полными до краев ведрами с достоинством и честью. По поверьям, если из ведер невесты выплескивается вода, то судьба будущей хозяйки будет неудачной. После ритуального чаепития («чай снохи») молодая женщина окончательно вступает в свою новую роль – жены, снохи, хозяйки, хранительницы домашнего очага.

Приобщение жениха к новой социальной роли (мужа, главы семейства) имеет три этапа: период от получения согласия отца до первой брачной ночи; период визитов (тайных посещений) жениха к своей нареченной; начало самостоятельной семейной жизни (22). Его окружали особой заботой и вниманием, прибегали к различным предохранительным мерам. Существовал ряд запретов, ограничивающих привычный круг общения, а также регулирующих взаимоотношения жениха с родственниками невесты, его поведение и действия.

Огромное значение придавалось этическому и половому просвещению, зрелые мужчины и аксакалы учили молодого основам семейных отношений, делились своим жизненным опытом. «В ходе свадебной церемонии жениху приходилось сталкиваться с самыми различными препятствиями-испытаниями, оценивающими его физические и духовно-душевные качества, преодолевать многочисленные трудности, выслушивать колкости и иронические выпады в свой адрес, сохранять выдержку и стойкость духа, завоевывая авторитет и уважение окружающих» (23).

С древнейших времен башкирская свадьба оформлялась в эмоционально насыщенное, яркое, красочное зрелище-празднество с многочисленными участниками, взрослыми и детьми, в нарядных одеждах, с застольями, различными состязаниями, играми, песнями и плясками, шуточными сценами и др. Свадебные торжества в прошлом, как правило, проводились осенью и зимой, когда уменьшались житейские заботы башкир, занимавшихся отгонно-кочевым скотоводством. Количество приглашенных, продолжительность свадебных торжеств, богатство подарков и т. д. зависели от возможностей семей брачующихся, но главная цель каждой свадьбы заключалась в обеспечении молодой семье благополучной жизни в мире, любви, согласии и достатке.

Башкирская традиционная свадьба со временем пережила многочисленные трансформации, обусловленные объективными историко-культурными причинами. Свадебный ритуал сегодня, как известно, вбирает в себя фрагменты всех исторических периодов развития культуры народа: от древнейших верований и магических действий до образцов церемониального поведения, выработанных в новейшее время. По времени свадьба обычно охватывает не более трех (в городе – одного) дней, если отмечается на обеих брачующихся сторонах, местом проведения выбирается нейтральная тер-

ритория (ресторан, столовая, кафе), из обрядовой практики почти «выпали» привоз живого барана, плата за невесту, прятание невесты, ритуальное сватовство (иногда молодые приезжают к родителям и знакомятся).

Свадебные церемониалы представляют органичное единство этнотрадиций и новаций, обусловленных межнациональными контактами и браками. Из русской обрядности перешли битье посуды «на счастье», прятание туфель невесты и разные выкупы, «ловля» брачного букета «на скорое замужество» и др. Преимущественно формальный (игровой) характер принимают многие обряды, имеющие в прошлом ценностное измерение, например, «продажа сундука» невесты. Сегодня вместо предметов рукоделия, демонстрирующих трудолюбие, домовитость и мастерство будущей хозяйки, зачастую закупаются соответствующие товары из магазина. Многие события направлены на создание веселой атмосферы (сватов везут в баню, усадив в корыто или тележку, сватьюшки заходят в баню и «парят гостей», в частушках-такмаках высмеиваются гости, не умеющие угощать, петь, танцевать, и др. (24).

Современная свадьба проводится скромнее, без большого размаха, как в прошлые времена, по обоюдному согласию уменьшились размеры приданого, взаимных даров, повсеместно сократилось количество застолий, организуемых родственниками жениха и невесты. У современного свадебного ритуала нет обязательных, строго предписанных этапов, нет категорической обязательности в соблюдении конкретных ритуалов, характерных для традиционного быта, свадебный сценарий во многом зависит от желания молодых, от материальных возможностей сторон и т. д. Особенно в городских условиях свадебные торжества проводятся по более упрощенной схеме, свободной от строгих ритуальных требований: как правило, это регистрация брака и застолье.

В последнее время можно наблюдать возросший интерес молодых людей к духовным смыслам и мотивам традиционной свадебной культуры. В башкирской свадьбе сегодня, как подчеркивают исследователи, органично сочетаются гражданская регистрация и никах, звучат народные мелодии и эстрадная музыка, на разных языках произносятся поздравления и приветствия, молодым дарят скот и электронную технику. Современное рационализированное мышление сохраняет множество специфических архаических мо-

ментов, с соблюдением которых молодые пары связывают надежду и веру в свое семейное благополучие: знакомство с водным источником, оставление жертвы духу воды, использование оберегов и др. (25). Более того, культура современной свадьбы все больше вбирает в себя передающиеся от поколения к поколению нравственные и эстетические требования традиционных свадебных обрядов. В сельской местности во многих районах и сегодня сохраняется модернизированный вариант сватовства для получения согласия родителей девушки на предстоящий брак как дань уважения традициям. По древним башкирским поверьям, «пустой» (неудачный) день для ведения переговоров – вторник. В этот день, как правило, не начинают и свадебные торжества. «Одиозной», как и в прошлом, остается фигура свата, на роль которого выбирают кого-нибудь из родственников либо друга семьи – человека уважаемого, острого на язык, с чувством юмора, в то же время хорошо знающего обычаи подобных церемоний. Отец невесты вручает свату достойный подарок. При встрече родители уточняют сроки проведения свадьбы, договариваются о количестве гостей с обеих сторон, о месте проведения свадебных пиров, о подарках и т. д. во избежание впоследствии недопонимания и взаимных обид. После получения согласия родителей молодые люди подают заявление в ЗАГС, заблаговременно рассылают красочно оформленные приглашения с указанием места и времени проведения свадебной церемонии.

Обе стороны начинают подготовку к свадьбе: тщательно убирают в квартире, доме, приобретаются подарки для родственников и гостей (как правило, мужчинам дарят рубашки, женщинам – отрез на платье, платки, полотенца и т. д.), заготавливаются продукты для застолья. Для свидетельницы специальный подарок готовят родители жениха, для свидетеля – родители невесты, для тех, кто помогает в организации застолья, также предусматриваются отдельные подарки.

Тщательно составляется сценарий. Свадьба требует четкой организации: обычно в качестве ведущих заранее определяются активные люди, умеющие петь, плясать, эмоционально и свободно говорить и которые могут «заразить» гостей своим задором, энергией, озорством. Сегодня многие обращаются к профессиональным организаторам подобных торжеств. Заранее продумывают музыкальное сопровождение, приглашают танцоров, певцов и т. д. Если есть хороший организатор и музыкант, то на свадьбе много веселья,

различных игр, песен и танцев. 2-3 молодых человека следят за порядком: главное, чтобы не возникло ссор и конфликтов. Также организаторам необходимо иметь в виду следующее: во избежание обид и недопонимания нежелательно настойчиво предлагать и навязывать гостям местные обычаи и игры.

Сегодня меняется сама атмосфера свадебного застолья за счет многочисленных игровых моментов: как традиционных, так и заимствованных из свадебных ритуалов других народов либо из практики профессиональных организаторов свадебных торжеств. Это многочисленные шуточные пожелания жениху и невесте, указы, телеграммы, поздравления в стихах, вручение различных дипломов, присвоение почетных званий и т. д., которые уже не имеют этнической смысловой нагрузки. Шуточные испытания молодоженов и гостей, различные игры и соревнования придают свадебным торжествам дух приподнятости, веселья и особый жизнерадостный настрой. Красочные плакаты, восхваляющие жениха и невесту, шуточные призывы и остроумие организаторов поднимают праздничное настроение.

Современная жизнь внесла свои коррективы и в свадебную одежду молодых. Специальная свадебная одежда (белое платье, белые туфли для девушки, строгий классический костюм и белая рубашка для молодого человека), обручальные кольца – новое веяние для башкир, обусловленное повсеместным распространением в конце 60-х годов прошлого века практики торжественной регистрации брака в официальной обстановке. Как правило, свадебный наряд для девушки и обручальные кольца были предметом заботы стороны жениха, но сегодня молодые действуют, учитывая свои возможности. Некоторые девушки покупают (заимствуют) свадебный наряд у близких, но многие считают, что свадебное платье – символ чистоты, больших надежд и веры в свое счастливое будущее. Оно является свидетелем самого светлого, неповторимого и ответственного периода в начинающейся новой жизни и должно быть только твоим, частью твоего «я», не вобравшей в себя чужую энергию и другую судьбу. Некоторые поступают мудро: покупают или заказывают стильное свадебное платье или костюм, которые затем можно смело носить как нарядную повседневную одежду.

Современный свадебный церемониал предъявляет к его организаторам и участникам конкретные требования. И сегодня, осо-

бенно в сельской местности, живет обычай встречать прибывающих на свадебный пир гостей. Это красочная церемония с взаимными приветствиями, любезностями, легким угощением и почетным сопровождением в дом, где проходит свадьба. Хозяева заранее договариваются с родственниками, с соседями о месте для ночевки многочисленных гостей, а родители жениха (невесты) остаются в доме хозяина.

Вручение подарков гостям со стороны невесты (жениха) также предполагает выполнение определенных правил: подарки должны быть аккуратно упакованы в пакеты, называют гостей по имени и вручают подарки с благопожеланиями.

Сегодня становится традицией приглашение муллы для чтения никаха, который обычно проводят в доме невесты перед началом свадебных торжеств. На никах, как правило, приглашаются взрослые люди, родственники жениха и невесты. Заранее готовится специальная сладкая вода, которую накрывают белым полотенцем (по поверьям, она приобретает защитные свойства и оберегает в последующем молодых в их супружеской жизни от бед и неприятностей). После чтения никаха освященную воду дают выпить молодым.

Во время таинства в помещении должна быть тишина: нельзя выходить или заходить в комнату, перебивать или отвлекать муллу. После никаха начинается застолье (никах ашы): присутствующие ведут неторопливый разговор о семейном долге, говорят благопожелания. В обязательное меню входят суп-лапша на мясном бульоне, бэлеш (большой круглый пирог с мясной начинкой), мясо с отварным картофелем, чай со сладостями, медом, печеными изделиями. Категорически запрещается употребление спиртных напитков.

Центральное место в современном свадебном обряде занимает торжественная регистрация брака. Эта церемония – свидетельство тому, что родилась еще одна полноправная молодая семья с обязанностями перед собой, родителями, обществом и государством, перед детьми.

Важным этапом современной башкирской свадьбы является символический переезд невесты в дом жениха. С древнейших времен и до сегодняшнего дня на проводы невесты собираются многочисленные гости, друзья, знакомые, соседи, детвора. Чтобы из дома не ушло благополучие, провожая невесту, вслед за ней бросают конфеты, деньги, произносят благопожелания, желают ей семейно-

го счастья и всех возможных в этом мире благ. И сегодня, когда провожают невесту, говорят: *«В доме жениха ложись камнем»* (т.е. останься навсегда). Молодых встречают родители жениха, родственники, гости. Под ноги невесты кладут белую подушку, на которую она наступает правой ногой, приносящей счастье и удачу. В зависимости от местных обычаев мать (сестра, тетя) жениха произносит благопожелания и угощает молодых медом, маслом, хлебом-солью, дает выпить сладкой воды или молока. В прошлом под ноги невесты часто бросали камень, приговаривая: *«Камень тяжел там, куда он падает»*. Этот отголосок древнего поклонения камню лишь подчеркивает то, что будущее молодой семьи, ее счастье во многом зависят от мудрости, основательности, от твердости и силы духа молодой жены, ее способности противостоять жизненным испытаниям.

Как известно, сегодня широкое распространение получает совместное проживание молодой пары без официальной регистрации брачных отношений. Нет смысла говорить о многочисленных негативных аспектах этого явления: будущее подобных семей и их детей весьма проблематично. Современная молодая башкирская семья в основном придерживается традиционных представлений о браке как об узаконенных отношениях с соответствующими правами и обязанностями супругов и в целом индифферентна к распространяющимся в современном российском обществе различным формам идеологии «чайлдфри». Башкиры издавна говорили, что каждый человек приходит в мир со своим счастьем. Здоровые физически и духовно дети, благо, надежда и опора в будущем, их должное воспитание детей как священный долг родителей – эти традиционные ценностные установки не потеряли значимости и сегодня.

Из традиционных ритуалов, связанных с переездом невесты в дом жениха (как в сельской местности, так и в городских условиях), и сегодня сохраняется обычай развешивания в доме вещей из приданого: молодая заправляет новым бельем свою постель, накрывает стол скатертью, диван – покрывалом, развешивает полотенца и др.

Есть этикетные требования и к одариванию молодых. Подарки сегодня очень разнообразны в зависимости от материальных возможностей и фантазии гостей: начиная от крупных вещей, которые покупаются близкими родственниками (мебель, бытовая техника и т. д.), и заканчивая деньгами. *«И пуговица – подарок, и верб-*

люд – подарок» – считали башкиры. Молодые благодарят каждого, кто от души преподнес им подарок и произнес благопожелания. Когда принимают поздравления и подарки, жених и невеста не встают.

Отгремели свадебные торжества. Вступление молодоженов в разряд супругов очерчивает перед ними целый ряд нравственных обязательств по отношению друг к другу, к близким, родственникам, окружающим. Суть этих обязательств в лаконичной форме определяется пословицей: *«Пусть после тебя род сохранится, на том месте, где ты жил, очаг сохранится»*. Как бы испытательным сроком для молодой семьи является годовой период, в течение которого она находится в своего рода переходном состоянии, когда советы и помощь родителей и родственников жизненно необходимы. С появлением на свет первенца за молодой супружеской парой окончательно закрепляется общественный статус семейных людей со всеми вытекающими отсюда традиционными ценностными приоритетами, правовыми и этическими нормами, продиктованными родительским долгом и ответственностью за сохранение брака, за достойное проживание уникального природного дара – жизни.

«Умел родиться, умей и жить», «Прошедшая жизнь – утекшая вода», «Молодость, сказанное слово, выпущенная стрела – обратно не возвращаются», «Свою еду съел, свои годы отжил» – говорили башкиры, предупреждая, что жизнь человеческая – это ценность, которой нет цены и которой нужно дорожить и беречь ее каждый миг, потому что она быстротечна и конечна. В цикле семейной обрядности завершающей человеческую жизнь церемонией является погребальный ритуал. М. Элиаде особо подчеркивал, что погребальные обряды – наиболее сложные и ответственные, поскольку смерть несет с собой одновременно изменение как онтологического, так и социально-духовного статуса индивида: умирающий проходит через определенные испытания, от которых зависит его последующая жизнь в потустороннем мире, должен быть принят сообществом мертвых и признан своим. «У некоторых народов лишь ритуальное погребение является свидетельством смерти, – отмечал М. Элиаде, – тот, кто не был похоронен так, как требует обычай, не считается мертвым. У других народов смерть кого-либо признается действительной … после того, как душа усопшего была ритуально введена в новое жилище, в иной мир» (26).

При жизни индивид сам освящает свое земное, профанное бытие, общается со своими небесными покровителями и духами, выполняет в различных жизненных ситуациях и в ответственные периоды различные ритуалы, обеспечивая себе гарантированное, уверенное, защищенное духами-покровителями бытие. При уходе в мир иной оставшиеся в живых исполняют свой нравственный долг, освящают смерть человека не только в надежде обеспечить покой и мир душе усопшего в потусторонней жизни, так же имеющей ценность, как посюсторонняя, но и завоевать благосклонность духов. Именно поэтому во всех социокультурах погребально-поминальные церемониалы совершались в прошлом самым тщательным образом и с должной ответственностью, и их выполнение строго соблюдается современным человеком.

Осмысление сущности смерти для живого человека, ставшего свидетелем чужого «опыта умирания», стало явлением, имеющим ценностное, духовно-нравственное, психологическое и социокультурное измерения. С древнейших времен обращение с ушедшими из жизни оформлялось в ритуал, сопровождающий таинственный переход в небытие: в новый статус, статус духа.

Еще в начале своей истории башкиры осознали великую тайну мироздания: в эпосе «Урал-батыр» красной нитью проходит жизненное откровение далеких предков, что смерть – это естественный закон бытия всего живого, «незыблемый обычай мира», оборотная сторона жизни, залог вечного обновления и созидания (27). Природа соединяет в себе жизнь и смерть, вечную борьбу добра со злом, нового со старым, сильного со слабым, это распад и созидание, угасание и возрождение. *«Нет жизни без смерти, нет реки без брода»* – в этой пословице народ выразил свое понимание диалектики жизни и смерти в каждой человеческой судьбе. О смерти как неподвластной человеческому разуму метафизической сущности (*«Смерть о своем приходе не объявляет»*) башкиры рассуждали без особого страха и боязни. *«Не мы одни жизнь эту покидали», «Нет человека, что не умрет, нет воды, что, поднявшись по весне, потом не сойдет»* – народные пословицы запечатлели незыблемые каноны природы и законы бытия, осмысленные человеком. Все равновелики перед смертью (*«Смерть молодых и старых не разбирает», «Смерть на твое богатство не смотрит»*), реальность смерти повышает ценность достойно прожитой жизни

(*«Жизнь коротка, не трать ее впустую»*). Смерть порой приходит неожиданно, и нужно всегда быть готовым встретить ее так, чтобы о человеке осталась добрая и светлая память (*«Держи дом в порядке – может гость случайно нагрянуть, самого себя в порядке держи – может смерть внезапно нагрянуть!»*).

Вопреки неумолимому закону, ведущему все живое к естественному концу, в небытие, народное сознание не теряло жизненного оптимизма (*«Если боишься смерти, не живи на свете», «Страх перед смертью равен самой смерти»*), приучало к бережному отношению к великому божьему дару – жизни (*«Если сам беречься не будешь, бог не убережет»*), утверждало ценность земного бытия (*«Чем вечно лежать в могиле, лучше прожить денек на светлой земле»*).

В экзистенциальном плане смерть определялась древними башкирами как уход человека в загробный мир – мир духов. С прежними поверьями о потусторонней жизни было созвучно и учение ислама, внушающего верующим, что земное бытие – это лишь подготовительный этап к жизни в ином мире, истинном и вечном. Смерть – возвращение в изначальную «истинную жизнь», в лоно Земли-матери, которая дает начало всему живому и в которую оно возвращается по истечении отмеренного срока. *«У земли простор велик, всем хватит»* – говорили люди.

У пожилых людей всегда было философское отношение к диалектике жизни и смерти (*«Молодые распрямляются, старики сгибаются», «Не боящийся смерти живуч, боящийся смерти – живой труп»*), и они начинали готовиться к своей «последней свадьбе» заранее: собирали в специальный сундук погребальные принадлежности, полотенца, платки, носовые платочки, мыло и др. для раздачи тем, кто придет проводить их в последний путь.

В конце XIX – начале XX вв. погребение и поминовение умерших у башкир осуществлялось по канонам официальной религии – ислама, переплетенного с элементами древних башкирских верований. Башкирский погребально-поминальный ритуал, выросший на основе синтеза ранних мифологических воззрений и исламской метафизики жизни и смерти, варьировал в зависимости от места совершения, пола, возраста, социального положения усопшего, обстоятельств смерти, но в целом проходил по единому церемониальному сценарию и без особых изменений дошел до наших дней.

Похоронно-поминальная обрядность башкир включает последовательно сменяющие друг друга этапы: ритуальные действия, связанные с охраной покойника; подготовка умершего к погребению; проводы покойника; захоронение покойника; поминки по умершему. Кровать с умирающим по исламской традиции располагали так, чтобы он лицом лежал в сторону Мекки, приглашали муллу или знающего молитвы человека и читали «Йа син» (36-ю суру из Корана) (28). В традиционном комплексе погребальных церемоний башкир присутствуют элементы, характерные для многих народов: обычай не оставлять умершего одного, поскольку покойник считался опасным для окружающих, и его охраняли днем и ночью; помещение различных оберегов (ножа, гвоздей, ножниц и др. или листа бумаги с молитвой из Корана, соли) на его теле, ряжение в белую ткань, вынос ногами вперед, что, по поверьям, гарантировало невозможность его возвращения, поминки по умершему, связанные с культом предков, и др.

Башкирский погребальный ритуал направлен на интенсификацию состояния трагизма, ощущения невосполнимости понесенной утраты, но после похорон устанавливает жесткие требования, ограничивающие поведение и действия, деструктивные для окружающих и близких умершего.

Как и во многих других культурах, башкирские погребально-поминальные ритуалы отличаются коллективностью, участием в процессе практически всех, кто принадлежал к социальному окружению умершего. Религиозная мотивация подобного подвижничества тесно переплетается с этической: оказание последних почестей покойному, поддержка и помощь близким умершего, соучастие в горе.

В погребальном ритуале башкир особенно ярко запечатлелись ценности всепрощения, гуманизма, человеколюбия, сострадания. Покойному прощались все прижизненные прегрешения, при помощи особой молитвы («йыназа намаз») совершали ритуальное очищение умершего от грехов, проклятий, ненависти и обид людей, перед которыми он был виноват. Даже плохих людей при погребении называли «хорошими», считая, что очень важно для покойника в его потусторонней жизни, чтобы он оставил на земле хорошую и добрую память о себе. Землю, которая на протяжении веков была объектом почитания и поклонения, нельзя было беспокоить, «осквернять» захоронением грешника. Предавали земле только риту-

ально чистого, достойного, освобожденного от долгов и грехов человека. От обычных похорон отличались погребения людей, умерших неестественной смертью. Если в прошлом убийц, самоубийц, пьяниц, олицетворяющих самые тяжкие и мерзкие «смертные грехи» человеческой природы, порой не обмывали и часто хоронили в одежде в стороне от кладбища или там, где их настигла смерть, то сегодня эти запреты забыты.

Культура современного ритуала, несмотря на определенную формализацию особенно в городских условиях, в целом сохраняет ключевые этико-этикетные требования традиционных церемониалов, связанных с «последней свадьбой» человека, завершающей жизненную судьбу.

В комнате умирающего создают по возможности спокойную, тихую и умиротворяющую атмосферу без излишней суеты, причитаний и слез. Посещение человека, находящегося на смертном одре, считается благим делом. Посетители ведут себя сдержанно, спокойно, не раздражая больного утомительными речами, напыщенным оптимизмом, садятся не на постель, а на стул, поставленный рядом. Навещают в чистой одежде, надолго не задерживаются, приходить каждый день необязательно: справиться о состоянии больного можно у родственников.

Умирающего не беспокоят, не надоедают длинными молитвами, соблюдают тишину, громко не разговаривают, не оставляют его одного, читают молитвы. Башкиры считали, что душа тяжело расстается с телом, и поэтому строго соблюдается запрет: у постели умирающего нельзя плакать и причитать. Умершему закрывают глаза, рот, подбородок завязывают платком, на грудь кладут металлический предмет, женщину покрывают платком, мужчину – полотенцем.

В доме занавешивают блестящие предметы, фотографии, зеркала, поскольку удвоение облика в мировоззрении людей, по представлениям древних тюрков, воспринималось как губительное для целостности человека. Считалось, что человеческий облик, удвоенный зеркалом, уйдет в зазеркалье, нижний (потусторонний) мир (29). Покойника ни на минуту не оставляют одного: около него постоянно находятся пожилые люди, которые читают молитвы, исполняют мунажаты. Это небольшие стихи религиозного содержания, представляющие собой обращения к высшей силе, волеизлияния от имени покойного, описания ада и рая, событий, ожидающих

умершего в загробной жизни, личностные откровения исполнителей о собственных переживаниях и потрясениях в связи со смертью человека (30). По древнетюркской традиции мунажаты ублажают душу умершего, имеют магическое значение и предохраняют живых от воздействия злых сил, которые становятся наиболее опасными траурной ночью (31). Остающихся на ночное бдение покойника угощают чаем.

Как и в прошлом, покойника хоронят в день смерти или на следующий день, если нет серьезных причин для задержки (не успели приехать родственники и т. д.). В этом случае похороны могут состояться и через несколько дней. Сохраняется обычай прощания с покойным: люди приносят с собой деньги, полотенца, платки, отрезы, носовые платки, мыло, продукты для раздачи участникам похорон и раскладывают на специально подготовленный стол или стул. Обычай приносить умершему подарки исследователи связывают с пережитками доисламских верований (32).

Могилу в сельской местности копают родственники умершего. Никто никого не приглашает, но обычно, увидев идущих с лопатами на кладбище, к ним присоединяются также и другие мужчины.

Подготовка могилы – ответственное дело. Мужчины должны быть ритуально чистыми, в опрятной одежде; нельзя смеяться, громко разговаривать, плеваться; перед уходом необходимо тщательно очистить обувь и лопаты от могильной земли. Выкопанную могилу либо сторожит человек, либо в нее кладут что-нибудь железное (по поверьям, в оставленную без присмотра могилу проникает нечистый дух).

Особо богоугодным делом считается участие в сшивании савана. Для савана используется белая ткань. Шьют, не завязывая на нитке узелка, иголку держат «от себя». Считается, что иголка, которой шьют саван, обладает огромной вредоносной силой. Некоторые эту иголку сжигают или закапывают подальше от «нечистых» рук. Оставшиеся нитки не выкидывают и не используют в быту, а отдают в качестве милостыни одной из участниц похорон.

Покойника обмывают после того, как приходят с известием о том, что могила готова. По обычаю приглашают авторитетных, уважаемых людей старшего поколения, знающих обряд и желающих совершить это благое дело. Зачастую обмывание совершают родственники. Мужчину обмывают мужчины, женщину – женщи-

ны. За водой для обмывания покойника в сельской местности идут, ни с кем не разговаривая, читая молитвы и взяв платки, чтобы накрыть полные ведра. Женщине, принесшей воды, дают платок.

Принесенную воду используют полностью, ее выливают в безлюдное место. Одежду умершего стирают, не выжимают и не выворачивают. Обмывшим покойника раздают платки, приглашают на поминальные дни и преподносят платье (рубаху) или полотенце.

Умершего по традиции хоронят до заката солнца. Выносят его ногами вперед с большой осторожностью, чтобы не задеть косяк двери, иначе дом будет «беспокойным». На место, где лежал покойник, кладут железный предмет. В некоторых селах до сих пор встречается следующий обычай: забивают в порог дома гвоздь или, закрыв ворота и двери, размахивают топором в разные стороны, чтобы остановить в этом доме смерть. После выноса тела в доме (квартире) моют полы, начиная от двери и постепенно передвигаясь к переднему углу. Кто мыл полы, получает милостыню. В доме, где умер человек, в течение 40 дней не выключают свет: по поверьям, до сорока дней душа умершего обитает рядом.

Погребение закрепляет за человеком его новый социальный статус: он становится духом, предком, требующим особого отношения и почитания. Многие фольклорные произведения, отражающие доисламскую эпоху, например, эпос «Куз-Курпяч», сохранили обычаи башкир устраивать на поминках различные игры и увеселения, любимые покойником при жизни. Обязательные ритуалы поминовения совершаются на третий, седьмой, сороковой, пятьдесят первый день (по этому случаю поминальный стол, как правило, не устраивают, а обращаются к мулле или читающим молитвы прочитать суры из Корана) и через год.

Подобное деление восходит к представлениям об изменениях, происходящих с умершим в загробном мире: на третий день появляется новый хозяин могилы; на седьмой – семь видов души оставляют тело; на сороковой – душа покойника окончательно покидает родные места; на пятьдесят первый день происходит отделение мягких тканей от костей; годовщина знаменует окончательное превращение умершего в духа, предка. Семантика поминальных дней представляет собой синкретизм древних анимистических представлений о загробном мире, бытии человеческой души после смерти с исламской символикой. Все перечисленные поминки являются обя-

зательными, неисполнение поминальных празднеств, по поверьям, может навлечь на родственников умершего (соседей, односельчан) несчастья и беды. В настоящее время нередко объединяются поминки на третий и седьмой дни, главные поминки устраиваются на 40-й день после смерти (или немного раньше, но не позже) с приглашением родственников, тех, кто принимал участие в погребальных церемониях. Умерших по обычаю поминают также во время пятничных молитв: считается, что в четверг вечером их души наведываются домой (33).

Народное сознание осуждает тех, кто не выполняет своих обязательств по отношению к умершим (необходимость соблюдения поминальных обрядов и трагические последствия при нарушении традиций нашли отражение еще в древнейших фольклорных произведениях). Зачастую дальние родственники, соседи, знакомые и просто неравнодушные подвижники, собравшись вместе, проводят поминальные дни одиноких или тех, чьи нерадивые и беспечные близкие «забывают» о своих обязанностях и о своих умерших сородичах. По поверьям, удовлетворенные вниманием и заботой духи предков защищают живых от бед и напастей, посылают им блага и удачу.

Умиротворенные духи предков – это условие благополучной жизни, залог надежного, спокойного и защищенного бытия. Отсюда паломничества, хождения на кладбище с целью получения благословения усопших, совершение молений и преподношений во имя их и собственного покоя. Очевидно, что в отношении к ушедшим выявляются ценности живых, выражается человеческое достоинство и гуманизм живущих, память об ушедших питает нравственность оставшихся на земле и ценностные ориентиры подрастающих поколений, приобщая их к родовой и семейной памяти.

Поминки у башкир – это застолье с приглашением муллы, пожилых людей, близких родственников, тех, кто помогал проводить умершего в последний путь. Ритуальная одежда на поминальных мероприятиях практически не отличается от повседневной. Как правило, обязательны наличие головного убора (и для мужчин, и для женщин) и закрытая женская одежда, соответствующая исламским канонам: если платье без рукавов, на плечи накидывается платок. «Меню» подобных церемоний особо не отличается от традиционно-праздничного: обязательно подаются мясной суп-лапша,

бэлеш, блины (по поверьям, дух умершего питается запахом каленого жира), чай, печеные изделия, сладости.

Поминальная трапеза предваряется чтением Корана, раздачей близкими покойного присутствующим милостыни. Во время поминок покойника вспоминают добрым словом, не ведут пустых разговоров, громко не смеются, не сплетничают, категорически запрещается употребление алкоголя. Последующее ежегодное проведение поминок не является обязательным требованием, но считается богоугодным и благим делом. Эти церемониалы можно проводить немного раньше, но не позже дня смерти человека.

Традиционной чертой жизни башкир было внимательное отношение к кладбищу и к могилам: тщательно следили за сохранностью ограждений, устраивали коллективные мероприятия по очистке кладбища и могил от сгнившей листвы, сломанных деревьев и ветвей.

«Могила – дверь в загробный мир» – говорили башкиры. Акты вандализма, осквернение последнего пристанища человека приравнивались к тяжкому греху. Более того, каждый, кто приходил на кладбище или даже проходил мимо него, должен заботиться о покое умерших: и сегодня существуют строжайшие запреты громко разговаривать, сквернословить, смеяться, шуметь, бурно выражать свои эмоции, находясь рядом с «царством мертвых». Все входящие на кладбище громко приветствуют обитателей могил: «Мир вам, лежащие здесь верующие или мусульмане!», «Здравствуйте, духи предков!». Запрещается наступать и садиться на могилы, целовать могильные камни. Для посещения кладбища нет специальных дней, но взрослые советуют не приходить к могилам после захода солнца. Несмотря на существующий в исламе запрет класть на могилы цветы, выращивать на них деревья, устанавливать памятники, писать на них имя, дату рождения и смерти (34), современный ритуал более демократичен и приветствует подобные действия, поскольку они являются показателем внимания и заботы близких об ушедших, свидетельством того, что они живут в памяти оставшихся.

Ухаживать за могилами близких, содержать их в чистоте и порядке, вовремя подкрашивать ограду, закапывать или сжигать высохшие венки, увядшие цветы, посуду, в которой принесли воду (как правило, ничего с кладбища домой не уносят), – долг живых. Также не принято у могилы обсуждать какие-то проблемы, сплет-

ничать, громко смеяться и плакать. Уходя, закрывают за собой ворота кладбища.

По поверьям, духи предков всегда бдительно следят за живыми: радуются их удачам, страдают вместе с ними, переживают, видя зло и козни, которые они творят друг другу, и только молитвы Корана и милостыня могут умиротворить их. Поэтому принято и в дни поминовения, и в религиозные праздники раздавать подаяния. Но и милостыню раздают не кому-нибудь, а служителям культа, пожилым и детям, сиротам и нуждающимся. Милостыня не бывает «большой» или «маленькой», те, кому подают, берут ее не глядя: тот, кто обижен суммой подаяния, приравнивается к грешнику. Если умерший снится во сне, говорят, что просит милостыню.

Культура поминальных обрядов накладывает определенные ограничения на поведение и действия близких и родственников после погребения: остерегаться дурного слова, не вспоминать обиды, связанные с умершим, даже если была на то причина, забыть все его неблаговидные поступки (грехи), совершенные по злому умыслу, по «незнанию» или по неосторожности. Бесконечные слезы – это удел слабых. *«Не сокрушайтесь по умершему, поддержите живых», «Не спеши умирать вслед за умершим», «Умершего рыданиями назад не вернешь», «Умершему – могила, оставшимся – терпение», «После умершего все остается, у оставшихся сердце раскалывается»* – напоминали в народе. Считалось, если много плакать по покойнику, его в могиле заливает водой.

Умудренные житейским опытом взрослые рекомендуют следующее: в первое время после похорон убирать фотографии умершего, не вспоминать о нем перед сном и всегда помнить о том, что жизнь продолжается и ты нужен своим близким, которые также переживают и страдают, а своим поведением ты должен не умножать их страдания, а наоборот, поддерживать. Более того, в народе существует запрет на частое посещение кладбища – не нужно беспокоить души ушедших и «обновлять» свое горе. В некоторых районах до сих пор живет обычай: тяжело переживающему утрату дают понюхать почву с могилы умершего.

Традиционным остается и ритуал жертвоприношения в честь духа усопшего, который считается богоугодным делом и благом как для умершего, так и для человека, совершающего это священное действо. Жертвенное животное (корова, овца, коза, но не лошадь

или домашняя птица) обязательно должно быть здоровым, упитанным, без увечий. Принесение в жертву истощенных, искалеченных (слепых, хромых, беззубых, со сломанными рогами или оторванными хвостами) животных равнозначно греху. Запрещается продавать шкуру или мясо жертвенного животного, а раздача их в качестве милостыни является богоугодным делом.

Ценностное отношение к смерти, умершим и к памяти о них – неотъемлемая гуманистическая константа, нравственная составляющая социокультурного бытия любого народа, каждого человека, осмысливающего нерасторжимую связь конечного и бесконечного в индивидуальном существовании. Уход из жизни человека – невосполнимая утрата, драма, крушение целого мира, отзывающееся болью и страданиями в мыслях и чувствах близких ему людей и окружающих. Смерть – свидетельство всеобщей равновеликости перед ней (*«Смерть – спутница каждого человека»*), относительности и преходящести всего того, что разъединяет людей в их посюсторонней *жизни* (*«От смерти деньгами не откупишься», «Пред лицом смерти все равны», «Смерть на твое богатство не смотрит»*), предостережение от пустого, бессмысленного прожигания жизни (*«Жизнь дважды не приходит»*), призыв к духовности, человечности и ответственности перед природой, обществом, собой, памятью рода.

В Республике Башкортостан, в целях содействия сбережению традиционных семейных ценностей, укреплению связи между поколениями и родовой памяти, учрежден День поминовения и почитания, в рамках которого ежегодно организовываются благоустройство кладбищ, могил ветеранов, участников и вдов Великой Отечественной войны, участников боевых действий, посещение семейных мест захоронений с подготовкой на уровне администраций муниципалитетов и сельских поселений соответствующей инфраструктуры для людей, начиная с удобных маршрутов, организации дежурств на кладбищах, санитарной чистки, уборки и вывоза мусора и т. д.

Погребально-поминальный ритуал башкир – это последняя «свадьба» покидающего земную жизнь человека, демонстрирующая остающимся жить священность и незыблемость традиционных ценностей даже в условиях динамично меняющегося современного мира, метафизические глубины жизни и смерти, духовные смыслы бы-

тия, непреходящие основы его устойчивости, вечности, бесконечности, несмотря на постоянную изменчивость и уход из него отдельных людей.

Человек рождается, взрослеет, дает жизнь потомству и покидает земной мир, исполнив свой природный и человеческий долг, но он не уходит безвозвратно, а продолжает жить в своих потомках, в результатах своей деятельности, в памяти живущих, в вечном круговороте природы, в которую он возвращается. Башкирские ритуалы, маркирующие и освящающие основные этапы жизни индивида в природе и обществе, есть не что иное, как социальные и культурные механизмы обеспечения непрерывности национальной истории и этнической судьбы. Они являются одними из ключевых механизмов в сбережении и укреплении традиционных ценностей уже в современной жизни башкир.

Примечания

1. См.: Бикбулатов Н.В., Фатыхова Ф.Ф. Указ. соч. С. 88; Султангареева Р.А. Семейно-бытовой обрядовый фольклор башкирского народа. С. 19.
2. См.: Бикбулатов Н.В., Фатыхова Ф.Ф. Указ. соч. С. 91.
3. См.: Султангареева Р.А. Семейно-бытовой обрядовый фольклор башкирского народа. С. 29.
4. См. Там же. С. 30.
5. См.: Бикбулатов Н.В., Фатыхова Ф.Ф. Указ. соч. С. 102-103.
6. См.: Бикбулатов Н.В., Юсупов Р.М., Шитова С.Н., Фатыхова Ф.Ф. Башкиры: Этническая история и традиционная культура. С. 198.
7. См. об этом подробнее: Кусимова Т.Х., Биккулова С.А. Башкирские имена (на башк. языке). – Уфа: Китап, 2005.
8. Галиева Ф.Г. Семейные обряды и обычаи башкир в поликультурном пространстве. – Уфа: Китап, 2020. С. 170.
9. Бикбулатов Н.В., Юсупов Р.М., Шитова С.Н., Фатыхова Ф.Ф. Башкиры: Этническая история и традиционная культура. С. 199.
10. См.: Султангареева Р.А. Семейно-бытовой обрядовый фольклор башкирского народа. С. 65.
11. Галиева Ф.Г. Семейные обряды и обычаи башкир в поликультурном пространстве. С 170.

12. Башкирское народное творчество. Т. 12. Обрядовый фольклор. – Уфа: Китап, 2010. С. 295.
13. См.: Султангареева Р.А. Семейно-бытовой обрядовый фольклор башкирского народа. С. 66.
14. Там же. С. 65.
15. Башкирское народное творчество. Т. 12. Обрядовый фольклор. С. 340.
16. Сафин А.М. Башкирское народное воспитание. – Пермь: Б. и., 1992. С. 63.
17. См.: Султангареева Р.А. Семейно-бытовой обрядовый фольклор башкирского народа. С. 70.
18. См.: Султангареева Р.А. Башкирский свадебно-обрядовый фольклор. С. 12.
19. Описание основных этапов башкирской свадьбы см. подробнее: Башкиры /отв. ред. Р.Г. Кузеев, Е.С. Данилко; Ин-т этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН; Ин-т истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. С. 255-383.
20. Там же. С. 355.
21. См.: Башкирское народное творчество. Т. 1. Обрядовый фольклор (На башк. яз.). С. 416.
22. См.: Султангареева Р.А. Семейно-бытовой обрядовый фольклор башкирского народа. С. 98-99.
23. Рахматуллина З.Я. Башкирский национальный дух (социально-философский очерк). С. 71.
24. Султангареева Р.А. Башкирский фольклор: семантика, функции и традиции: Т. 1: Миф. Обряд. Танец. Сказительство. Шаманский, религиозный, музыкальный фольклор. Современные традиции. С. 453-454, 456, 460.
25. Башкиры / отв. ред. Р.Г. Кузеев, Е.С. Данилко; Ин-т этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН; Ин-т истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. С. 383.
26. Элиаде М. Священное и мирское. – М., 1994. С. 115-116.
27. См.: Башкирское народное творчество. Т. 1. Эпос. С. 124.
28. Бикбулатов Н.В., Юсупов Р.М., Шитова С.Н., Фатыхова Ф.Ф. Башкиры: Этническая история и традиционная культура. С. 199.

29. Галиева Ф.Г. Семейные обряды и обычаи башкир в поликультурном пространстве. С. 219.
30. Султангареева Р.А. Башкирский фольклор: семантика, функции и традиции: Т. 1: Миф. Обряд. Танец. Сказительство. Шаманский, религиозный, музыкальный фольклор. Современные традиции. С. 391.
31. Галиева Ф.Г. Семейные обряды и обычаи башкир в поликультурном пространстве. С. 207-208.
32. Бикбулатов Н.В., Юсупов Р.М., Шитова С.Н., Фатыхова Ф.Ф. Башкиры: Этническая история и традиционная культура. С. 200.
33. Там же. С. 202.
34. См.: Абду-Рахман бин Абдуллах Аль-Гайс. Джаназа: мусульманский похоронный обряд (перевод с арабского). – Ижевск, 1999. С. 52.

Глава 7. Аксиология башкирского гостеприимства: прошлое и настоящее

«Пусть приходит гость – лишь бы не пришла беда» – эта древняя пословица стала квинтэссенцией башкирского гостеприимства как уникальной ментальной черты и одной из традиционных духовных ценностей народа. Башкирское гостеприимство является одной из ипостасей общечеловеческого института гостеприимства как социокультурного явления, характерного для самых разных народов, отдаленных друг от друга не только в пространстве, но и во времени. Многочисленные параллели, поразительное созвучие философских и этических смыслов, эстетики и этикетных требований к поведению гостя и хозяина, совпадение отдельных организационных моментов в ритуале гостеприимства башкир и других народов лишь подчеркивают тот факт, что ценностные ориентиры и духовность башкирского этноса развивались в русле общечеловеческих гуманистических ценностей (1).

О гостеприимстве башкир как отличительном свойстве их национальной души писали древние путешественники, русские ученые и писатели XVIII-XIX веков, которые на своем собственном опыте могли судить о щедрости и радушии башкирского характера. Известный русский ученый конца XVIII века И. Лепехин считал гостеприимство одной из приятных черт башкир и сообщал следующее: «Нам всегда приятнее было смотреть на их гостеприимство. Башкирцы при всякой кочевке останавливались; самая младшая жена хозяина принимала гостинных лошадей, привязывала их к кибитке, и отстегивая седло, обивала пот. Вошедшие гости здороваются с хозяевами сжиманием рук и садятся не скидывая шапок. Тут хозяин или хозяйка наливает чашки кумысу и подает близ сидящему... оный другому даже до последнего, так что сидящий в первом месте начинает пить после всех. Сколько ни сыт бы был башкирец, принужден бывает выпить по крайней мере две большие чаши: ибо менее сего пить хозяину за обиду почитается. … кончат дело... к Богу мольбою. Тут хозяин наделяет их кумысом на дорогу, и лучше сам желает остаться ни с чем, нежели гостей отпустит без награды. Сия в башкирцах привычка так далеко простирается, что они «одни не могут, как говорят, съесть куска хлеба». Мы из любопытства давали калача

бывшему с нами старшинскому сыну, который его на малейшие разломив частицы, оделил всех предсидящих башкир» (2).

Русских исследователей удивляло добродушное и открытое отношение башкир даже к совершенно незнакомому человеку, оказавшемуся его гостем и которого он видел в первый и, возможно, в последний раз в своей жизни: «Хозяин старается при этом сделать для гостя все, что может. Если есть самовар, то угощает чаем с айраном, сливками и своим печеньем, а то и с простым хлебом; богатый башкир, пользуясь случаем, приглашает еще гостей и устраивает чуть ли не настоящий пир. Если есть кумыс, то при угощении он играет главную роль. Ухаживая за гостем, даже важным, башкир никогда не снисходит до низкопоклонства, заискивания и т. д., но сохраняет свое достоинство и держит себя независимо» (3).

Сами башкиры объясняли свое гостеприимство так. Когда был создан мир, якобы собрал Бог гонцов от всех народов и раздал им по пять самых разных праздников. По пути домой у башкира сломалась телега, и он отдал их другим, чтобы не оставить на дороге… Невесело было жить башкирам без праздников, и они снова отправили к Богу гонца. «Кончились у меня праздники, – ответил Бог. – Если они вам очень нужны, приглашайте гостей. Каждый из них принесет с собой праздник». И с тех пор приглашение в гости стало у башкир обычаем. Пришел гость – значит, пришел в дом праздник (4).

«Угощение и камень растопит» – рассуждали люди и считали, что гостеприимство обладает удивительной способностью умиротворять не только черствые и холодные души людей, но и обуздывать даже болезни. Существовало поверье: чтобы умилостивить и обезопасить болезнь, нужно пригласить ее в гости и оказать самый радушный прием. С.И. Руденко во время знакомства с краем записал довольно интересный рассказ. Однажды женщина-башкирка увидела на крыше болезнь в образе сороки, низко поклонилась ей, пригласила в гости, предложила искупаться в бане, быстро приготовила воду, таз, веник. Болезнь с большим удовольствием помылась и, удовлетворенная, покинула этот дом, оставив скот гостеприимной хозяйки живым и невредимым. Через несколько лет болезнь снова объявилась в этих краях, и все жители деревни затопили баню и стали зазывать «гостью». Отдохнувшая и «подобревшая» болезнь оставила деревенский скот в покое и убралась на все четыре стороны (5).

Кочевой образ жизни закономерно обусловливал зарождение института гостеприимства как своеобразной формы социального сотрудничества и взаимопомощи людей в условиях сурового быта. В основе гостеприимства – закон самосохранения, принципы взаимопомощи и социальной защиты в сложных круговоротах человеческой судьбы, таящих в себе многочисленные трудности и испытания. Каждый, голодный, усталый, замерзший, мог в любое время оказаться у чужого порога, и здесь без взаимного гостеприимства невозможно было обойтись. Человек, которому дали кров, всегда должен был помнить добро и радушие того, кто гостеприимно открыл перед ним двери своего дома, дал ночлег, снабдил его едой и водой на дорогу.

Случайный гость – явление частое в башкирском быту, тесно связанное со скотоводческим хозяйством. Дальняя дорога, блуждание в степи, поиски затерявшихся косяков или отбившихся от стада животных и т. д. часто приводили людей к порогу чужого дома. Развитая система гостеприимства в башкирском обществе была и одной из форм укрепления экономических и политических позиций имущих сословий. Роскошные пиры с обильным угощением для народа в виде свадебных церемоний или иных торжеств (приезд почетного гостя, рождение ребенка, значительное семейное событие, праздники и т. д.) были своеобразным способом повышения авторитета бая (состоятельного человека) и умножения его союзников. Слава о добром и щедром хозяине быстро распространялась по округе, отныне каждый участник пиршества считал своим священным долгом помнить его хлебосольство и всячески поддерживать хозяина, потому что помнил: *«Праздничное угощение памятно возвращением»*. Многочисленными описаниями богатых и шумных пиров с приглашением народа и обильным угощением мясом, бишбармаком (традиционным мясо-мучным блюдом, которое готовят по случаю приема дорогих гостей или знаковых семейных торжеств), кумысом в продолжение нескольких дней, с раздачей щедрых призов и дорогих подарков победителям в джигитовке, национальной борьбе, на конных скачках, стрельбищах из лука, певцам и сказителям изобилуют сказки, предания, эпические произведения башкир.

Система гостеприимства, поддерживаемая имущими слоями населения, четко регламентировалась с учетом богатства, престижа, авторитета как гостя, так и самого хозяина. Двери же простых лю-

дей всегда были открыты для человека, переступившего порог их дома. *«Чем входить в дом скупого бая, лучше войти в дом щедрого бедняка»* – говорили в народе.

В ритуале гостеприимства нашли отражение не только ценностные ориентации, мировоззренческие идеи, этические принципы, эстетические требования, но и религиозные представления башкир, принявших ислам. Когда после смерти правоверный предстанет перед Всевышним, как объяснял Мухаммад, тот его спросит: «Почему ты не накормил меня, когда я был голоден?». «Но как я мог накормить Тебя, владыку мира, Тебя, в чьей власти находится все?». «Такой-то, – скажет Бог, – был голоден, а ты не накормил его» (6). Как известно, «идеологический фон гостеприимства составляет так называемая теофания – мифологическое представление о том, что Бог в человеческом облике ходит по земле» (7). Во многих культурах самым почетным и дорогим является «Божий гость», или незнакомый человек, который пришел в дом неожиданно, без приглашения: он священное лицо независимо от возраста, пола, положения, и хорошо принять такого гостя – святой долг земного человека.

Право совершенно незнакомого человека остановиться в качестве гостя в любом жилище и безусловная обязанность хозяина оказать ему самый радушный прием и предоставить ему все необходимое – эти требования были характерны и для башкирского гостеприимства. Мотив Бога-гостя часто встречается в башкирском фольклоре. Люди всегда с особым почтением относились к неожиданному пришельцу именно как к сакральной фигуре: любой, кого судьба завела в чужой дом, мог оказаться посланником Всевышнего или самим Богом, представшим в облике земного существа. «Божий гость» – самый почетный гость. *«Божью пищу черт пожалел»* – гласит башкирская пословица. По представлениям башкир, кормит человека Всевышний, который дает пищу не только ему, но и всему роду человеческому, и поэтому не делиться пищей – это святотатство, способное навлечь гнев Бога-кормильца. Законы башкирского гостеприимства были священны, как и в других культурах.

Сакральность гостя является в некотором роде «ключом» к расшифровке многих таинственных и загадочных моментов в ритуале гостеприимства. Кем бы ни был пришелец (богатым или нищим, чужестранцем или знакомым, врагом или другом), переступив через порог, становился священной фигурой, и дело чести хозяина

отныне – заботиться о нем, оберегать как зеницу ока, оказывать самый радушный прием. Если пришелец, скрываясь от притеснений или преследования, просит у хозяев убежища, то он обязан приложить все усилия для того, чтобы гостю не было нанесено ни малейшего ущерба. Если же подобное случалось, то во многих культурах причиненный пришельцу вред приравнивался к ущербу, нанесенного самому хозяину, и требовал равновеликого возмещения, вплоть до кровопролития. У народного поэта Башкортостана Р. Бикбаева есть стихотворные строки, опоэтизировавшие данное требование:

Обычай дедов был суров и строг:
Для гостя – и приют, и угощенье.
Пусть даже враг ступил на твой порог –
Он тоже гость, и так же он священен.
И не возникнет в доме свар и драк,
Ждет гостя конь, оседланный и сытый.
И лишь когда аул покинет враг –
Рванутся в степь вослед за ним джигиты (8).

Как и во многих других традициях, у башкир считалось неприличным спрашивать человека, переступившего порог, кто он, откуда родом, куда и с какой целью направляется и что привело его в дом. Безымянность «Божьего гостя» считалась сферой его свободы. Через определенный обычаем срок (по традиции это три дня: *«Почет гостю – три дня, на четвертый – пусть на себя пеняет»*) пришелец сам может рассказать об этом, но может уехать, не представившись, в чем народ не видел ничего предосудительного.

В представлениях башкир пришелец всегда ассоциировался со счастьем и радостью (*«У счастливого человека все гости враз приходят»* (и званые, и незваные), «*Негостеприимный человек не узнает радости»*). Он всегда вносил оживление и разнообразие в устоявшийся монотонный быт хозяина (*«Приход гостя – дому украшение»*), в будничное и привычное застольное меню (*«Гость приходит – угощение приходит»*). Странник из далеких краев становился источником новой информации, рассказывал свежие новости, делился впечатлениями об увиденном и услышанном. Теплый прием, открытая душа, любезность и внимательность – все это предназначалось пришельцу. *«Вкус еды – с гостями», «Если гость придет, открой ворота, если в дом войдет, открой казан», «Если даже дом пуст, пусть в*

душе пусто не будет, если даже в доме тесно, пусть душе тесно не будет», «Краса застолья – острый нож да жирное мясо», «Улыбка да чай – благо для гостя» и др. – эти пословицы стали неписаными правилами народного гостеприимства.

Зажиточные башкиры в прошлом держали специальный дом для приема гостей, а у тех, у кого не было такой возможности, гостиной служила часть дома. «Дом для гостей» был своего рода и центром воспитания и социализации подрастающего поколения. Здесь исполнялись героические песни, кубаиры, рассказывались исторические и родовые предания. Молодежь приобщалась к мудрому слову аксакалов, к национальной истории, социальным и семейным ценностям, этике и этикету, слушала сказителей, обучалась песням и танцам. Ритуал гостеприимства ненавязчиво воспитывал в молодом поколении традиционные ценностные установки, чувство ответственности, внимательность, совестливость, почтительность и уважительное отношение к людям.

Церемониал имеет как бы два полюса: на одном – гостеприимный, радушный, щедрый хозяин, на другом – гость. Если о приезде почетного гостя было известно заранее, обязательно выезжали (выходили) его встречать.

Последовательность приема почетного, уважаемого человека в прошлом можно проследить по материалам башкирских эпических сказаний, сказок, легенд. Въехавшему во двор помогали сойти с коня, осторожно поддерживая за руки, провожали в дом, сажали на мягкие подушки, предлагали отдохнуть с дороги. После взаимных приветствий, зарезав самую лучшую и жирную скотину, хозяева старались угостить прибывших со всем радушием и щедростью.

Уважаемый человек считался гостем всей округи, в этом случае хозяин собирал большое застолье и «показывал гостя». Приглашенные, в свою очередь, считали долгом пригласить его к себе домой, демонстрируя тем самым почтение и уважение к хозяину и его гостю.

Гость всегда был в центре внимания. Атмосфера дома, принявшего его, была направлена на то, чтобы создать максимальный уют и комфорт. *«Гость хоть мало пробудет, да много узнает»* – считали люди, и поэтому пререкания и ссоры среди домочадцев, тем более выяснение каких-либо личных, семейно-бытовых отношений

при нем были большой редкостью. Сохранение авторитета гостеприимного дома и своего достоинства было делом чести хозяев.

Грубейшим нарушением правил гостеприимства считается прием без угощения. Ритуал предписывает хозяину ставить на стол все лучшее, что имеется у него дома. Угощению предшествовала процедура мытья рук. Гостю подносили таз, сосуд с водой, чистое полотенце и мыло. После мытья рук приносили кушанья. «Меню» и последовательность подачи блюд определялись состоятельностью и возможностями хозяев, но в целом неизменными составляющими традиционного угощения для гостя являлись бишбармак, бульон, чай, кумыс, мед, блины, сливки и др. Хозяин должен был следить за тем, чтобы гость угостился на славу и съел как можно больше. В башкирском гостеприимстве до сих пор встречается обычай кормить с руки. Накормить гостя – святая обязанность хозяина. Таким образом он оказывает честь гостю и в то же время утверждает свою честь, демонстрируя свою щедрость и радушие. В 50-е годы XIX века в «Оренбургских губернских ведомостях», издававшихся в Уфе, был опубликован рассказ учителя духовной семинарии В.Зефирова «Взгляд на семейный быт башкирца», в котором шаг за шагом воспроизводится последовательность прошедшего через века и оставшегося в принципе без особых изменений ритуала гостеприимства. Случайно встретившийся на пути автора башкир Абдулла накормил и угостил его всем, что имел, «обласкал, успокоил с совершенным радушием», не имея, впрочем, в нем никакой нужды. В.Зефиров с удивлением описывает процедуру, когда радушный хозяин кормит его бишбармаком с руки: «Когда хозяин, искрошив баранину мелко-намелко и, желая выказать все свое доброхотство и любовь к гостю, зачерпнет своей пятерней из чашки баранины и поднесет к его рту, – так я уже и не знаю, как выразить это наслаждение, – оно выше всякого понятия. Гостю только осталось с небольшим усилием забрать все предлагаемое в рот» (9).

После угощения снова повторялась церемония мытья рук. После еды, а иногда и до нее, гостя развлекали песнями, игрой на курае, вели непринужденные застольные беседы. Вечером, провожая спать, желали приятных сновидений. *«Ради уважения к гостю и собаку его угощают», «У гостя и лошадь гостья»* – считали в на-

роде, и поэтому конь гостя, сытый и ухоженный, дожидался своего хозяина в теплом, сухом месте.

Собравшегося уезжать просили остаться погостить еще, однако без излишней настойчивости и надоедливости – хозяин должен был уважать желания и свободу действий своего гостя. Церемония расставания была последним аккордом великодушия в этом ритуале: гостя одаривали подарками, гостинцами для детей и домашних, желали всяческих благ и приглашали приехать еще. Открывали ворота и долго смотрели ему вслед, пока он не скрывался за ближайшим поворотом, деревом, домом.

У щедрого, радушного хозяина дом всегда был полон гостей. Но если для «Божьего гостя» двери были открыты в любое время суток, то заранее запланированные празднества народ устраивал обдуманно, исходя из своих возможностей, трезво взвешивая возможные финансовые и материальные последствия. *«Пиры веселят, да карманы пустошат», «Каждому гостю барана будешь резать, скотины не останется», «В доме, где много гостей – нет достатка», «Собираясь пригласить гостей, не войди в долги – после голодать будешь»* – эти мудрые пословицы выросли из каждодневного опыта народа, который знал цену добытым в кропотливом труде средствам, и поэтому удивительное радушие никогда не было безотчетно слепым, а щедрость всегда шла рядом с умеренностью и бережливостью.

Ритуал гостеприимства, предъявляя круг требований к хозяину, не оставляет в стороне и пришельца. Выполнение своих обязанностей по отношению к человеку, давшему приют и пищу, соблюдение элементарных правил приличия в чужом доме – это было уже делом чести гостя.

По традиции гость обязан быть покорным воле хозяина. Иронично-легкомысленная на первый взгляд башкирская пословица *«Гость – ишак хозяина»* имеет глубокий смысл и как нельзя лучше отражает это ритуальное требование. Действительно, переступив через порог чужого дома, пришелец сразу же попадает в объятия хозяина и до финальной точки «сценария гостеприимства» принимает как должное все то, с чем сталкивается в этом доме, если только те или иные действия не противоречат общепринятым канонам ритуала. Без видимых причин, не приняв минимума услуг (угощение, чистка верхней одежды, уход за лошадью, кратковременный

отдых и т. д.), гость не может покинуть принявший его дом, тем более без разрешения хозяина, не поблагодарив его и не попрощавшись с ним. Одним словом, гость как бы попадает в плен к хозяину, становится «узником» приютившего его дома. Кстати, аналогичную параллель можно встретить у кавказских народов (*«Гость – раб хозяина», «Гость – пленник своего хозяина»*). Каждый шаг, каждое движение, каждое желание берутся под зоркий «контроль» домочадцев, которые теперь обязаны предвидеть потребности и желания пришельца. Гость же, проявляя максимум спокойствия и выдержки, должен вести себя соответственно новому статусу. Никто не желал заслужить славу дурного человека, который унизился до ссоры с приютившими его людьми или же вел себя недостойно в чужом доме. В том случае, когда человек попадал туда, где явно было не до него (например, горе или беда обрушились на семью, траур, болезнь кого-либо из домочадцев и т. д.), он имел право уйти, сославшись на срочные дела или другую причину.

На протяжении веков народное гостеприимство выкристаллизовывало неписаные «золотые правила», регулирующие нравственное поведение и действия гостя. Он первым приветствует встречающих его хозяев, высказывает благопожелания и переступает через порог правой ногой, приносящей счастье и благополучие. Войдя же в помещение, воспитанный человек должен терпеливо ждать, когда ему предложат сесть – самовольность и беззастенчивость, тем более беспардонность никогда не приветствовались в народном этикете. Гость неторопливо, степенно, не теряя своего достоинства, играет отведенную ему роль. Непоседливые, бесцеремонные, шумные и импульсивные не вписывались в торжественную, спокойную атмосферу приема. Осуждалось всякое проявление нетерпения и спешки. В частности, считалось неприличным сразу же начинать беседу со своей просьбы.

Как уже отмечалось, в распоряжении гостя были три дня, в течение которых он получал возможность решить свои проблемы, угощался, отдыхал, мылся в бане, слушал песни, вел задушевные разговоры. *«Умеешь открывать чужие ворота, умей их и закрывать»* – эта пословица как бы является предостережением тем, кто не обладает чувством такта и меры. Человек же со срочным делом, естественно, не выжидал трое суток, чтобы заговорить о цели сво-

его приезда (прихода): обычай в этом случае позволял начать разговор сразу же после угощения.

О предполагаемом отъезде сообщалось заранее. Церемония прощания предписывала взаимные пожелания всяческих благ и здоровья. *«В ответ на угощение – угощение», «Ешь в гостях утку – готовь своего гуся»* – рассуждал народ, и поэтому гость считал своим святым долгом пригласить хозяев к себе и оказать такой же достойный и радушный прием.

Воспитанный, тактичный человек никогда не выражал своего недовольства атмосферой приютившего его дома, даже если она этого заслуживала. Разносить сплетни по округе, рассказывать о недостатках или изъянах, тем более о пробелах и упущениях в организации, например, застолья считалось делом неприличным и недостойным уважающих себя людей и серьезно осуждалось народным этикетом. *«Приглашение в гости – честь, никому не рассказывай, если даже нечего было есть»* – так предостерегала неблагодарных народная мудрость.

Ритуал гостеприимства обрисовывает также моральный облик гостя. Народ ценил в нем воспитанность, скромность, чувство такта и меры, сдержанность, спокойствие. *«Неблагодарный гость угостится, да тебя же и ославит», «Невежливый гость настроение испортит», «Если ты гость, будь скромен», «Из-за гостя, не знающего обычаев застолья, хозяин краснеет»* – говорили люди. Неписаные ритуальные правила запрещали ему вмешиваться в дела семьи, нездоровое любопытство и разгуливание без разрешения и сопровождения по двору отнюдь не украшали его поведение. Считалось низостью и делом, недостойным мужчины, заглядывать в комнату женщин или где готовится угощение, заговаривать с женской половиной дома. Столь же недопустимыми являются развязное поведение, оскорбления в адрес членов семьи и хозяина, унижение их человеческого достоинства, заигрывание и флирт с женщинами.

Выяснение отношений и сведение старых счетов в гостях, ссоры, брань, ругань, драки – грубейшее нарушение законов гостеприимства. *«Трапеза в согласии сладкой бывает»* – это правило знал каждый хозяин и старался оградить празднество от возможных неприятностей. *«Двух врагов за один стол не сажай»* – предостерегала народная пословица. В том случае, когда за праздничным за-

стольем все же оказывались люди, враждующие друг с другом, то они должны были вести себя так, словно не замечали друг друга.

Приглашение в гости издавна считалось знаком уважения и особого расположения, и поэтому уважающий себя и других без видимых на то причин не имел права отказываться от него (*«Признак вежливости – приветствие с поклоном, признак уважительности – прибытие без опоздания», «Куда зовут – иди, откуда гонят – беги»*). Хозяева могут обидеться, и в будущем быть снова приглашенным в этот дом было довольно проблематичным (*«Не пойдешь, куда зовут, – после долго каяться будешь»*).

Считалось, что тактичный человек, который знает цену своему достоинству и уважает время и труд хозяев, не будет опаздывать на праздничное застолье: *«В гости к столу приходи, запоздаешь – стыдно будет».* Воспитанный гость во всем благодарен хозяевам: за их старания, хлопоты, заботу, поскольку в жизненном круговороте не раз еще придется поменяться ролями: сегодня он гость, завтра сам будет принимать гостей. Народ знал, что «золотое правило» нравственности «относись к другому так, как бы ты хотел, чтобы он относился к тебе» как ценностная установка срабатывает только в том случае, когда человек видит в другом личность, равноценную себе, достойную уважения и подлинно человеческого отношения.

Воспитанные гости оставляли свои личные проблемы дома и не портили праздничную атмосферу застолья. *«Гость с детьми – хлопотный гость», «Гость с собакой во двор не вмещается, гость с детьми в дом не вмещается»* – считали в народе и поэтому на празднества, где собирались взрослые, детей старались не брать, чтобы не создавать лишних хлопот.

Ритуал выдвигает и ряд адресованных гостю требований застольного этикета. Не уронив своего достоинства, воспитанный человек не может даже и намекнуть, что он голоден или что хозяева не очень-то расторопны и заставляют его долго ждать. Без приглашения главы семейства считалось неприличным первому притрагиваться к подаваемым блюдам (*«Не приступай к угощению, пока хозяин не отведал»*). Несмотря на обилие пищи, не полагается много, некрасиво и с жадностью есть, чтобы не прослыть обжорой. Наоборот, нередко в гости отправлялись сытыми (*«В гости собирайся, дома наедайся, в шелк одевайся», «На свадьбу и застолье иди сытым»*). Более того, чревоугодие считалось одним из неприятных

человеческих пороков, и поэтому прожорливого, ненасытного человека предостерегали: *«Смерть обжоры от еды, вора – от палки»*. Над таким горе-гостем народ часто иронизировал: *«У обжоры желудок сыт, да глаза ненасытны», «Обжора ушел – его место осталось, от сытости еще и шубу забыл».*

Не приветствовалось также и злоупотребление алкогольными напитками. Отношение башкир к ценности трезвости наложило свой отпечаток и на церемониал гостеприимства: *«Пьянство денег требует, да голову губит», «Водка – не пища, а камень в печени», «Водка разговор продлевает, да жизнь сокращает»*. Знающий меру во всем, рассудительный, веселый, но трезвый гость всегда был в почете и был украшением застолья, слава пьяницы не прельщала уважающего себя и других человека. *«Водка и льва валит», «Пьющий разум свой теряет», «Выпив на копейку, на три копейки не пьяней», «Тот, кто пьет водку, раньше своей смерти умрет»* – эти народные изречения не потеряли своей актуальности и сегодня, и к ним есть смысл прислушаться.

В Башкортостане с 2011 года, в целях возрождения и развития традиций трезвости, реализуется проект-конкурс «Трезвое село», направленный на пропаганду трезвого образа жизни, сохранение здорового генофонда населения республики. В рамках проекта проводятся многочисленные культурно-просветительские мероприятия, тематические и семейно-бытовые «трезвые» праздники, акции социальной направленности (профилактика и разрешение семейных конфликтов, бытового насилия, организация «горячей линии» по оказанию юридической, наркологической и психологической помощи и др.). Конкурс культивирует патриотические чувства, значимость жизни на селе, стремление творить свою жизнь и свое окружение по законам красоты, сплоченность сельской общины, внимание к духовно-нравственному и физическому здоровью – своему и односельчан и др. Проект получил огромный общественный резонанс: растет число жителей, ведущих трезвый образ жизни, занимающихся в спортивных секциях и художественной самодеятельностью, снижаются объемы продаж и потребления алкоголя (вплоть до отказа от его продажи в сельских магазинах), увеличивается призовой фонд, который направляется на обустройство поселений-победителей и приобретение техники. Самое главное: чрезмерное употребление алкоголя (и за гостеприимным праздничным

столом, и в быту) становится сегодня «немодным» и среди взрослого населения, и среди молодежи.

Без существенных изменений башкирский ритуал гостеприимства дошел до сегодняшнего дня, сохранив свое ценностное измерение, нравственные мотивы и значение в совершенствовании человеческой природы и в воспитании культуры поведения индивида. Его законы играют огромную роль не только в приобщении современного человека к традиционным ценностям народа, но и в позиционировании гостеприимного Башкортостана на федеральном и международном уровнях. В последнее время республика стала площадкой для проведения многочисленных всероссийских и международных культурных форумов и мероприятий, участники и гости которых становятся свидетелями радушия и гостеприимства башкир и народов многонационального края.

Примечания:

1. Описание идеологии, философии и этики башкирского ритуала гостеприимства см. подробнее: Рахматуллина З.Я. Моральный облик – лицо нации (На башк. яз.). С. 86-111; Она же. Башкирское гостеприимство как социокультурное явление // Бельские просторы. 2001. №3. С. 152-158; Она же. Башкирский национальный дух (социально-философский очерк). С.75-81; Рахматуллина З.Я., Хусаинова Г.Р. Башкирское гостеприимство и его отражение в народной паремии // Традиционная культура. 2022. № 3. Том 23. С. 110-117.
2. Лепехин И.И. Продолжение дневных записок путешествия академика и медицины доктора Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1770 г. С. 56-57.
3. Никольский Д.П. Башкиры: Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. С. 98.
4. См.: Башкирское народное творчество. Т. 2. Предания и легенды. С. 342-343.
5. См.: Руденко С.И. Башкиры. Опыт этнологической монографии. Ч. 2. Быт башкир. С. 312-313.
6. См.: Панова В.Ф., Вахтин Ю.Б. Жизнь Мухаммеда. – М.: Политиздат, 1972. С. 146.
7. Байбурин А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета: этнографические очерки. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1990. С. 122.
8. Бикбаев Р. Заря. (Стихи): Пер. с башк. – М.: Сов. Россия, 1982. С. 70-71.
9. Башкирия в русской литературе. В 6 томах. Т. 1. С. 425.

Глава 8. Башкирская народная песня как квинтэссенция традиционных ценностей

Традиционные ценностные ориентации башкир нашли свое образное воплощение в результатах художественно-эстетического освоения народом окружающего мира. Башкирское искусство отражает миропонимание и мироотношение человека в неразрывном единстве всех его составляющих компонентов (ценностно-мировоззренческих, религиозных, этических, эстетических и др.). Искусство для башкира – не просто украшение жизни, развлечение или забава, уносящая в мир грез и мечтаний, а средоточие, квинтэссенция ценностных приоритетов, образно и пластически символизированная правда жизни и национальной души, истина и смысл бытия, представшие в художественно-метафорических интерпретациях. В народной хореографии, музыкальном творчестве, фольклоре, декоративно-прикладном искусстве и даже в жилище, создававшемся трудом и фантазией талантливых ремесленников и мастеров, запечатлелись не только образ жизни, но и стиль мышления, мироощущение и мировоззрение народа, его ценностные установки, идеалы и творческий дух.

Башкиры издавна придавали огромное значение эстетическому и художественному воспитанию подрастающего поколения как одному из действенных способов приобщения молодежи к национальной истории и судьбе, к духовному опыту прошлого, к традиционным ценностям, заключенным в поэтическом и песенном слове, танцевальном движении, звуке народной мелодии, языке орнамента и декора (1). Встреча с искусством обычно происходила в семейном кругу, на праздниках, молодежных игрищах и посиделках. Оно было неразрывной частью народных празднеств с участием большого количества нарядно одетых взрослых и детей, на которых организовывались различные состязания в мужской ловкости и женском мастерстве: джигитовки, конные скачки, стрельба из лука, борьба, музыкальные конкурсы, женские соревнования и др., демонстрировались исполнительские способности известных в округе и начинающих танцоров, певцов, музыкантов, сэсэнов. Подобные массовые мероприятия, представляющие собой механизмы социального и духовного единения и общения, всплеск творческой энергии народной души, знакомство с историческими преданиями, име-

ли огромный духовный, просветительский и воспитательный потенциал (особенно для подрастающих поколений), ненавязчиво, в образно-эмоциональной и зрелищной форме приобщали к традиционным ценностям.

Особое место в художественном творчестве башкир в прошлом занимала и сегодня занимает музыка. Музыка – это отражение жизни в экспрессивно-эмоциональных переживаниях и окрашенных чувством идеях через звуки особого рода, в основе которых лежат обобщенные интонации человеческой речи. *«У кого нет курая – нет мелодии, у кого нет мелодии – нет жизни», «Пусть песня и не молодит мужчину, но молодит душу», «Песня – радость для веселого, утешение для грустного», «Не спев песню, душа не успокоится»* – говорили башкиры.

Музыкальная культура башкир до Октябрьской революции развивалась в основном в рамках музыкально-поэтического творчества, представленного вокальными произведениями. Это обрядово-ритуальные песни, музыкально-песенные вставки в фольклорных произведениях, напевы эпических сказаний, сольное двухголосное гортанное пение – узляу, разнообразные по тематическому содержанию и музыкальной стилистике лирические песни и др. Особое место в башкирском музыкальном мире занимают инструментальные произведения: различные наигрыши, мелодии обрядово-ритуальных и лирических танцев, инструментальное звукоподражание и др.

Многообразие сюжетно-поэтической основы башкирской народной музыки позволяет выделить в музыкальном фольклоре две большие группы, имеющие между собой много общего. К одной из них можно отнести произведения народного творчества с преобладанием в них текстового, поэтического начала (эпические жанры), к другой – собственно музыкальные жанры (песни и наигрыши). Значительное место в музыкальном эпосе занимают кубаиры, являющиеся кладезью традиционных ценностей и восхваляющие величие и красоту родной земли, подвиги народных богатырей, верность исторической памяти. Создателями и исполнителями кубаиров были сэсэны, искусные сказители и поэты-импровизаторы, обладающие непревзойденным искусством слова и ораторским талантом.

Параллельно с кубаирами бытовали баиты, в которых, наряду с исторической, присутствует и социально-бытовая проблематика, раскрывающая драматические коллизии повседневного мира человека. Огромный воспитательный потенциал заключали в себе дидактиче-

ские (нравоучительные) произведения, осуждающие недостатки и пороки общества, негативные стороны человеческой психологии.

Особое место в музыкальном творчестве, в котором особенно наглядно отразились базовые ценности башкирского народа, его представления о добре, истине, красоте, справедливости, занимает народная песня как уникальный духовный артефакт башкирской культуры, сформировавшейся в природном окружении, в мире бесконечного раздолья и красоты. Духовные смыслы и идеи народной песни питают современное профессиональное искусство башкир, которое известно далеко за пределами Российской Федерации.

Сегодня Башкортостан с красивейшими природными зонами (это ковыльные степи, древние горы и рифовые шиханы, реликтовые хвойные и лиственные леса, знаменитые пещеры, озера, реки и др.) называют «второй Швейцарией». «Куда ни взглянет башкир, – писал Ф.Д. Нефедов, – все приводило его в восторг и удивление. Там, один за другим, без конца тянутся горные кряжи с мягко обрисовывающимися в голубой дали выступами; там – темные, без просвета дремучие леса, из края в край переполненные зверями и птицами; там – широкие степи и восхитительные долины, то перерезанные синими полосами величаво несущих свои воды рек, то сверкающими на солнце серебряными струями ручьев и рек, весело и беззаботно, как дети, мчащихся по яркой зелени лугов. Глядит на все башкир и дивуется, а на сердце у него так легко и радостно, уста сами собою, невольно слагают не то гимн природе, не то песню…» (2). Башкиры, как уже отмечалось, на протяжении веков занимавшиеся полукочевым скотоводством, жили в самом центре свободной природы и изначально впитали смыслы и дух вольной степной философии. Они видели в природном мире не только основу своего гарантированного и обеспеченного бытия, но и предмет благоговейного и бережного отношения к нему как символу Родины, родной земли, и бесконечная мозаика их духовных эмоций и эстетических переживаний воплощалась в музыке. Через протяжные и долгие мелодичные звуки, слова, выразительную интонацию, тембр, ритм, особую композицию башкиры не просто пели, а «рассказывали» о диалектике жизни и смерти, добре и зле, прекрасном и безобразном, истине и заблуждениях, о справедливости и любви. Народная песня была «зеркалом», отражающим состояния внутреннего духовного мира индивида, его мыслей, чувств, эмоций и на-

строений, порожденных бытием, жизненными обстоятельствами, личными судьбами и противоречиями этнической истории.

Народное песенное творчество башкир в прошлом представлено песенными вставками и напевами в произведениях устного поэтического творчества, эпических сказаниях, разнообразными по содержанию и музыкальной стилистике патриотическими, лирическими и обрядовыми песнями, сопровождавшими многочисленные ритуалы и праздники (семейные, религиозные, экологические и др.).

Всестороннее изучение музыкального фольклора башкир, в том числе и народной песни, началось в 30-е годы XIX века. Такие известные отечественные исследователи, музыковеды и композиторы, как А.А. Алябьев, Г.Х. Еникеев, Р.Г. Игнатьев, П.М. Кудряшев, А.И. Оводов, С.Г. Рыбаков, М.И. Султанов и др., внесли свою лепту в систематизацию башкирского музыкального творчества. Результатом научного осмысления народной и профессиональной музыкальной культуры башкир и народных песен стали также работы современных исследователей Х.А. Ахметова, С.А. Галина, Х.С. Ихтисамова, Р.Ф. Зелинского, Л.Н. Лебединского, Л.К. Сальмановой, Р.С. Сулейманова, А.М. Хакимьяновой и др.

Начало 50-х годов ознаменовано развитием национальной хоровой, симфонической и камерно-инструментальной музыки, воспевающей мирный труд, дружбу между народами, воспитывающей гражданственность и патриотизм, любовь к родной земле (произведения композиторов Х.Б. Ахметова, Х.Ш. Заимова, З.Г. Исмагилова, Р.А. Муртазина, Н.Г. Сабитова др.).

В 60-70-е годы в музыкальную жизнь республики вливаются молодые талантливые композиторы, творчество которых сочетает поиск новых концепций, жанров и средств выразительности с опорой на фольклорные музыкально-поэтические традиции. Лирические песни, романсы, хоровые и симфонические сочинения М.Х. Ахметова, Л.З. Исмагиловой, С.А. Низамутдинова, Р.М. Хасанова, Д.Д. Хасаншина и др. стали яркими страницами современной музыкальной антологии. Удачное сочетание средств и приемов композиторского письма с вокальным искусством исполнителей и сценическим мастерством артистов воссоздают историю, нравственные искания и духовные ценности башкирского народа.

Как подчеркивает Р.С. Сулейманов, народную песню башкиры классифицируют по сугубо музыкальным принципам – темпу и

характеру звучания, называя «озон кюй» («долгие», протяжные напевы) и «кыска кюй» («короткие» напевы) (3). Исполнителями народных песен, как правило, были сэсэны, поэты-импровизаторы, художественно одаренные талантливые вокалисты из народа, которых с уважением называли «мастер». Искусство пения считалось одной из значимых и почитаемых в обществе добродетелей, а песня несла в себе огромное воспитательное и духоформирующее начало, приобщала молодое поколение к этическим и эстетическим ценностям, к символам национальной истории, вносила свою лепту в художественное формирование индивида.

В народной песне, которая рождалась под непосредственным воздействием природы и повседневного бытия, нашли отражение ментальные особенности национального духа башкир и их базовые традиционные ценности. Специфические мелодико-интонационные приемы и самобытные выразительные средства музыкального языка башкирской музыки, дидактический потенциал позволяют идентифицировать башкирскую народную песню в современной музыкально-вокальной мозаике. Песни воспевают величие и красоту родной природы, гордые горные вершины, свободную и бескрайнюю степь, в которой вырос вольный дух башкира-кочевника, течение величавых рек, таинственные озера. «Масимтау», «Долины прекрасной Агидели», «Родное становище», «Долины прекрасной Демы», «Круглое озеро», «Туялаш», «Курташ» и др. (4) – подобное песенное творчество могло родиться только в той культурной среде, в которой патриотизм и экологизм являются определяющими национальное мироотношение смысложизненными ценностями. В песнях «мы слышим и песнь журавля, и клекот орла, и кукование кукушки, и топот скачущих коней» (5).

Песни в прошлом исполнялись без сопровождения (сольное исполнение) или под игру на курае. Курай – это уникальный духовой музыкальный инструмент, который мастерами-умельцами вырезается из высушенного и полого внутри растения, встречающегося только в горных районах Урала. Как известно, 1 марта 2018 года Республиканский центр народного творчества Башкортостана запатентовал курай как исключительно башкирский национальный инструмент, и он был зарегистрирован в качестве территориального бренда республики.

Протяжные песни под звуки курая – это удивительное и завораживающее зрелище, о котором с удивлением писали зарубежные и русские исследователи прошлого. «И вдруг… раздался нерешительно, стыдливо пронесся по степи тоскливо-унылый звук флейты. В ночной тишине чья-то душа жаловалась печальными звуками… они были такие же ровные, без резких переходов, такие же уныло однообразные, как и степь; она вылилась в них, в звуках отразилась степь, и то, и другое слилось в одной общей, меланхолической гармонии, – отмечал, в частности, М.А. Круковский. – Чудно красива была эта незатейливо простая песенка… лучший оркестр в мире не дал бы здесь такого настроения, не передал бы так сильно и поэтично впечатления живой природы; здесь можно убедиться, что музыка, вылившаяся из нетронутой поэтической души народа – это живой язык природы, это сама природа» (6).

Как свидетельствуют историки, в 1925 г. в Париже на концерте в рамках Всемирной выставки декоративного искусства игра на курае башкирского музыканта-виртуоза Ю.М. Исянбаева удивила музыковедов и журналистов. В рассказе башкирского писателя Г.Б. Хусаинова «Курай» говорится о встрече французских зрителей с мастером и его «диковинным» музыкальным инструментом. Один из них поднялся на сцену и стал с любопытством рассматривать курай. Ю.М. Исянбаев вынес привезенное из Башкирии растение, выкопанное с корневищем, здесь же изготовил курай и заиграл мелодию народной песни «Баик», удивив аудиторию еще больше. Поднявшаяся на сцену дама поцеловала музыканта и подарила ему свое драгоценное кольцо в знак восхищения и признательности. Сегодня же башкирский курай знают во многих странах мира, где проходят гастроли башкирских национальных коллективов (7).

Народные песни, вплетенные в жизнь народа, его исторические испытания, переживания и радости, на протяжении веков сопровождали национальную историю и вобрали в себя веру, надежду, любовь народа. Они прославляли родную землю, героев-батыров, человека труда, влюбленных, оберегали добро и добродетели, призывали к верности историческим корням и духовным истокам, вселяли в души оптимизм, осуждали пороки, зло, безобразное, вдохновляли на подвиги. Башкирская песенная лирика представлена бытовыми, любовными песнями, песнями философского характера, песнями о мужской судьбе, о женской доле (8).

Башкиры пели о красоте родной земли, природы, которые нуждаются в защите и сбережении, о необходимости дружбы родов и племен, сформировавших единый башкирский этнос, о защите своей земли («Урал», «Земля башкирская», «Джусалы» и др.) (9). После принятия русского подданства народное сознание рождает новые песни, полные воспоминаний о свободной кочевнической жизни, в них – тревога за будущее, надежда, что новая история в жизни башкир будет наполнена добрыми событиями, поклонение перед героями, которые защищали простого человека от несправедливости и притеснений, стояли на страже границ Российского государства. Как известно, башкирские конные войска отстаивали интересы единого Отечества и участвовали в многочисленных походах, проявляя мужество и храбрость.

Диалектика жизни и смерти, мужества и трусости, побед и поражений, тоска по дому и близким, служба в армии, военные будни, горечь потерь вплетались в берущие за душу мелодии озонкюй («Азамат», «Уил», «Песня солдата», «Колыбельная» и др.) (10). Особенно грустные минуты расставания с родной землей, жизнь на чужбине вдали от дома рождали песни о Родине, слова и мелодии которых выражают весь спектр душевных переживаний и эмоций человеческой природы, тоскующей по родному краю.

Родная природа, священная земля предков для башкир – ценность, которой нет цены. Тема Родины пронизывает многие песни: *«Хорош тот край, где злато-серебро, но родина, она всегда дороже»* («Родное становище»), *«На чужбине трудно жить егету… отчий край зовет в обратный путь … кто вдали от родины проживет?»* («Дикие гуси»), *«Далеко-далеко, за туманом – стойбище, любимая родня, я принес бы в жертву что угодно – только схороните там меня»* («Зильмердак»), *«Упавшего не мучай скакуна, душа твоя понять коня должна. Над головой одно сияет солнце, и Родина всегда у нас одна»* («Песня Тимирбая»).

Люди пели о красоте родной земли, о преданности и любви к ней: *«Как хороша речка, как хороша! Течет река-речка Туялас. …Стоят здесь в ряд юрты на берегу. Как хорошо, люди, здесь у нас»* («Туялас»), *«Шелковый пояс не хочу снимать, украшен пояс дорогим узором. Я не хочу отчизну покидать – луга родные и родные горы»* («Родное становище») и др. (11).

Мотивами тоски о родной земле пропитаны и песни о несчастной женской доле. По традиции в прошлом башкирских девушек часто умыкали соседи и увозили в чужие края, или родственники насильно выдавали их замуж в далекий род, иногда очередной женой за пожилого, но состоятельного человека, которого они видели в первый раз в своей жизни. Их семейная жизнь в чужом доме в окружении соперниц и новых родственников, порой враждебно настроенных, превращалась в безрадостное существование, пропитанное болью и слезами.

Одна из известных и сегодня протяжных песен «Таштугай» посвящена несчастной судьбе красавицы Кунслу, которую «словно бы скотину за поводья» увез нелюбимый человек на чужбину под названием Таштугай. Девушку разлучили с любимым Байгубеком, и несчастная, потеряв всякие жизненные смыслы, бросается в реку. *«Берега круты на Таштугае, ни талинки нету, чтобы взлезть. Я страдаю по родному краю, как набраться силы – улететь?»* – стонет от тоски несчастная женщина (12). Слова протяжных песен «Зюльхиза», «Шаура-сноха», «Загифа», «Мадинакай», «Песня тоски», «Залифакай», «Зульхабира» и др. как печальная антология разрушенных и искалеченных женских судеб, несчастной любви, горькой женской доли и их грустные мелодии стали классическими образцами «узун кюй» и вошли в золотой фонд башкирской музыкальной классики (13).

В репертуаре современных исполнителей есть и народная песенная лирика, представленная любовными, застольными, шуточными, бытовыми песнями и частушками: «Песня о кумысе», «Салимакай», «Ялсыгул», «Хатира», «Шаль вязала», «Черная курица» и др. (14). Особенно популярны среди современников такмаки-частушки – короткие скорые песенки (кыска кюй) плясового характера, злободневного, задорно-шутливого или сатирического содержания. Они вобрали в себя неиссякающий жизненный оптимизм народа, умение критически и с юмором оценивать свои недостатки и пороки, огромный творческий потенциал его неунывающей души. Эти песни занимают заслуженное место в репертуаре современных исполнителей (15).

Современные башкирские песни профессиональных авторов и композиторов выросли на основе народного песенного наследия, сохраняют его интонационно-выразительные средства, мелодику,

широту диапазона в исполнении и уникальные мелизмы как его «визитную карточку». Их поэтическое содержание созвучно тем традиционным ценностям, которые всегда были в смысловом эпицентре музыкального фольклора башкир: это добро, истина и красота, дружба, мир, патриотизм, гражданственность, любовь в ее космическо-философском значении (к жизни, родной земле, матери, любимому человеку и др.).

Народная песня через века пронесла свои самобытные традиции и оказала непосредственное влияние на формирование профессионального песенного искусства и вокальных школ в республике, а имена их представителей и воспитанников известны сегодня далеко за пределами отечественной и башкирской культуры и эстрады. Ильдар Абдразаков (лучший бас планеты), Диляра Идрисова, Айгуль Ахметшина поют на знаменитых мировых сценах, Аскар Абдразаков, Элвин Грей (Радик Юлъякшин) и др. исполнители умножают славу башкирской народной песни.

Башкирская народная песня, пройдя долгий путь во времени, сохранила гуманистические духовные смыслы, самобытное звучание, уникальную технику исполнения и сегодня, в условиях постмодерна, занимает свою устойчивую нишу в современной отечественной и национальной музыкальной культуре. Она звучит в семейном кругу и в воспоминаниях информантов музыкально-фольклорных экспедиций, на масштабных национальных форумах, межнациональных и этнических праздниках, международных, всероссийских и региональных конкурсах национальной песни, на сценах известных оперных театров.

Башкирская народная песня как призыв к добру, истине и красоте вносит свою достойную лепту в приобщение молодых профессиональных вокалистов, самодеятельных исполнителей и их поклонников к народному искусству, к этнической памяти и истории, в формирование художественно-эстетической культуры современной молодежи. Более того, самобытный музыкальный строй, уникальная мелодическая структура народной песни представляют собой богатейший источник для современных композиторов, работающих в жанре фолк-музыки.

Примечания

1. Рахматуллина З.Я. Башкирский национальный дух (социально-философский очерк). С. 119.
2. Башкирия в русской литературе. Т. 2. Предания и легенды. С. 79.
3. Сулейманов Р.С. Жемчужины народного творчества Урала. – Уфа: «Китап», 1995. С 10.
4. Башкирское народное творчество. Т. 8. Песни (дооктябрьский период). С. 141-149**.**
5. Там же. С. 8.
6. Круковский М.А. Указ. соч. С. 66-67.
7. См.: Буракаев И.Д., Буракаева М.С., Юлмухаметов М.Б. Уроки жизни (На башк. яз.). – Уфа: Башк. изд-во «Китап», 1996. С. 30.
8. Хакимьянова А.М. Указ. соч. С. 18.
9. Башкирское народное творчество. Т. 8. Песни (дооктябрьский период). С. 33-41.
10. Там же. С. 115-140.
11. Там же. С. 141-149.
12. Там же. С. 250-251.
13. Там же. С. 250-274.
14. Там же. С. 191, 203, 278, 286, 288, 290.
15. Рахматуллина З.Я. Башкирская традиция (социально-философский анализ). С. 271.

Заключение

Глобализирующийся мир с его технологическими новациями (информатизацией, цифровизацией, роботизацией и др.) сегодня все больше сталкивается с удивительным явлением – планетарной активизацией так называемого феномена «этнического парадокса современности». От интереса к собственной социокультурной этнотрадиции, осмысления своего прошлого, возвращения к этническому в искусстве, архитектуре, в организации быта, в спорте, в одежде и др. в условиях универсализации жизни – до отстаивания, порой радикального, своих национальных интересов и традиционных ценностей в современном противоречивом геополитическом пространстве – таков его содержательный диапазон.

Перед современным российским обществом стоит судьбоносная задача: воспитать гармоничную личность, духовного человека: доброго, умного, красивого, ответственного за себя, за свою жизнь, за свои поступки. В свое время отечественный ученый Дм. Менделеев сказал: «Знания без воспитания – меч в руках сумасшедшего!». Очевидно, что именно сегодня воспитание на своих традиционных историко-культурных и духовно-нравственных ценностях, на национальном общественном идеале, родном искусстве, обрядах и праздниках может сформировать настоящих граждан, патриотов, защитников Отечества и культурного суверенитета своей страны.

Сохранение и укрепление традиционных ценностей является одной из важных составляющих стратегического планирования и обеспечения национальной безопасности многонационального Российского государства и безопасности его народов в современной геополитической ситуации. Семья, система образования, сфера культуры и искусства, средства массовой информации, общественные и молодежные организации, волонтерские и национально-культурные объединения, традиционные религии, народные обряды, обычаи, этикет – это реальные и эффективные механизмы приобщения подрастающих поколений к ценностям своего народа, к культуре, родному языку, исторической и этнической памяти.

В рамках реализации Указа «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» каждое этноконсо-

лидирующее и духоформирующее событие отечественной истории, общенациональной и этнической жизни, научные, образовательные и культурные проекты, радио- и телепередачи, каждый артефакт культурного наследия народов, художественное произведение, фольклор, родной язык как квинтэссенция культуры, этикет и др. должны стать механизмами укрепления традиционных ценностей и воспитания гармоничной личности с высоким уровнем социального, культурного, этического, эмоционального интеллекта, знающего родной язык, свои этнокультурные истоки, национальных героев.

Более того, в данном контексте особую актуальность приобретают доступные, наглядно-зрелищные, эмоционально-яркие формы объективации традиционных ценностей: этнические праздники, обычаи, обряды, ритуалы и церемониалы, которые начали активно возвращаться в жизнь современного человека. Как квинтэссенция традиционных духовных ценностей, они имеют огромный педагогический и культуротворческий потенциал, способный приобщить современные поколения к национальной духовности, исторической памяти и правде.

Традиционные ценности башкир созвучны духовным ориентирам народов многонациональной России и вносят достойную лепту в укрепление единого социокультурного пространства страны, в воспитание молодых поколений, которые будут использовать свои знания и умения на личностное и социальное благо, на укрепление авторитета своего государства, разрушившего однополярный мир, на международном уровне и защищать его ценностный и культурный суверенитет.

Литература

Адоньева С.Б. Прагматика фольклора. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; ЗАО ТИД «Амфора», 2004. 312 с.

Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII- XVIII веков. Уфа: Китап, 1993. 224 с.

Аминев З.Г, Ямаева Л.А. «Башкирский ислам»: истоки, эволюция, современное состояние. М.: Изд-во Триумф, 2020. 224 с.

Андреев А.П., Селиванов А.И. Русская традиция. М.: Алгоритм, 2004. 317 с.

Андреенкова А.В. Материалистические / постматериалистические ценности в России // Социологические исследования. 2008. № 11. С. 73-81.

Арнольдов В.А. Санитарно-бытовой очерк жизни башкир юго-восточной части Стерлитамакского уезда, Уфимской губернии // Общество врачей. Казан. ун-т: Дневник. Вып. 4. Казань, 1894.

Асфандияров А.З. Башкирская семья в прошлом (XVIII – первая половина XIX в.). Уфа: Китап, 1997. 104 с.

Баева Л.В. Ценности изменяющегося мира: экзистенциальная аксиология истории. Астрахань: Изд-во АГУ, 2004. 277 с.

Баимов Б.С. Башкирские народные такмаки. Уфа: Аэрокосмос и ноосфера, 2001. 224 с.

де Бай И.А. От Волги до Иртыша / пер. М.М.Дмитриевой. Екатеринбург, 1897. 24 с.

Байбурин А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета: этнографические очерки. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1990. 165 с.

Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. 541 с.

Башкирия в русской литературе. В 6 томах. Т. 1. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1989. 512 с.

Башкирия в русской литературе. В 6 томах. Т. 2. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1990. 432 с.

Башкирия в русской литературе. В 6 томах. Т. 3. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1993. 512 с.

Башкирское народное творчество. Т. 1. Эпос. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1987. 544 с.

Башкирское народное творчество. Т. 2. Предания и легенды. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1987. 576 с.

Башкирское народное творчество. Т. 4. Волшебные сказки. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1989. 512 с.

Башкирское народное творчество. Т. 5. Бытовые сказки. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1990. 496 с.

Башкирское народное творчество. Т. 7. Пословицы, поговорки. Приметы. Загадки. Уфа: Башкирское издательство «Китап», 1993. 464 с.

Башкирское народное творчество. Т. 8. Песни (дооктябрьский период). Уфа: Башк. изд-во «Китап», 1995. 400 с.

Башкирское народное творчество. Т. 10. Исторический эпос. Уфа: Башкирское издательство «Китап», 1999. 392 с.

Башкирское народное творчество. Т. 12. Обрядовый фольклор. Уфа: Китап, 2010. 592 с.

Башкирское народное творчество. Т. 1. Обрядовый фольклор (На башк. языке). Уфа: Китап, 1995. 560 с.

Башкиры /отв. ред. Р.Г. Кузеев, Е.С. Данилко; Ин-т этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН; Ин-т истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. М.: Наука, 2016. 662 с.

Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 175 с.

Бигнова М.Р., Рахматуллина З.Я. Религиозное образование в современной России: социально-философский очерк (на примере ислама и православия). Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. 177 с.

Бикбулатов Н.В. Башкирская система родства. М.: Наука, 1981. 124 с.

Бикбулатов Н.В. Башкирский аул: Очерк общественной и культурной жизни. Уфа: Башкнигоиздат, 1969. 214 с.

Бикбулатов Н.В. Башкиры. Краткий этноисторический справочник. Уфа: УНЦ РАН, 1995. 34 с.

Бикбулатов Н.В., Фатыхова Ф.Ф. Семейный быт башкир. XIX-XX вв. М.: Наука, 1991. 189 с.

Бикбулатов Н.В., Юсупов Р.М., Шитова С.Н., Фатыхова Ф.Ф. Башкиры: Этническая история и традиционная культура. Уфа: Научное издательство «Башкирская энциклопедия», 2002. 248 с.

Буракаев И.Д., Буракаева М.С., Юлмухаметов М.Б. Уроки жизни (На башк. яз.). Уфа: Башк. изд-во «Китап», 1996. 220 с.

Валеев Д.Ж. Очерки истории общественной мысли Башкортостана. Уфа: Китап, 1995. 224 с.

Валиуллина З.Р., Рахматуллина З.Я. Экологическая традиция башкир (социально-философский очерк). Монография. Уфа: РИО БашГУ, 2006. 140 с.

Ватолина Ю.В. Гостеприимство: логика и этос. СПб: Изд-во РХГА, 2014. 261 с.

Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994. 704 с.

Вильданов А.Х., Кунафин Г.С. Башкирские просветители-демократы XIX века. М.: Наука, 1981. 256 с.

Волков Ю.Г. В поисках новой идеологической парадигмы // Социально-гуманитарные знания. 2007. № 2. С. 80-100.

Выжлецов Г.П. Аксиология: становление и основные этапы развития // Социально-политический журнал. 2006. № 1. С. 86-99.

Выжлецов Г.П. Духовные ценности и судьба России // Социально-политический журнал. 2008. № 3-6. С. 16-32.

Галиева Ф.Г. Многоженство у башкир как этносоциальное явление в прошлом и настоящем // Вестник Института ИАЭ. 2017. № 4. С. 97-102.

Галиева Ф.Г. Семейные обряды и обычаи башкир в поликультурном пространстве. Уфа: Китап, 2020. 296 с.

Галин С.А. Башкирский фольклор. Учебное пособие для студентов вузов, педучилищ и учителей средних школ. Пермь, 1975. 236 с.

Галин С.А. Народной мудрости источник. Башкирский фольклор: толковый словарь. Учебное пособие. Уфа: «Китап», 1993. 224 с.

Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, вероисповедований и прочих достопримечательностей. Ч. 1-2. СПб., 1799. 76 с.

Гузеева М.В. Ценности и ценностные ориентации личности в структуре духовно-нравственного воспитания личности // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. Т. 5. № 2 (15). С. 40-43.

Гуревич П.С. Философия культуры. М.: ИФРАН, 2007. 300 с.

Гусейнов А.А. Великие моралисты. М.: Республика, 1995. 351 с.

Давлеткулов А.Х. Проблемы художественно-эстетического осмысления истории этноса в башкирском эпосе (Опыт социально-

философского анализа). Уфа: Башгоспединститут, РИО «Иммунопрепарат», 1998. 214 с.

Дежнев В.Н., Новикова О.В. Традиционные ценности: к определению понятия // Вестник Шадринского государственного педагогического института. 2015. 4 (28). С. 71-74.

Дилигенский Г.Г. «Запад» в российском общественном сознании // Общественные науки и современность. 2008. № 5. С. 5-19.

Дранникова Н.В. «Фольклор»: к вопросу об истории употребления термина и его значения в русском языке // Труды Карельского научного центра РАН. 2015. № 8. С. 39-45.

Дробницкий О.Г. Мир оживших предметов. Проблема ценности и марксистская философия. М.: Политиздат, 1967. 351 с.

Дробницкий О.Г. Проблемы нравственности. М.: Политиздат, 2007. 150 с.

Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т. 8. Среднее Поволжье и Приуральский край. Часть 2. Приуральский край. М., 1901. 311 с.

Зайлалов И.И., Рахматуллина З.Я. Функционирование башкирской культуры в многонациональном обществе. Октябрьский: ГУП РБ «ОГТ», 2007. 152 с.

Зубец В.М. Два типа ценностных изменений // Философские науки. 2008. № 4. С. 69-74.

Илимбетова А.Ф, Илимбетов Ф.Ф. Культ животных в мифоритуальной традиции башкир. Уфа: Гилем, 2012. 703 с.

Инглхард Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Политические исследования. 2007. № 4. С. 6-32.

История башкирского народа: в 7 т. Т.2 / гл. ред. М.М. Кульшарипов; Ин-т истории, языка и литературы УНЦ РАН. Уфа: Гилем, 2012. 416 с.

История башкирского народа: в 7 т. Т.3 / гл. ред. М.М. Кульшарипов; Ин-т истории, языка и литературы УНЦ РАН. Уфа: Гилем, 2011. 476 с.

История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. Уфа: «Китап», 1996. 520 с.

Исянгулов Ш.Н. Семья и брак у башкир в период средневековья. Уфа: Изд-во «Мир печати», 2018. 162 с.

Иткулова Л.А. Мировоззрение башкирского этноса: философско-антропологический анализ: монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. 222 с.

Каган М.С. Философская теория ценностей. СПб.; ТОО ТК «Петрополис», 2007. 205 с.

Казанцев И. Описание башкирцев. СПб., 1866. 97 с.

Карим М. Долгое-долгое детство: Повесть; Не бросай огонь, Прометей! Трагедия в стихах. Пер. с башк. М.: Худож. лит., 1987. 333 с.

Карим М. 100 стихотворений / Пер. с башк. Уфа: Инеш, 2019. 152 с.

Киньябаева Г.А. Семья и брак башкир в XIX веке. Основные тенденции демографического развития. Уфа: АН РБ, Гилем, 2012. 123 с.

Киреев А.Н. Башкирский народный героический эпос. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1970. 304 с.

Киреев А.Х. Башкирское народное устно-поэтическое творчество. Уч. пособие (на башк. языке). Уфа: Изд-е Башкирского госуниверситета, 1982. 244 с.

Круковский М.А. Южный Урал. Путевые очерки. М.: К.И. Тихомиров, 1909. 311 с.

Крысько В. Г. Этнопсихологический словарь. М.: МПСИ, 1999. 343 с.

Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1978. 264 с.

Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М.: Изд-во «Наука», 1974. 571 с.

Кузбеков Ф.Т. История культуры башкир. Уфа: Издательство «Китап», 1997. 128 с.

Кулыева А.А., Рахматуллина З.Я. Духовная личность: портрет современника. Монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2007. 114 с.

Лагунов А.А. Русская религиозная философия: божественное и человеческое. Ставрополь: Северо-Кавказский гос. техн. ун-т, 2007. 204 с.

Лапин Н.И. Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России // Социологические исследования. 2008. № 6. С. 78-87.

Лапкин В. В., Пантин В. И. Восприятие западных институтов и ценностей в постсоветском пространстве: опыт Украины и России // Политические исследования. 2004. № 1. С. 74-88.

Леонтьев Д.А. Методика изучения ценностных ориентаций. М: «Смысл», 1992. 17 с.

Леонтьев Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. 2006. № 4. С. 4-36.

Леонтьев Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Современный социо-анализ: Сборник работ авторов, получивших гранты Московского отделения Российского научного фонда и Фонда Форда. М., 1996. С. 5-22.

Лепехин И.И. Продолжение дневных записок путешествия академика и медицины доктора Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1770 г. СПб., 1802. 338 с.

Лисаускене М.В. Поколение next – прагматичные перфекционисты или романтики потребления // Социологические исследования. 2006. № 4. С. 111-115.

Лосский Н.О. Ценность и бытие: Бог как царство Божие и бытие как основа ценностей. Париж: YMCA PRESS, 1931.125 с.

Лосский Н.О. Ценность и бытие. М.: Республика, 2007. 250 с.

Лотце Р.Г. Микрокосм: мысли о естественной и бытовой истории человечества, опыт антропологии, душа. Пер. с нем. Ф. Корша. Изд. 2-е. М.: URSS: Либроком, 2012. 160 с.

Лукьянов В.Г. Аксиологическая мысль в Петербурге: две парадигмы – возможен ли синтез? (аксиологические концепции М.С. Кагана и Г.П. Выжлецова) // Культурное пространство Петербурга: история и современность. СПб.: СПбГУП, 2007. С. 29-32.

Лукьянов В.Г. О понятии «русская религиозная аксиология» // Герценовские чтения 2002. Кафедре социологии 10 лет. СПб., 2008. С. 80-87.

Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана с древнейших времен до XVI века. Уфа: «Китап», 1994. 360 с.

Макаева Г.З. Влияние ислама на башкирскую культуру: Монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. 156 с.

Максуд Р. Ислам /Пер. с англ. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1998. 304 с.

Малахов М.В. Башкиры // Записки Уральского общества любителей естествознания. Т. XI. Вып. I. Екатеринбург, 1887. С. 75-84.

Малиев Н. Антропологический очерк башкир. Публичная лекция // Труды общества естествоиспытателей при Императорском Казан. ун-те. Т. 5. Вып. 5. Казань, 1876. 32 с.

Материалы по истории казахских ханств XV-XVIII веков (Извлечения из персидских и тюркских сочинений) / сост. С.К.Ибрагимов, Н.Н. Мингулов, К.А. Пищулина, В.П. Юдин. Алма-Ата: «Наука», 1969. 651 с.

Мифтахетдин и Мухаметсалим: наследие великих просветителей Башкортостана. Уфа: Инеш, 2016. 248 с.

Морозов Е.А., Уразаева Н.Р. Репрезентация религиозных ценностей современного общества [Электронный ресурс]. – Магнитогорск: МГТУ им. Г.И. Носова, 2017. –1 электрон. опт. диск (CD-ROM), шифр хранения IER иэр 2018/1670

Надршина Ф.А. Память народная (исторические корни и жанровые особенности башкирских народных преданий и легенд (на башк. языке) (монография). Уфа: Гилем, 2006. 320 с.

Назаров П. Башкиры // Семенов Д. Отечествоведение. СПб., 1886. С. 173-185.

Нарочницкая Н. Осознать свою миссию // Наш современник. 1993. № 2. С. 164-170.

Никольский Д.П. Башкиры: Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. СПб., 1899. 377 с.

Никольский Н.В. Конспект по истории народностей Поволжья. Казань, 1991. 88 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.

Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. I. СПб.: Имп. Акад. наук, 1773. 774 с.

Панова В.Ф., Вахтин Ю.Б. Жизнь Мухаммеда. М.: Политиздат, 1990. 495 с.

Плетнева С.А. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М.: Наука, 1982. 188 с.

Плисецкий М. Башкиры. М., 1929. 14 с.

Постановление Правительства Республики Башкортостан от 17 августа 2018 года № 395 «Об утверждении государственной программы "Сохранение и развитие государственных языков Республики Башкортостан и языков народов Республики Башкортостан" и

внесении изменений в некоторые решения Правительства Республики Башкортостан» (с изменениями на 10 августа 2022 года).

Рахматуллина З.Н. Менталитет башкир: сущность, характеристики. Уфа: РИЦ БашГУ, 2007. 126 с.

Рахматуллина З.Я. Башкирская традиция (социально-философский анализ). Уфа: Изд-во БашГУ, 2000. 304 с.

Рахматуллина З.Я. Башкирский национальный дух (социально-философский очерк). Уфа: Изд-е Башкирск. ун-та, 2002. 154 с.

Рахматуллина З.Я. Весна судьбы моей. Повести. Стихотворения. Уфа: Мир печати, 2021. 318 с.

Рахматуллина З.Я. Мир держится на культуре: философское осмысление: монография. Уфа: РИЦ БашГу, 2021. 226 с.

Рахматуллина З.Я. Моральный облик – лицо нации / На башк. яз. Уфа: Китап, 1998. 144 с.

Рахматуллина З.Я. Национальный костюм: философия, идеология и эстетика // Национальный костюм: из прошлого в будущее. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (19 мая 2016, г. Учалы). Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. С. 3-6.

Рахматуллина З.Я. Право на духовность: философский очерк. Уфа: Издательство «Гилем», 2011. 132 с.

Рахматуллина З.Я. Традиция как социокультурный феномен. Монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. 142 с.

Рахматуллина З.Я. Этикет как ценность культуры. Уфа: Издательство «Гилем», 2004. 240 с.

Рахматуллина З.Я., Фаткуллина А.Я. Человеческий мир: этическое измерение. Монография. Уфа: РИО БашГУ, 2005. 156 с.

Рахматуллина З.Я., Якупов М.Т. Социальные аспекты ислама: развитие просвещения и гражданской активности народов Поволжья и Приуралья. Уфа: РУНМЦ, 2004. 378 с.

Религия в современной России: контексты и дискуссии: монография / М.М. Мчедлова [и др.]; отв. ред. М.М. Мчедлова; РУДН; ФНИСЦ РАН. М.: РУДН, 2019. 393 с.

Розов Н.С. Конструктивная аксиология и интеллектуальная культура будущего // Философия образования для XXI века: сб. ст. М., 2010. С. 49-72.

Розов Н.С. Конструктивная аксиология и этика ценностного сознания // Философия и общество. 2009. № 5. С. 92-119.

Розов Н.С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 2008. 292 с.

Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 5. Урал и Приуралье. СПб., 1914. 669 с.

Руденко С.И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1955. 394 с.

Руденко С.И. Башкиры. Опыт этнологической монографии. Часть I. Физический тип башкир. Пг., 1916. 312 с.

Руденко С.И. Башкиры. Опыт этнологической монографии. Часть 2. Быт башкир. Л., 1925. 330 с.

Рыбаков С.Г. Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта. СПб., 1897. 330 с.

Рычков Н.П. Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 году. СПб., 1770. 189 с.

Рябов А.В., Курбангалеева Е.Ш. Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы. М.: Дом интеллектуальной книги, 2003. 448 с.

С.И. Руденко и башкиры. Уфа: Гилем, 1998. 190 с.

Сады праведных // Наука и религия. 1997. № 11. С. 48.

Сальманов А.С. Специфика этногенеза тюркских народов Евразии: формирование башкирского племенного объединения табын. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2022. 563 с.

Современный философский словарь / Под общей ред. д.ф.н. профессора В.Е. Кемерова. М.: Академический Проект, 2004. 864 с.

Соколов Д.Н. О башкирских тамгах. Оренбург, 1904. 90 с.

Соколов Д.Н. Оренбургская губерния. М., 1916. 102 с.

Строганов М.В. Исторические корни фольклорных жанров: Монография. М.: РГУ им. А.Н. Косыгина, 2019. 175 с.

Сулейманов А.М. Башкирский фольклор (Методическое руководство по сбору образцов народного творчества). Уфа: Вагант, 2010. 140 с.

Сулейманова Р.Н. Доисламские верования и обряды башкир. Уфа: РИО БашГУ, 2005. 146 с.

Султангареева Р.А. Башкирский свадебно-обрядовый фольклор. Уфа: УНЦ РАН, 1994. 191 с.

Султангареева Р.А. Башкирский фольклор: семантика, функции и традиции: Т. 1: Миф. Обряд. Танец. Сказительство. Шаман-

ский, религиозный, музыкальный фольклор. Современные традиции. Уфа: Башк. энцикл., 2018. 520 с.

Султангареева Р.А. Жизнь человека в обряде. Уфа: Гилем, 2005. 344 с.

Султангареева Р.А. Семейно-бытовой обрядовый фольклор башкирского народа. Уфа: Гилем, 1998. 243 с.

Султангареева Р.А. Танцевальный фольклор башкир. Уфа: Гилем, 2013. 128 с.

Сюкияйнен Л.Р. Ислам и права человека в диалоге культур и религий: монография. М.: Садра, 2014. 210 с.

Токарев С.А. О культе гор и его месте в истории религии // Советская этнография. 1982. № 3. С. 107-113.

Тугаринов В.П. О ценностях жизни и культуры. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1960. 156 с.

Тугаринов В.П. Природа, цивилизация, человек. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. 128 с.

Тульцева Л.А. Традиционные верования, праздники и обряды русских крестьян. М.: Знание, 1990. 64 с.

Тэрнер В. Символ и ритуал. М.: Гл. редакция восточной литературы изд. «Наука», 1983. 277 с.

Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Указ Президента Российской Федерации от 25.01.2023 г. № 35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808».

Урал-батыр. Башкорт халыk кобайыры = Урал-батыр. Башкирский народный эпос = Uralbatur. Bashkort Folk Epic. Уфа: Информреклама, 2003. 468 с.

Фальк И.П. Провинция Уфимская // Полное собрание ученых путешествий по России. Т. 6. СПб., 1824. С. 255-267.

Фаткуллина А.Я. Смысложизненные ценности в башкирской мифологии. Уфа: РИО БашГУ, 2004. 120 с.

Фахретдинов Р.Ф. Ислам. Казань: Издательство «Иман», 1997. 56 с.

Федеральный закон № 136 «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан» от 26.06.2013.

Филоненко В.И. Башкиры. Уфа: электр. типо-лит. Ф.Г. Соловьева, 1915. 75 с.

Фольклор народов Башкортостана: энциклопедия / Государственное автономное учреждение науки Республики Башкортостан «Башкирская энциклопедия»; научно-редакционная коллегия: Ф.А. Надршина (главный редактор), У.Г. Саитов (ответственный редактор) (и др.); перевод на английский язык: ООО «Центр межкультурного сотрудничества». Уфа: Башкирская энциклопедия, 2020. 664 с.

Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. 511 с.

Хакимьянова А.М. Лирические песни башкир: Поэтика. Концептосфера. Уфа: Китап, 2019. 160 с.

Хакимьянова А.М., Султангареева Р.А. Башкирские свадебные песни (текст и практика). Уфа: Мир печати, 2018. 176 с.

Хусаинова Г.Р. Башкирская фольклористика: история и современность // Известия Уфимского научного центра РАН. 2022. № 2. С. 50-55.

Хусаинова Г.Р. Башкирские волшебные сказки: поэтика и текстология. Уфа: Гилем, Башк. энцикл., 2014. 216 с.

Хусаинова Г.Р. Поэтика башкирских народных волшебных сказок. Формулы красоты в сравнительном освещении и сохраняемость сказки во времени. М.: Наука, 2000. 247 с.

Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859. 472 с.

Шарапова И.Р. Башкирские народные праздники как социокультурный феномен. Уфа: РИЦ БашГУ, 2011. 128 с.

Эвола Ю. Метафизика пола. М.: Беловодье, 1996. 448 с.

Экологические традиции в культуре народов Центральной Азии. Новосибирск: ВО Наука. Сибирская издательская фирма, 1992. 160 с.

Юдин П.Л. Башкиры (Бытовой очерк) // Оренбургские губернские ведомости. 1890. № 34-37.

Юлдыбаева Г.В. Сюжет и стиль эпоса «Урал-батыр» (на башк. языке). Уфа: Гилем, 2007. 130 с.

Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 1999. 352 с.

Янгузин Р.З. Хозяйство башкир дореволюционной России. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1989. 192 с.

Яницкий М.С. Ценностные ориентации личности как динамическая система. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000. 204 с.

Научное издание

З.Я. Рахматуллина

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ БАШКИР: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Монография

В оформлении обложки использована картина
Заслуженного художника Российской Федерации
Дж. А. Сулейманова «Белая юрта»
(*изображение взято из открытого источника: http://www.artlib.ru/index.php?id=36&idp=0&fp=2&uid=7027&iid=89933&idg=1&user_serie=0)*

Компьютерная верстка: Хисаметдинов А.У.

Подписано в печать 26.09.2023 г. Формат 60x84/16.
Усл. печ. л. 12,55. Уч.-изд. л. 13,18.
Тираж 500 экз. Изд. № 21. Заказ 20.

Отпечатано на множительном участке ИИЯЛ УФИЦ РАН
450054, РБ, г. Уфа, пр. Октября, 71.Тел.: (347) 235-60-50